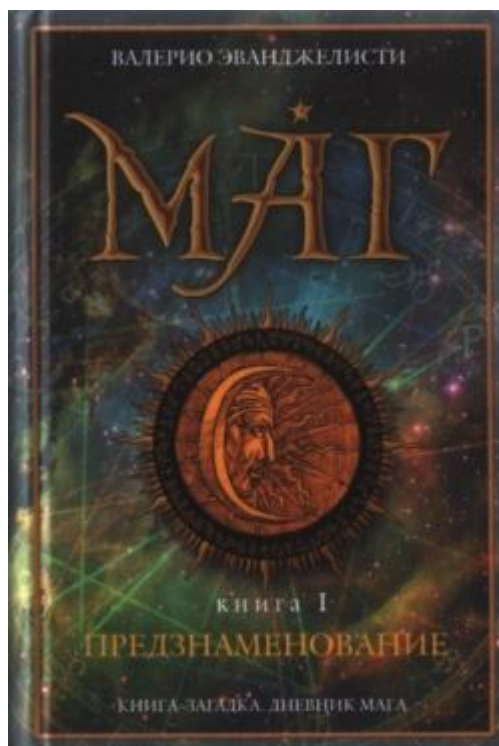

Валерио Эванджелисти Предзнаменование

Маг – 1

Скан — kejten, вычитка — Ольга М., kejten Библиотека Старого Чародея
«Маг. Книга 1. Предзнаменование»: Эксмо, Домино; М., СПб.; 2008
ISBN 978-5-699-31009-8

Аннотация

XVI век. В Европе бесчинствуют четыре всадника Апокалипсиса, неся с собой ужасы войны, чумы, голода и братоубийственной ненависти. Кажется, что грядет конец света.

И только Мишель Нострадамус знает, сколько еще испытаний выпадет на долю человечества. Его имя окружено пеленой тайны. Он видит сквозь барьеры времени, предсказания его с пугающей точностью сбываются и в XXI веке.

«Предзнаменование» — первая книга романа В.Эванджелисти «Маг», в которой Мишель Нострадамус — молодой студент-медик, друг Франсуа Рабле, — обретает свой чудесный и зловецкий дар.

Валерио Эванджелисти Предзнаменование

ВЕК ШЕСТНАДЦАТЫЙ

То было время конфликтов и перемен, страданий и открытий. В Европе властвовали три национальных государства: Испания, Франция и Англия. Сохранение собственного могущества постоянно требовало от них то войн, то политических маневров; под давлением сиюминутных обстоятельств легко складывались и с легкостью распадались различные альянсы. Границам христианства постоянно угрожала гигантская Османская империя,

которая, опираясь на отвагу и дерзость своих корсаров, пыталась установить полный контроль над Средиземным морем.

Англия редко вмешивалась в континентальные дела, и ареной непрерывных конфликтов были в первую очередь Испания и Франция. Испания лелеяла имперские амбиции благодаря притоку сокровищ из заокеанских колоний и своему внутреннему единству. Частично эти притязания были удовлетворены, когда Карл V унаследовал от деда, Максимилиана I, скипетр Габсбургов, титул правителя Востока и теоретическую власть над местными суверенами и знатью.

Это изменило и без того нестабильное соотношение сил с Францией. Судьбы Французского королевства, гегемона в области литературы и искусства, обладателя мощнейшей и практически непобедимой военной артиллерии, тесно переплетались с судьбами Италии, которую Франция рассматривала как естественную территорию для экспансии. Дело было не только в том, что французскую и итальянскую аристократию столетиями объединяли кровные узы. Между обеими странами шел активный обмен художниками и писателями, который определялся общим восприятием античной латинской культуры как высшей модели интеллектуальной жизни.

Когда Испания в своих притязаниях на единоличное и жесткое правление в Средиземноморье добралась до Италии, столкновение между Испанией и Францией стало неизбежно, а непосредственным театром военных действий оказался Апеннинский полуостров.

Эти две силы, оспаривавшие друг у друга Европу, были совершенно разными по духу. Обе страны исповедовали католическую веру, но испанский католицизм отличался угрюмой суровостью и строгостью, граничащей с фанатизмом. В Испании огромный вес имела инквизиция, мрачный средневековый институт, созданный церковью для борьбы с ересями и приспособленный испанскими королями для политического контроля. Именно инквизиция в XV веке предприняла первую попытку полного истребления еврейского населения. На евреев объявили в буквальном смысле охоту, и дело кончилось настоящим геноцидом: евреи, силой обращенные в христианство, были далеки от послушания, и оттого их десятками тысяч сжигали на кострах, лишали имущества и обрекали на унижительное существование.

Не менее жестокой травле, особенно в Северной Европе, подверглась слабая половина человеческого рода, женщины, которых церковь объявила «сосудами греха». Установившееся повсюду презрительное отношение к последним норой «взрывалось» подлинными трагедиями человекоубийства. В тех, кого объявляли ведьмами, пугала их тесная связь с землей и ее жизненными циклами, следование естественным ритмам природы. Однако далеко не всегда во главе резни стояла инквизиция. Зачастую светские трибуналы, где бок о бок с князьями и баронами сидели представители церкви, выказывали еще большую суровость.

Мрачной атмосфере Испании и Германии, не случайно слившихся в единую империю, противостояло французское общество, гораздо более толерантное и все еще сохранявшее языческие традиции. Если Карл V был живым воплощением мрака и уныния, то династия Валуа поначалу поощряла известную свободу мысли и терпимо относилась к буйному нраву знати. Французским женщинам не приходилось, как испанкам или немкам, жить под постоянной угрозой костра. Французские евреи, хотя они и подвергались sporadическим гонениям, все же умудрялись процветать. Любое издевательство и насилие над ними строго запрещалось законом, однако к подобным требованиям, как и ко всяким прочим законам, относились по большей части небрежно. Многим евреям удавалось обеспечить себе спокойную жизнь, в особенности если они соглашались отречься от своей веры. Церковь и государство не утруждали себя заботами о контроле над этническими группами и сознанием граждан.

Парадоксально, но наилучшие условия для процветания иудейского меньшинства создались в Провансе, в окрестностях Авиньона, в графстве Венессен, которым управлял папский легат. Церковь, обретшая благодаря Цезарю Борджа еще и территориальное

могущество, представляла собой явление довольно противоречивое. Если в среде низшего духовенства часты были случаи самоотречения и сочувствия обездоленным, то в среде высшего духовенства царила скандальная свобода нравов, которую поддерживали и многие понтифики. Даже те из них, кто не был замечен в откровенном разврате, имели поистине королевские амбиции, активно вмешивались в политическую жизнь и участвовали в решении династических вопросов. В результате понтифики создали себе репутацию (пусть не всегда справедливую) людей, одержимых жадой материальных благ и светской власти, всегда готовых жестоко преследовать тех, кто стремился восстановить евангельские идеи всеобщего равенства и бедности.

Этот мотив был отнюдь не последним в ходе опустошительных религиозных войн XVI века. В 1517 году августинец Мартин Лютер восстал против коррупции в Римской католической церкви, призывая к радикальным реформам. За ним последовали те, кто разделял его духовные устремления, и те, кто увидел в протесте Лютера грядущее освобождение от материального закрепощения. И хотя эти последние в скором времени поняли, что Лютер вовсе не собирался разрушать существующие порядки, это не помешало Реформации быстро распространиться по всей Европе.

В сложившейся ситуации даже французским королям пришлось отказаться от своей относительно толерантной политики, и во всех крупных европейских государствах наметилась тенденция, предвещающая коренные перемены. В то время как Англия встретила новые веяния с распростертыми объятиями, суверены континентальных европейских государств оказались перед необходимостью реагировать на последующие конфликты, на сей раз внутренние. В итоге ко всем ужасам войны, чумы и голода прибавилась еще и проблема братоубийственной ненависти.

Таким образом, к началу XVI века выстроились в ряд все четверо всадников Апокалипсиса. Недоставало только поэта, который смог бы дать толкование их появлению. Однако впоследствии родился и поэт. Его звали Мишель де Нотрдам.

АБРАЗАКС. КОТ

Нострадамус, прихрамывая, поднялся в одну из комнат верхнего этажа, свидетельницу его ночных бдений, которую он называл мастерской, и опустился на бронзовый стул в виде буквы Х. Этот стул он велел себе изготовить, памятуя сиденья пророков классического периода. Ступни пронзила острая боль. В свои шестьдесят три года он был еще крепок и здоров, но его мучили неожиданные приступы подагры. Возможно, это была расплата за то, что в молодости он слишком много ходил пешком.

Он зажег от свечи маленькую лампу и, нашарив ногой под столом тазик с соленой водой, на ощупь придвинул его к себе. Стянув башмаки, он опустил в тазик ноги. Хотя это тоже входило в обычай великих пророков, Нострадамус пользовался соленой ножной ванной в чисто практических целях: она помогала хотя бы отчасти снять неотступные боли в ногах и в голове.

С возрастом испытание, к которому он себя готовил, уже не вызывало прежних эмоций. Он вспомнил, с каким ужасом обнаружил однажды, что уже не в состоянии контролировать свои выходы в параллельный мир, где время оставалось неподвижным, а пространство приходило в движение. Парацельс определил этот мир как астральный свет, а Ульрих из Майнца, безумный демон в человеческом облике, говорил о нем как о царстве Абразакса, божества чисел, древней космической сущности гностиков.

— Будем надеяться, что эта ночь будет короче предыдущей, — прошептал он про себя. — И менее впечатляющей.

Он тихонько вздохнул, взял со стола лавровую веточку и снова опустился на сиденье, ожидая последующих событий. Если в молодости в подобных обстоятельствах ему становилось страшно, то это было скорее результатом беспорядочной жизни, которую он вел. Ему до сих пор было стыдно о ней вспоминать. Он с трудом узнавал себя в заносчивом

юнце, который только на то и годился, чтобы мучить женщин, в особенности одну... Единственным понятным свойством мира без времени была способность растягивать хорошие и дурные сны до бесконечных масштабов рая или ада. Все таланты Нострадамуса по причине юношеского легкомыслия обернулись для него морем ужаса. Потом ужас исчез, но осталась смутная тревога.

Теперь, в старости, он наконец мог сказать, что доволен собой. Он стал человеком положительным и чрезвычайно серьезным. Нынче он мог без особого страха покидать свое физическое тело. Жаль только, что полному спокойствию мешали угрызения совести — их он не в состоянии был заглушить.

Через приоткрытое окно он любовался звездным небом, раскинувшимся над Салоном¹ — небольшим городком, уже погруженным в сон. Подумал о шести сыновьях, мирно спящих внизу. Только малышка Диана, которой было всего два года, оставалась еще с матерью. Он прикрыл глаза и стал внутренне готовиться к очередной встрече со своим духом-проводником, Парпалусом. Правой рукой он нашарил на столе, среди разбросанных бумаг, кольцо, облегчавшее контакт. Боль в ногах, вызванная подагрой, немного утихла.

Спустя мгновение он широко раскрыл глаза и воскликнул:

— Господи Боже!

Ему послышалось чудовищно искаженное кошачье мяуканье. Он приподнялся на стуле. Бездомный и безымянный кот, часто заглядывавший к нему в гости, спустился с крыши и осторожно, как-то странно скривившись, подкрадывался к нему.

— А тебе чего надо? Что случилось?

Нострадамусу не хотелось вытирать ноги и совать их в башмаки. Он поманил кота, щелкая пальцами, и тут же заметил в поведении животного что-то пугающе неестественное, начиная с хриплого, утробного мяуканья.

Кот выгнул спину и, дергая хвостом, пошел к нему на задних лапах. Узкие вертикальные зрачки расширились и отливали красным. Он, наверное, ужасно страдал, но какая-то неведомая сила, несмотря на невыносимую боль, толкала его вперед.

Нострадамус вздрогнул и вскочил со стула, опрокинув тазик, однако не осмелился приблизиться к животному. Кот двигался ему навстречу с явным трудом, подняв шерсть дыбом и пристально глядя на него.

Нострадамус случайно скользнул глазами в угол, где он обычно ставил еду для своего четвероногого приятеля, и сразу догадался, в чем было дело. Чаша с настоем ястребиной травы и белены упала с полки, и наркотическая жидкость разлилась по полу, попав в плошку с кошачьим обедом.

Нострадамус все понял. Несчастный кот сейчас испытывал те же муки, что и он сам в юности, пока у него еще не возникло привыкания к пилозелле² (так называлась трава на языке науки). Несмотря на бившую его дрожь, Нострадамус протянул руку к стоявшей на полке тяжелой астробии, собираясь запустить ею в кота. Последний, словно угадав его намерение, отпрыгнул назад. Нострадамус отдернул руку, и со стола с оглушительным грохотом сорвался подсвечник, упав как раз на место, где только что было животное. Закон ясновидения еще раз продемонстрировал свою неумолимую логику. То, что предначертано, сбудется в любой форме, найдя один из многочисленных вариантов будущего, пусть даже ценой искажения принципов физики и здравого смысла.

— Ты Парпалус, верно? — сдавленно просипел Нострадамус.

Кот уставился на него красновато поблескивающими глазами, в которых уже не было враждебности.

¹ Салон — название города, где кончил свои дни Нострадамус. (Прим. перев.)

² Пилозелла, *hieratium pilosella* (лат.), ястребинка мохнатая, ястребиная трава — весьма распространенное придорожное растение. (Прим. перев.)

— Тебе нет входа в мой мир. Ты хочешь мне что-то сказать?

Кот не двинулся с места. В мозгу Нострадамуса явственно послышалось то особое бормотание, которое обычно издавал скрытый в сумраке демон, и он увидел ясные и в то же время размытые образы, намекавшие на события, которые уже произошли или должны произойти. Монолог был краток и страшен.

— Подожди, не уходи, — прошептал Нострадамус, когда Парпалус замолчал. — Я должен сразу же записать то, что ты сказал, иначе оно исчезнет.

Кот снова поднялся на задние лапы и застыл в этой неестественной позе, вытаращив глаза и время от времени подергивая хвостом. Сейчас он напоминал карикатурную статуэтку, выполненную неопытным скульптором.

Нострадамус упал на бронзовое сиденье и протянул руку к перу, торчавшему в чернильнице. Пальцы сильно дрожали, перо оставляло кляксу за кляксой. Затем, словно послушная неведомо кому машина, он начал переводить возникшие в мозгу образы в рифмованный катрен. Только поэтическими строками он мог рассказать о том, что видел, но записывать надо было быстро, пока не исчезло кошмарное видение.

Закончив писать, Нострадамус немного успокоился и поднес к глазам лист с начертанными на нем загадочными строками:

*L'an mil neuf cens mois,
Du del viendra un grand Roi d'effrayeur:
Resusciter le grand Roi d'Angolmois:
Avant, apr?s Mars regner par bon heur.*

*В год 1999-й, в месяц седьмой,
С небес спустится великий Владыка Ужаса,
Он воскресит великого Короля Анголмуа,
И до и после Марса будет править счастливо.³*

Запись получилась непонятной. Король Анголмуа — это, должно быть, Франциск I, герцог Ангулемский. Но кто воскресит этого воинственного сюзерена? Кто во имя счастья отдаст бразды правления Марсу, богу войны?

На миг он позабыл о коте, а когда вспомнил, ужас снова охватил его. Кот напоминал статуэтку глиняного божка: он по-прежнему без видимого труда стоял на задних лапах, его глаза горели как угли.

Нострадамус сглотнул, и голос вернулся к нему.

— Парпалус, или кто бы ты ни был... — Он помолчал, чтобы голос обрел уверенность. — Кто этот Владыка Ужаса, что спустится с неба в тысяча девятьсот девяносто девятом году? И седьмой месяц — это июль или август по грегорианскому календарю? — Ему никак не удавалось заставить голос не дрожать.

Он прекрасно знал, что ответа не получит, но надеялся, что его посетит еще одно пророческое видение. То, что он увидел, ужасное и разрушительное по своей мощи, длилось всего лишь миг. Он закрыл лицо руками.

— Нет, нет! Снова он!

Долго оставался он так, потом оторвал пальцы от лица, взглянул на кота и промолвил, стараясь следить за интонацией голоса:

— Это он, он Владыка Ужаса? Это Ульрих?

Вместо ответа кот перестал сверлить его взглядом, опустил на четыре лапы и снова замыкал. Потом повернулся, прыгнул на потертый диван, а с него — на подоконник. Красный огонь в глазах потух, и он бесшумно растворился в темноте среди крыш,

³ Катрен LXXII X центурии. Все центурии в романе даны в переводе Л. Здановича). (Прим. перев.)

освещенных луной.

Бледный как смерть Нострадамус слушал в тишине, как оглушительно колотится в груди сердце. Он взял было со стола листок, на котором писал, но снова уронил его и потер опущенные веки большим и указательным пальцами. «Нет, это слишком жестоко». Он представил себе человечество 1999 года во власти Ульриха, этого воплощения жестокости и зверства. Этого нельзя допустить. Он должен разрушить коварные планы того, кто был некогда его учителем, а теперь стал непримиримым врагом. Только он, Мишель Нострадамус, сможет отвести угрозу вторжения Владыки Ужаса. Однако для того чтобы это осуществить, ему придется проникнуть в царство Абразакса и, возможно, остаться там навсегда. Нечего и пытаться сделать это в одиночку.

Ему сразу вспомнились трое, которые, как и он, обладали способностью двигаться в другом измерении. Все они были некогда его заклятыми врагами. И, тем не менее, он в них нуждался. Сейчас он постарается вызвать их образы в памяти с максимальной точностью. Он представил себе всю свою жизнь, отыскивая лица тех, кто ненавидел его со всей силой и страстью.

За окном раздалось отдаленное кошачье мяуканье. Нострадамус сжал в пальцах давешнюю лавровую веточку и встряхнул ее, одновременно взывая к образам своих ненавистников сквозь барьеры времени.

ЧЕЛОВЕК В ПЛАЩЕ

По главной улице Монпелье, поднимая облако пыли с мостовой, давно не выдавшей дождя, с грохотом катила карета. В этот час давал о себе знать провансальский зной, особенно душливый жарким летом 1530 года, и неспешно проезжавший экипаж без опознавательных знаков привлек внимание разве что пары торговцев, дремавших за прилавками. Подняв головы и проводив карету глазами, они снова погрузились в сон.

Карета остановилась возле таверны, у которой рядом с обычной веткой плюща на вывеске красовалась засушенная голова дикого кабана с вытаращенными глазами. Вывеска гласила: «Ла Зохе», но ничто не указывало на значение этого загадочного названия. Услышав ржание четверки коней, господин Молинас отодвинул занавеску кареты, осторожно выглянул наружу и облегченно вздохнул. Путешествие кончилось. Он был измотан тем, что ему пришлось провести более пяти часов в тряской карете, сидя на жесткой скамейке без подушек.

Кучер уже спрыгивал с запяток, чтобы открыть дверцу. Молинас резким жестом остановил его:

— Нечего мной заниматься, подумай о лошадях.

Кучер коротко кивнул в знак согласия и направился к конюхам, уже выходившим из конюшни таверны.

Молинас оправил спадавший с узких плеч черный плащ, смотревшийся несколько странно в столь жаркую погоду. Однако на горных перевалах Пиренеев плащ очень пригодился, и он не собирался отказываться от привычного комфорта. К тому же, сними он плащ, ему не удалось бы спрятать от посторонних глаз короткую шпагу, висевшую сбоку, и кинжал в ножнах, подшитых к изнанке шерстяной куртки.

Вновь прибывший хмуро взглянул на хозяина таверны, толстяка, чья пышущая здоровьем физиономия расплылась в широкой улыбке.

— Добро пожаловать, сударь! — еще издали крикнул трактирщик. — Вы с багажом? Я тотчас велю разгрузить.

Молинас показал на большой черный сундук, прикрученный к платформе позади кареты.

— Только этот. Скажите слугам, пусть несут поосторожнее, там хрупкие вещи.

— Не извольте сомневаться! — Трактирщик отдал распоряжения подошедшему пожилому слуге и указал на вход в таверну. — Входите, сударь. Как долго вы рассчитываете

задержаться?

— Не знаю, да вас это и не должно интересовать. Во всяком случае, довольно надолго. Я заплачу хороший аванс.

— О, не беспокойтесь. Я спросил просто так, чтобы спросить.

Хозяин, немного испуганный, но воодушевленный упоминанием об авансе, проследовал ко входу в таверну. Вместо двери он был завешен занавеской, и над ней нависал балкон второго этажа. Трактирщик отодвинул занавеску и жестом пригласил путешественника внутрь здания, откуда доносился аппетитный запах жареного мяса.

— Располагайтесь, сударь, я быстро распоряжусь насчет обеда. Моя гостиница славится кухней, да и наше вино Мирво выдержит любые сравнения.

Молинас задержался на пороге.

— У вас здесь спокойно?

Хозяин вдруг очень смутился.

— По части спокойствия благополучно не всегда, — признался он. — Видите ли, Монпелье имеет несчастье быть университетским городом. Здесь множество студентов из Лангедока, со всего Прованса, даже из Испании и Италии. Они много шумят и озорничают, на этот счет сомневаться не приходится... — Толстяк поднял руки, выставив вперед ладони. — Но так во всем городе. Вы не найдете гостиницы более спокойной, чем моя.

Хозяин, видимо, ожидал от гостя какой-нибудь возмущенной реакции и был очень удивлен, когда человек в черном плаще, вопреки ожиданиям, в первый раз улыбнулся.

— Ничего страшного, — сказал он.

Молинас шагнул в просторную комнату, переоборудованную под таверну, которая была уже полна народа, хотя до обеда еще оставалось время. Он отметил преобладание бедно одетой молодежи. Только пару столиков возле потухшего камина занимали пожилые торговцы, занятые обсуждением своих дел. Гул их голосов заглушал доносившееся из кухни шипение жарящегося мяса.

Взгляд путешественника упал на гирлянды лавровых листьев, свешивающиеся с потолка.

— Здесь готовится праздник?

Хозяин неопределенно махнул рукой.

— Не совсем. Завтра тут будут выбирать студенческого старосту. Того, кто когда-то звался аббатом, а еще раньше — королем. — Улыбка исчезла с его лица. — Говорят, самый вероятный кандидат — господин Франсуа Рабле.

И это будет ошибкой: он здесь главный безобразник. Он приехал недавно, но уже показал себя во всей своей красе. Даже его предшественник, господин Гийом Рондле, уж на что был повеса, а все-таки не такой, как этот.

В холодных глазах Молинаса внезапно вспыхнул интерес.

— А есть вероятность, что выберут некоего Мишеля де Ностра Домина?

— Не слышал о таком, — ответил хозяин, но затем вдруг разинул рот и спросил: — Вы, случаем, не Мишеля де Нотрдама имеете в виду?

— Именно его, — ответил Молинас, непроизвольно прикрыв глаза.

— Он в кандидатах не числится. Он лучший друг и защитник Франсуа Рабле, еще один отъявленный безобразник, хотя сам еще «желторотый», то есть первокурсник. Вы не представляете, с каких пор...

Они вынуждены были прервать беседу. К Молинусу подошла девушка с распущенными светлыми волосами, в атласной кофточке, едва прикрывающей грудь, и схватила его за плечо.

— Почему на тебе эта черная штука? Ты что, хочешь умереть от жары? Сними ее, и тогда я тоже, может, что-нибудь сниму!

Хозяин остановил девушку повелительным взглядом.

— Этот господин не такой, как все. Ступай к подружкам. Если ты понадобишься, тебя позовут.

Девушка скорчила изящную гримаску, но сразу отошла. Хозяин, словно извиняясь, взглянул на путешественника.

— Такие уж нравы в этом городе. Как, впрочем, и во всей Франции, с тех пор как правят Валуа, — сказал он с улыбкой. Потом добавил, стремясь сменить тему разговора: — А вы и вправду не хотите снять плащ?

— Нет. — Молинас вовсе не был шокирован, поскольку ожидал чего-то подобного. — Я сяду здесь, — указал он на свободный столик. — Сначала обед, а потом я выберу комнату.

— Как пожелаете.

Хозяин поклонился и удалился на кухню.

Усевшись за столиком, Молинас осмотрелся. Под таверну, похоже, был переделан старый амбар. Потолочные балки держались на деревянных подпорках, в окнах кое-где виднелись остатки старой соломы, камин был сложен относительно недавно. Внимание гостя целиком переключилось на посетителей.

Особняком расположилась группа купцов, одетых в черный шелк, в шляпах с плюмажами, но преобладали студенты, всегда готовые перекинуться шуткой с очаровательным роем проституток, выющихся вокруг, и при малейшей возможности распустить руки. Несколько солдат маялись от жары в своих кольчугах, а в сторонке прихлебывал в одиночестве красное вино священник с бледным лицом и трясущимися руками.

Молинас оглядел деревянную лестницу на галерею второго этажа, опоясывающую зал. Проститутки, отнюдь не все молоденькие и хорошенькие, стремились затащить клиентов наверх, однако ни студенты, ни солдаты не шли дальше подмигиваний и смачных шлепков. На всех столиках, за исключением того, где сидели купцы, было по одному графину и возле него множество стаканов. Видимо, здесь мало кто мог похвастаться избытком денег.

Внимание Молинаса привлек шум голосов на улице, и тотчас же в таверну ввалилась компания молодежи. Они хохотали, и их смеющиеся лица не вязались с мрачноватым, темно-красным цветом платья, который оживляли только белые воротники.

Юноша, возглавлявший группу, сбросил широкополую шляпу.

— Ладно, друзья, от лишнего усердия в науках мозги лопнут. Чтобы они перестали дымиться, есть два средства: стаканчик вина и уютная девичья грудь. Я правильно говорю, Мишель?

— Прекрасно сказано, Франсуа!

Острый взгляд Молинаса сразу впился в говоривших. Тот, кого называли Франсуа, казался чуть старше остальных. На умном круглом лице блестели карие глаза, под пышными черными усами угадывался подвижный чувственный рот, длинные волосы локонами спадали на затылок.

Мишель был пониже ростом и худее, носил круглую бородку, а его серые глаза, хоть и блестели весельем, сохраняли суровое, если не сказать жесткое выражение. Юный возраст своего хозяина выдавали только румяные щеки да высокий лоб без единой морщинки. Его жесты были куда спокойнее, чем у Франсуа, плотно сжатые бледные губы оттеняла полоска усов, расширившихся от середины к краям.

Едва компания расселась за длинным столом, как все проститутки, а за ними и служанки разом побросали других клиентов и столпились вокруг них. Франсуа тут же протянул руки к самой цветущей из девушек.

— Иди сюда, Коринна, приласкай меня, — воскликнул он, изображая отчаяние. — Ты не знаешь, сколько раз ты мне снилась!

Пышная, сложенная, как Юнона, блондинка ловко увернулась от его рук.

— Нет, господин Рабле. Вы знаете, каков порядок. Сначала деньги, потом услуги.

И Коринна, притворно защищаясь, как бы случайно потянула за шнурок, стягивавший блузку, и сразу стала видна складочка, разделявшая две роскошные розовые округлости.

— Но я прошу только самую малость. Разве я не имею права? — стонал Франсуа, протянув руки.

— Друг мой, ты позабыл, что совсем недавно был бенедиктинцем, а еще раньше францисканцем, — вступил в беседу Мишель. Он с комично строгим видом погладил бородку и соединил пальцы рук. — Мой долг напомнить тебе об обете целомудрия, о котором ты часто говоришь. Пожалуй, слишком часто.

Франсуа прыснул со смеху.

— Целомудрия? Сразу видно, что ты никогда не был в монастыре. Единственное, что ограничивает разврат монашеской братии, — это ужасающая грубость большинства из них и тех женщин, что вертятся вокруг. — Он указал на Коринну, которая стояла, уперев руки в пышные бока и коварно выставив грудь на показ. — В монастырях, где я бывал, наша подружка пришлась бы не ко двору: она слишком красива и добродетельна!

В ответ ему раздался взрыв хохота, такого заразительного, что самой Коринне пришлось вытирать глаза. Во всем зале только Молинас и священник с трясущимися пальцами оставались серьезными. Священник налил себе еще вина, словно стремился забыть услышанное. Его покрасневший лоб покрылся каплями пота.

Когда всеобщее веселье слегка поутихло, худенький студент с редкими светлыми волосами тихо сказал, как бы размышляя вслух:

— Хорошо, что мы в Монпелье, а не в Тулузе. Если бы мы учились там, нас бы давно упрятали за решетку как богохульников.

Ответа не последовало, потому что хозяин гостиницы как раз появился в дверях с несколькими графинами вина и принялся расставлять их по столам. Веселье погасло. Не дожидаясь стаканов, Рабле поднял графин и поднес к губам. Потом сказал, вытирая усы тыльной стороной ладони:

— Антуан прав. Тулуза — столица фанатизма. Там уже три столетия правит инквизиция.

Услышав слово «инквизиция», Молинас вздрогнул. Он не заметил, как к его столу подошел трактирщик с блюдом жареной телятины под соусом из уксуса, сахара и корицы и порцией красного вина. Хозяин что-то сказал ему, но он не расслышал. Он весь превратился в слух, чтобы разобрать, что говорилось за столом у студентов.

Рабле повернулся к Мишелю.

— Ты ведь кое-что об этом знаешь, верно? Ты же учился в Тулузе, прежде чем приехал в Монпелье.

— Учился, если можно так сказать, — пожал плечами Мишель. — И Антуан Сапорта, и ты, вы оба верно уловили суть: в Тулузе инквизиция контролирует каждый. И университет — не исключение. Ученые боятся обвинений в ереси, поэтому молчат о своих знаниях. Все предметы должны быть согласованы либо с предписаниями Библии, как бы абсурдны они ни были, либо с теми греческими философами, которые считаются приемлемыми с точки зрения христианства. Практически только с Аристотелем. Все живут в страхе, и камеры для богохульников — только одно из проявлений всеобщей тупости.

Студенты за столом помрачнели. Почуввав перемену обстановки, проститутки потихоньку стали отходить прочь. Только Коринна осталась на месте, хотя никто уже не обращал внимания на ее сокрушительную красоту.

— Если в Тулузе такая жизнь, то, наверное, мало кому охота заниматься любовью, — грустно заметила она.

Мишель кивнул.

— Так и есть. Занимаются, конечно, потихоньку, но горе тому, кого застанут. Достаточно пустяка, чтобы тебя обвинили в безбожии или в ереси. В большинстве случаев дело обходится, но сначала пройдешь через такие муки, что жить не захочется. А самое страшное в том, что все это распространяется на твоих друзей и знакомых.

Рабле был потрясен. Он понизил голос:

— Мишель, ты ведь из еврейской семьи...

— Я добрый христианин!

— Разумеется. Но твой дед был иудеем. Ты говорил, что он обратился году в тысяча

четыреста пятидесятом...

— Я это говорил? — Мишель, казалось, удивился и немного испугался.

— Ну да, ты что, не помнишь? На прошлой неделе, после процессии. Ты еще был так пьян, что все время засыпал. Мы заговорили о евреях, и ты начал рассказывать историю своей семьи. Робине, ты ведь там был, кажется...

Сухопарый студент с вытянутым лицом утвердительно кивнул:

— Там много кто был, в том числе и немало скверных рож.

— Здесь к обращенным евреям отношение нормальное, не то что в Испании, но Испания близко...

— Уже целый век, как Нотрдамы перешли в христианство! — Мишель был так возмущен, что стал сбиваться с мысли. — И я, и мой отец — ревностные христиане! А мой брат Жан — в первых рядах борцов с гугенотами!

— Да ладно тебе! — Рабле примирительным жестом успокоил друга. — Я просто хотел напомнить, чтобы ты поосторожнее распространялся о своей родне. Говорят, испанская инквизиция повсюду имеет осведомителей, так называемых фамильи, своих людей...

— Но мы во Франции.

— А тебе не приходилось слышать о Хуане де Педро Санчесе? Лет сорок тому назад он был причастен к убийству инквизитора Сарагосы, Арбуэса, и ему пришлось бежать в Прованс. Там его узнал работавший на испанскую инквизицию студент и донес в инквизицию Тулузы. Он чудом спасся от ареста, но его казнили заочно⁴ и конфисковали все имущество.

— Был и еще один, кому повезло меньше, — прибавил Робине. — Его звали Гаспар де Санта Крус, и его тоже подозревали в причастности к этому убийству. Он бежал в Прованс и умер там через три года. Испанская инквизиция арестовала его сына и заставила работать на себя. Юноша испросил и получил у инквизиторов Тулузы разрешение на эксгумацию останков отца. Он привез останки в Сарагосу, и там их сожгли у него на глазах. Его вынудили присутствовать при публичном надругательстве над прахом отца.

— Ты понял, Мишель? — сказал Рабле. — У испанской инквизиции глаза повсюду, и Тулуза — ее традиционный союзник. Там объединились фанатики и невежды.

— Это верно, но мне-то бояться нечего, — взвился Мишель, словно друзья хотели приписать ему что-то нехорошее.

Рабле вздохнул.

— Дай закончить и не очень-то задавайся. Опасность кроется не только в твоём происхождении. Всем известно, что ты делал в Бордо три года назад.

Мишель удивился:

— В Бордо? Но единственное, что я сделал, это победил чуму!

— Да, но в компании с кем? А я тебе скажу. В компании с Ульрихом из Майнца. Разве ты не был его оруженосцем?

Мишель вдруг побледнел.

— Ну и что с того?

— Святая невинность! — Рабле возвел глаза к потолку, изображая отчаяние. Потом кивнул Рондле: — Объясни ему, Гийом!

Тот внимательно поглядел на Мишеля, наморщив лоб.

— Ульрих из Майнца известен как предсказатель и некромант. Инквизиция давно уже следит за его магическими фокусами. И не говори, что ты этого не знал.

Мишель пожал плечами.

— В Бордо он работал как врач. Я много чему у него научился.

— Только в области медицины?

⁴ У инквизиции был обычай заочно объявлять преступниками тех, кого не смогли найти, в этом случае сжигали на костре изображение виновного. (Прим. перев.)

Похоже было, что Мишель впервые по-настоящему смутился. Чтобы взять себя в руки и ответить, ему понадобилось несколько мгновений.

— Не понимаю, к чему ты клонишь.

— Куда уж понятней, — вмешался Рабле. — Ты сам создаешь себе репутацию колдуна. На лекции ты упомянул эту книгу Птолемея... как ее там?

— «Тетрабиблос». Но это просто книга по астрологии.

— Ну да, астрология. Берегись, в аудитории были доминиканцы. Для них естественная магия, магия церемониальная и астрология — одно и то же. Все три относятся к наукам демоническим. Не забывай, что епископ Рие, Жан де Пен, сидит в тюрьме в Тулузе только за то, что получил письмо на греческом языке. А Жан Кагорский находится под следствием по мотивам еще более смехотворным. Наши инквизиторы начинают все больше походить на испанских.

Мишелю эти разговоры были явно неприятны. Он заерзал на стуле и кивнул:

— Да, ты прав, я буду осторожней.

Однако было видно, что он сказал это, чтобы отделаться.

Настроение у всех испортилось. К счастью, появился хозяин со стаканами, и все принялись разливать вино. Через мгновение снова воцарилось веселье, и толстый румяный студент поднял оловянную чашу:

— Выпьем за Монпелье, за царство свободы, где все мужья рогаты, а женам снятся студенты!

Коринна хитро усмехнулась:

— Господин Рондле, здесь мужьям наставляют рога не только по воле жен. Я слышала, что на днях вы изволили вышибить дверь в одном доме и похитить новобрачную прямо с брачного ложа.

— Кто? Мы?! — закричал Рабле, подняв брови. Казалось, вино застряло у него в горле. — Мы невинны, как овечки. Когда случилось это ужасное событие, мы уже давно спали.

Антуан Сапорта согласно кивнул.

— В конце концов, этот муженек заслужил тех палок, что получил. Спать в другой комнате, отдельно от такой красавицы!

Коринна покачала головой:

— Насколько мне известно, если бы не вмешалась стража, женщина провела бы скверные четверть часа.

— Ты хотела сказать, прекрасные четверть часа, — ответил Рабле. — В чем состоит долг студента-медика? Помогать страждущим. А женщина явно страдала, ибо натура ее не была регулярно орошаема, как предписывает Гиппократ. Повесы, ворвавшиеся в дом, хотели ее оросить. Что же в этом дурного?

Развеселившаяся Коринна что-то пробормотала, но Молинас ничего не смог расслышать из-за взрыва оглушительного хохота. Путник в черном плаще внимательно прислушивался к тому, что говорилось об испанской инквизиции и фамилии. А когда упомянули репрессии в Тулузе, в его мозгу промелькнуло видение, которое трудно было забыть. Когда в сентябре 1485 года убили епископа Арбуэса, ему едва исполнилось четыре года. Однако он прекрасно помнил, как разъяренное население Сарагосы металось по улицам в поисках евреев — все равно, обращенных или нет. Отец, вернувшийся с этой «охоты», с гордостью демонстрировал мальчику ее результаты: две длинные колонны обращенных и евреев всех возрастов, которые под издевательства и плевки толпы брели к церкви Л а Сео. Детская память оставила отрывочные образы: ужас на лицах пленников, когда они оказались перед вереницей столбов; вздох облегчения, когда они поняли, что костров не будет; и снова бесконечный ужас, когда увидели, какая участь их ожидает: их прибили к столбам за правую руку. Через минуту крики боли заглушили веселый галдеж собравшейся толпы, и так продолжалось, пока не появился на коне архиепископ Сарагосы и не прекратил пытку. Вершить правосудие предоставляли инквизиции, и правосудие это было утонченное и

страшнее площадного...

Молинас отогнал видение, но сосредоточиться на студенческой пирушке ему больше не удалось. Сидевший поблизости от него одинокий священник издал горлом странный звук, похожий на рвотный спазм. Руки его затряслись еще сильнее, он не удержал графин, и тот со звоном разбился. Священник попытался встать, но снова упал на стул и, закрыв глаза, съехал на пол.

Молинас удивленно застыл на месте. Студенты, напротив, при виде этой сцены разом вскочили. Рабле первым оказался возле больного и, опустившись на колени, распахнул на нем рубашку. Его пальцы быстро ощупывали грудь, а Мишель тем временем разводил ему руки.

Франсуа вдруг отпрянул и резко вскочил на ноги, указывая на распростертое тело.

— Господа, — сказал он хрипло, — у этого бедняги чума.

ЭПИДЕМИЯ

Колокола Монпелье ритмично и монотонно били в набат. Вот уже три дня как Мишель де Нотрдам самоотверженно трудился под началом своего учителя Антуана Ромье в служившей лазаретом большой палатке, растянутой перед собором Сен-Фирмен. Больных обоего пола насчитывалось уже с сотню. Завернутые в материю, пропитавшуюся кровью и гноем, они умирали на соломе, на голой земле, и жаловались на холод, хотя стояла жара. Студенты, перебегавшие от больного к больному, казалось, растеряли все свое молодое веселье и позабыли о соленых шуточках — обычной студенческой забаве.

Антуан Ромье, грузный человек с красным лицом и бородой по грудь, раздавал ученикам кусочки хлопка, пропитанные пахучей жидкостью.

— Вдыхайте глубже эти бальзамические очищающие флюиды, — объяснял он ученикам. — Я не хочу в такой момент потерять кого-нибудь из вас. И не забывайте держать во рту дольку чеснока.

Когда очередь дошла до Мишеля, он взял тампон, но покачал головой:

— Не хочу перечить вам, учитель, но думаю, что от этой эссенции пользы никакой. Вы сами видите: уже три дня мы находимся среди больных, а никто из нас не заболел. Значит, на то есть причина.

Выбитый из колеи жарой и усталостью, Ромье взорвался:

— Послушайте-ка этого умника! Вы кем себя возомнили, месье де Нотрдам? А ну-ка выкладывайте, что еще за причина? Я весь внимание!

Мишель слегка побледнел, но своих позиций сдавать не собирался. Сглотнув, он сказал:

— По-моему, мы не заражаемся оттого, что лучше этих бедолаг следим за собственной гигиеной. Да, мы находимся среди больных, но, в отличие от них, мы все-таки живем в домах, где нет мышей и блох, и гораздо чаще моемся.

Ромье невесело рассмеялся:

— Вот уж гениальное открытие! А зачем, спрашивается, господин де Нотрдам, я велел вам всем протирать тело уксусом? Я сам знаю, что чистота предохраняет, не такой уж я дурак.

Смущенный Мишель, однако, снова осмелился возразить:

— Нет такого средства, которое можно было бы прописать всем. Но не подумайте, что я оспариваю ваш опыт и знания. Вы единственный из преподавателей нашего университета, кто не объявил чуму Божьей карой, пришедшей из Персии. И вы единственный, кто разрешает нам препарировать трупы. — Заметив, что учитель сменил гнев на милость, Мишель приободрился и пошел дальше: — Я бы рекомендовал помимо регулярных омовений и вдыхания эссенций сжигать трупы или хоронить их как можно глубже. Мне кажется, что общие могилы, едва прикрытые тонким слоем земли, распространяют зараженные испарения.

— Сжигать трупы? Да вы с ума сошли! Священники не дадут. К тому же в мои задачи как раз и входит продемонстрировать, что заражение происходит по воздуху. А потому вставьте в нос тампон и вдыхайте аромат, который увлажнит слизистую. И вернитесь к работе.

Мишель поклонился и отошел. В этот момент цоканье копыт по мостовой нарушило молчание, царившее в Монпелье, где слышны были только стоны умирающих да удары набата. Это подъехал офицер королевской нормандской гвардии Луи де Брезе. На боку у него висела шпага, голову украшала широкополая шляпа с пером. Он ловко спрыгнул с седла, и за ним взвился короткий черный плащ. Видимо, он знал Антуана Ромье, потому что направился прямо к нему.

— Чума уже и в Тулузе, — сказал он, тяжело дыша и не тратя времени на приветствия. — Мой сенешаль просит вас прибыть немедленно. Необходимо поставить заслон эпидемии, пока она не поразила весь юг.

Ромье вытер пот и сделал широкий жест рукой:

— Поглядите вокруг, капитан. Жители Монпелье мрут как мухи. Почему я должен ехать в Тулузу?

— Потому что оттуда проследуют королевские дети. — Офицер снял шляпу, словно одно только упоминание о монархе обязывало к жесту почтения. И быстро продолжил: — Именно так, мэтр Ромье. Принцев должны освободить и вскорости перевезти через Пиренеи.

Студенты, стоявшие достаточно близко, чтобы расслышать диалог, зашептались. Победив Францию в битве при Павии и длительное время продержав Франциска I в башне в Мадриде, король Карл V согласился его освободить, но в обмен на двух заложников: восьмилетнего дофина Франциска и семилетнего Генриха Орлеанского. В течение трех лет не было во Франции церкви, где не молились бы об их освобождении, не было женщины, которая не плакала бы при мысли о том, как плохо им в замке Педраса де ла Сьерра. Было известно, что в конце лета 1529 года были предприняты попытки освободить детей и в Камбрэ состоялась решающая встреча двух незаурядных женщин: королевы-матери Луизы Савойской и эрцгерцогини Маргариты Австрийской, правительницы Нижних земель при посредстве своего племянника Карла V. Переговоры закончились благополучно, но освобождение маленьких заложников откладывалось в течение целого года. Видимо, теперь император наконец-то решился.

Антуан Ромье провел рукой по длинным седым волосам.

— Понимаю. Хорошо, я выполню свой долг. Когда надо ехать?

— Тотчас же.

— Ладно. Пойду домой соберу вещи. — Врач огляделся по сторонам. — Где староста студентов?

— Я здесь. — Рабле, обливаясь потом, укладывал худого, как скелет, больного с чумными бубонами под мышками на сухую подстилку без пятен гноя. Он передал умирающего другому врачу и подбежал к учителю. — К вашим услугам.

Ромье сильно встряхнул его за плечи:

— У вас появился случай показать мне, чего вы стоите. Мне надо на несколько дней уехать из города. Оставляю вас ответственным за больных и за соблюдение гигиены. Вы хороший ученик, и я уверен, что вы меня не разочаруете. И никто из ваших друзей не разочарует.

В темных глазах Рабле промелькнула растерянность, но он тут же постарался ее скрыть.

— Вам подчинялись, мэтр Ромье, но должен вам заметить, что здесь, в Монпелье, имеются и другие весьма уважаемые врачи. Я не уверен, что они станут прислушиваться к мнению простого студента.

— Я доверяю только своей школе, которая не считает чуму Божьей карой, — сухо заметил Ромье. — А светил я проинформирую, что борьбу с эпидемией и обеспечение карантина я доверяю вам, если найду, конечно, куда они попрятались. — Он повернулся к

офицеру. — Я в вашем распоряжении, капитан. Проводите меня до дома. Если выедем в течение часа, к вечеру будем в Тулузе.

Врач и офицер, ведущий коня под уздцы, зашагали к узким переулкам за стенами собора Сен-Фирмен. Подождав, пока они скроются из виду, Рабле повернулся к Мишелю, который слушал разговор, стоя в сторонке возле большой кастрюли с кипящей водой.

— Теперь ты мне будешь очень нужен, приятель.

Мишель ожидал какой-нибудь подобной фразы. Он предпочел бы сам себе в этом не сознаваться, но его честолубивой натуре, страдавшей чрезмерной уверенностью в собственных силах, было жизненно необходимо признание. Услышав, что Ромье назначил Рабле своим преемником, он не смог сдержать зависти. На призыв друга он вскинул голову:

— Мне кажется, ты и сам прекрасно справишься.

Рабле наморщил лоб:

— Не шути. Ты уже справился с чумой в Бордо. Я знаю, что у тебя полно мыслей, как ее одолеть. Теперь можешь применить их на практике.

Их разговор прервал грохот запряженных лошаадьми телег с привалившимися к бортам больными. Неподвижный воздух и зной, от которого с грязной мостовой поднимались облачка тумана, только усиливали смрад внутри палатки.

Телеги были полны полуобнаженных тел, обезображенных бубонами. Возможно, кто-то из заболевших уже умер, но отличить мертвого от живого было трудно: все они были одинаково бледны. Единственным признаком того, что больной еще жив, был неистовый кашель, разрывавший грудь и заставлявший тело неестественно корчиться.

Сразу стало ясно, что на всех умирающих не хватит подстилок. Добровольцы из отряда сопровождения, которых на провансальском наречии называли *alarbres*, в длинных белых балахонах, с висящими на шеях склянками с эссенциями амбры и мускуса, норовили сгружать больных повсюду. Рабле протестовал, волновался и сопротивлялся изо всех сил.

Когда Мишель тронул его за плечо, он вздрогнул и сердито крикнул:

— А тебе чего?

— Принимай больных, даже если не хватает подстилок. Наша забота сейчас — не живые, а мертвые.

— Что ты имеешь в виду?

Мишель указал на другую телегу, стоявшую в глубине площади в ожидании мертвецов:

— Мы продолжаем хоронить трупы под тонким слоем земли. По-моему, общие могилы надо посыпать известью. Не так уж необходимо иметь достаточное количество подстилок. Они такие грязные, что неизбежно станут источником заразы. Хватит чистого покрывала, по одному на каждого больного.

Рабле посмотрел на него, разинув рот.

— Ты что, и вправду веришь, что чума распространяется по воздуху и при контакте? Ни одна из школ этого не придерживается, кроме твоего Ромье. Наверное, чума — все-таки кара Божья за страшное оскорбление, нанесенное Папе, когда ландскнехты захватили Рим.

— Бог не разносит болезней, — с жаром перебил его Мишель, тряхнув головой, — иначе это не Бог, а дьявол. Слушай, ты сказал, что я на практике могу применить свои идеи. Ты говорил серьезно или шутил?

Рабле на секунду смешался, потом небрежно махнул рукой.

— Я говорил серьезно. Делай что хочешь. — Краем глаза он следил за *alarbres*, которые, воспользовавшись тем, что он отвлекся, начали снимать с телеги больных. — Эй, вы, подождите!

Мишель вышел из палатки и узкими улочками, мимо запертых ворот, направился к гостинице «Ла Зохе». Там двери тоже были на замке. Он стал стучать, пока не услышал сверху разгневанный голос:

— Уходи, Мишель! Мы не принимаем клиентов, пока все это не кончится. Как можно заниматься любовью в такой момент?

Это была Коринна. Мишель удивился и отошел на несколько шагов назад, пока не

увидел девушку. Она выглядывала из-за двери, выходящей на балкон.

— Коринна, ты должна нам помочь! — крикнул он. — Поставьте с подружками на огонь кастрюли с водой, прокипятите все простыни, какие найдете, и отнесите их к собору. Поняла?

Изумленная Коринна вышла на балкон.

— Зачем это нужно? Говорят, что чума — это кара Господня за наши грехи.

Мишель не смог сдержать улыбку:

— Если бы дело обстояло так, вы бы давно все перемерли.

Он знал, что фраза получилась парадоксальной: проституция, которую теоретически все осуждали, на практике считалась грехом только у немногих протестантских святош. Сам Франциск I содержал немалое количество так называемых придворных служительниц радости, призванных утолять страсти приближенных короля. Командовала этим отрядом госпожа Сесиль де Вьефвиль.

— Прошу тебя, сделай, что сказано. Весь город будет тебе благодарен.

Коринна немного подумала и кивнула.

— Ладно, мы принесем простыни, как только они высохнут.

Довольный, Мишель отправился дальше, но путь его лежал не к площади Сен-Фирмен. Он обогнул здание медицинского факультета и оказался на довольно широкой улице, ведущей к кафедральному собору Святого Петра.

Ужас охватил город, и узкие улочки, освещенные вечерним солнцем, были пусты. Мишель не испытывал грусти. Ему впервые представилась возможность показать, чего он стоит, и применить знания, полученные за годы путешествий и не самых безобидных чтений. Теперь уж он отыграется. С детства он постоянно чувствовал особый статус еврея, пусть и крещеного. Его отец приспособился к христианской вере, сам он ее скорее прочувствовал, а его брат Жан и другие братья стали просто фанатиками. Однако это не спасало его от отчаянной тоски, когда ему случалось выехать за пределы той части Прованса, где мягко правил папский легат. Там уж оскорблений, сыпавшихся на головы тех, кто принадлежал к вере его предков, он наслушался сполна.

Самыми ужасными с этой точки зрения были религиозные праздники во Франции, да и во всей Европе. Даже в самых отдаленных местах ни одна процессия в честь святого не проходила без того, чтобы не ранили, а то и не убили какого-нибудь еврея. Обычно старейшего из них просто побивали камнями ребятишки, которые едва могли удержать над головой булыжник. Бывало, что, наоборот, выбирали самую молодую и красивую девушку, раздевали донага, сажали в бочку, катили до реки, а потом сбрасывали в воду, где она, как правило, тонула.

Подобных зрелищ Мишель насмотрелся десятками, потому вместе с желанием раз и навсегда зачеркнуть свое еврейское происхождение в нем крепло стремление выделяться, командовать, удивлять и очаровывать. Его семья, хотя и считалась достаточно благополучной, не обладала властью; зато от деда по материнской линии все Нотрдамы унаследовали склонность к наукам. Эту-то склонность еще в детстве Мишель и решил использовать, чтобы подняться. Его отрочество и большая часть юности прошли при свечах, которые гасли одна за другой, пока он сидел, склонившись над очередной книгой. И только теперь ему представилась возможность на практике применить все накопленные за эти годы знания. Да он весь город заставит застыть в изумлении!

Миновав собор Святого Петра, замерший, как и все вокруг, если не считать сновавшего по колокольне звонаря, Мишель вышел на широкую лужайку, приспособленную под кладбище зачумленных. Посередине был вырыт ров глубиной не больше локтя. Человек десять крепких *alarbres* расположились по краям площадки, и с ними могильщики, или, как их здесь называли, *sandapilaires*. Они поджидали очередную повозку с мертвецами. Когда повозка прибывала, они брали исхудавшие, легкие тела за руки и за ноги и сбрасывали в ров, слегка присыпав землей. Так, друг на друга, слоями, укладывали умерших, пока на месте рва не вырастал горбатый холмик.

Мишель подошел к главному могильщику, белокурому великану с голой грудью, залитой потом, и сразу заметил, что тот изрядно пьян. Да и кто выдержал бы тошнотворный запах гниющих тел без пары глотков доброго вина?

Он подождал, пока гигант вновь приложится к глиняной фьяске, затем деловито кивнул:

— Я Мишель де Нотрдам, студент-медик. Я представляю господина Франсуа Рабле, старосту студентов, и мэтра Ромье, декана факультета. У меня для вас есть распоряжения.

Могильщик громко рыгнул, потом удивленно посмотрел на Мишеля мутными глазами:

— Распоряжения? Какие еще распоряжения? У меня одно распоряжение: хоронить мертвецов по мере их прибытия.

Мишель вздернул подбородок.

— Можете хоронить и дальше. Но посыпать их надо не землей, а известью. И рвы должны быть в три раза глубже. Вот такие распоряжения.

— Известью? — Гигант взглянул на пустую фьяску, отшвырнул ее в сторону, и она звонко разбилась о стену. — А вы нас, часом, с каменщиками не перепутали? И где я, черт побери, возьму известь?

— Не знаю, это ваша забота. Ведь где-то должны быть стройки. — И, видя, что взгляд собеседника тупеет с каждой секундой, Мишель быстро добавил: — Делайте, как хотите, но знайте, что о вас идет дурная слава, будто вы нарочно разносите чуму, чтобы не остаться без работы.

Не успел он произнести эту фразу, как мощная оплеуха едва не сбила его с ног. Мишель пошатнулся, схватился рукой за щеку, но быстро выпрямился и заговорил со всем высокомерием, на какое был способен:

— Отставить разговоры! Слушайте меня, это в ваших интересах. Использование извести докажет ваше старание остановить эпидемию. Мне все равно, но на вашем месте я бы подчинился.

В рядах могильщиков, окруживших их плотным кольцом, слышались возгласы протеста и ругательства. Несмотря на боль в щеке и страх, что его снова побьют, Мишель внутренне порадовался: выдуманная им история о дурной славе, кажется, сработала. Гордо подняв плечи, он повернулся и собрался уходить.

— Минуту! — закричал гигант хриплым от вина голосом. — По мне, так помри весь этот злополучный город от первого до последнего жителя. Но у моих друзей здесь семьи. Ладно, я поищу известь. Еще что надо делать?

— Я уже сказал: более глубокий ров. — Мишель прочертил в воздухе несколько горизонтальных линий: — Слой тел, слой извести, и так, пока ров не заполнится.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и за ал прочь, пока могильщики и *alarbres*, сгрудившись вокруг жоака, о чем-то совещались. В Бордо три года назад он был всего лишь «оруженосцем», ассистентом Ульриха из Майнца, как и подобало безусому бакалавру. А теперь он мог сам отдавать приказы, и его слушались. Охватившая его радость смысла унижение от пощечины.

Пансион был совсем недалеко, и Мишель решил сделать крюк, чтобы наскоро что-нибудь съесть, помыться и переодеться. Он делил комнату на втором этаже с другим студентом, Жаном Педрие, и из-за тесноты, если кто-то из них приходил с девушкой, второй был вынужден убираться на улицу. Тем не менее малая площадь не мешала обоим студентам иметь порядочно книг. Книги Мишеля были по большей части на греческом языке, однако надписи на фронтисписах, *frontespizio*,⁵ были выполнены на латыни или провансальском, что заставляло думать, будто это Библия или сборники молитв, хотя на самом деле в книгах содержалось совсем другое. Книги Жана представляли собой медицинские трактаты, сложенные в высокую косую стопку, грозившую в любую минуту упасть и погрести под

⁵ Frontespizio — титульный лист. (*um.*)

собой того, кто лежит на кровати. От редко выносимого урительника шел скверный запах, но общественные туалеты, расположенные в северном крыле здания, с незапамятных времен пришли в негодность, и ими по возможности старались не пользоваться. Квартирная плата, достаточно высокая для такой конуры, шла в карман доцентам, которые сдавали внаем комнаты в принадлежащих им домах.

Подойдя к высокой деревянной колоннаде, Мишель с удивлением заметил незнакомца, который шел ему навстречу, вынырнув из тени портика. Это был невысокий человек, с головы до ног закутанный в тяжелый черный плащ, словно его не мучил летний зной. Элегантный, прекрасно сшитый воротник без кружев тоже был черным. Он резко оттенял бледное, как у мертвеца, безусое и безбородое лицо с тяжелыми веками и глубокими складками в углах рта, обрамленное седеющими волосами.

— Господин де Нотрдам, если не ошибаюсь? — пробормотал незнакомец.

Мишель остановился в нескольких ах, инстинктивно заняв оборонительную позицию.

— Именно так. С кем имею честь беседовать?

Губы незнакомца растянулись в подобии улыбки.

— Мое имя Молинас, Диего Доминго Молинас. Я приехал из Испании специально, что бы встретиться с вами. Я понимаю, момент не подходящий, но...

При упоминании об Испании Мишель нахмурил лоб.

— Сударь, — сказал он холодно, — момент действительно неподходящий. Здесь чума, и у меня много работы. Поговорим при других обстоятельствах.

Человек в черном плаще нимало не смутился, и его улыбка стала еще шире.

— Мишель де Нотрдам, достаточно одного слова, чтобы вы изменили решение. Вот оно: Абразакс.

Мишель вздрогнул от удивления, но его лоб тут же разгладился. Он порывисто бросился вперед.

— Брат! — воскликнул он. — Простите меня! Я не мог себе представить... Но скажите, что я могу для вас сделать?

ЗАПРЕЩЕННЫЕ КНИГИ

Мишель де Нотрдам спросил сердечно: — Что с вами?

Молинас, смаковавший радость от того, что наконец у него в руках дичь, которую он выслеживал целый год, покачал головой:

— О, ничего, простите меня. Я устал с дороги да к тому же еще попал прямо в центр чумной эпидемии.

В глубине души он корил себя за рассеянность.

— Прекрасно вас понимаю, — ответил студент. — Если вы настолько преуспели в оккультной философии, что знаете Абразакс, вам будет любопытно взглянуть на мою скромную библиотеку.

— Несомненно. Но мне бы не хотелось в такой момент отрывать вас от дела...

— Не беспокойтесь, я уже отдал необходимые распоряжения. Пойдемте со мной и не обращайтесь внимания на грязь у нас в комнате: ее разводит мой сосед, Жан Педрие.

Сняв с пояса большую связку ключей, Нотрдам принялся отпирать дверь, ведущую в жилое крыло пансиона. Молинас успел хорошенько его разглядеть. Юноша обладал мускулистым, подвижным телом, и необыкновенную раскованность его движений можно было принять за самоуверенность, которую не считают нужным скрывать. На умном горбоносом лице выделялись живые, пронзительные до наглости глаза. Молинас был прекрасным физиономистом и подумал, что такие глаза способны легко менять выражение и глядеть то тяжело, то весело без всякого перехода, отчего собеседник не сможет догадаться, какое же из выражений истинное, потому что студент владеет мимикой искусственного актера. Как раз такой тип людей Молинас ненавидел больше всего.

После двери в грязный, обшитый деревянными панелями вестибюль второй поворот

ключа открыл вход в маленькую комнату, заставленную книгами. В ней только и умещалось, что две сдвинутые вместе кровати без бортиков и балдахинов. Пятна на простынях говорили о том, что здесь живут двое не слишком опрятных молодых людей, к тому же не брезгующих случайными свиданиями с девушками.

Нотрдам протянул руку к стопке книг и открыл одну из них, сдув с нее облачко пыли.

— Взгляните, — радостно воскликнул он, — это редчайшее издание!

Не прикасаясь к книге, словно боясь запачкаться, Молинас бросил взгляд на тщательно выписанный заголовок: «Ioannis de Monte Regio tabulae directionum profectionemque».⁶ Он покачал головой.

— Это не такая уж редкая книга. Региомонтануса весьма ценил Папа Сикст Шестой, и в Италии в некоторых библиотеках эта книга имеется. А нет ли у вас чего-нибудь совсем необычного?

— Что вы скажете об этом томе? Это «Planispherium»⁷ Клавдия Птолемея, без которого не осмыслить «Tetrabiblos».⁸ По самым оптимистическим предположениям, во всей Европе существуют пять или шесть копий. Эта мне досталась за большие деньги.

Молинас изобразил интерес и принялся листать плотные листы греческого манускрипта, исписанные выцветшими чернилами. Он явно ожидал других результатов. Произнося слово «Абразакс», он не знал, что оно означает, но чувствовал, что произведет впечатление. Впервые он услышал это слово в сырых подземельях Suprema di Avila⁹ от старухи, арестованной в Наварре во время облавы на jurginas, то есть наваррских ведьм. Учитывая почтенный возраст женщины, ее не пытали, только били. Сквозь стоны она назвала Абразаксом устрашающего вида амулет, который носила на груди. Тогда Молинас не посмел вмешаться в допрос, который вел кардинал Манрике, но взял на заметку странное слово, решив дознаться, что оно означает.

Второй раз он столкнулся с этим словом во время следствия по обвинению знаменитого и почтенного врача Эудженио Торральба в сношении с дьявольским существом по имени Зекиэль. Торральба сознался в принадлежности к так называемой «церкви иллюминатов», у которой слово «Абразакс» служило паролем. Он вступил в секту в Бордо во время чумы 1527 года, когда познакомился с ее основателем Ульрихом из Майнца. Юный ассистент Ульриха Мишель де Нотрдам, потомок испано-иудейского клана Бен-Астурхов и Санта-Мария, казалось, разбирался в оккультных науках не хуже учителя...

И теперь, пока Мишель показывал ему печатные книги и манускрипты, Молинас с нетерпением ожидал момента, когда тот откроет какой-нибудь трактат по ведовству. Вот тогда последнее отродье нечестивцев и попадетсЯ.

Но его постигло разочарование. Самым компрометирующим из всего, что показал Мишель, была рукописная копия «Большого Альберта», известнейшего сборника афоризмов и рецептов под редакцией Альберта Великого.

— Это устаревший текст, но в нем немало интересного, — пояснил Нотрдам, с религиозным почтением снимая книгу с полки. — Например, стоило бы задуматься над советом из третьего тома о применении козьего помета при лечении опухолей. И в самом деле, коза единственная из всех животных не болеет раком.

Молинасу не удалось скрыть нетерпения:

⁶ «Региомонтан. Таблицы направлений». (лат)

⁷ «Планисфера». (лат)

⁸ «Тетрабиблос — написанный Птолемеем трактат по астрологии, другое название — „Апотелесматика“. (Прим. перев.)

⁹ Главный офис испанской инквизиции. (Прим. перев.)

— А еще чего-нибудь более редкого у вас нет? Я имею в виду... — он понизил голос, — книги, запрещенные священниками.

Нотрдам поднял бровь.

— Вы имеете в виду колдовские книги?

— Да. Те самые, где говорится о нашем боге Абразаксе.

И тут Молинас проклял свое нетерпение. Услышав последнюю фразу, Нотрдам выпрямился во весь рост, глаза его сверкнули гневом, он указал пальцем на чужака и воскликнул:

— Есть только один Бог! — Мишель распахнул дверь. — Не знаю, кто вы такой, но приказываю вам немедленно убираться! Ясно, что вы провокатор и не имеете ни малейшего представления о том, что такое Абразакс. Убирайтесь подобру-поздорову, пока я не вышвырнул вас вон!

На мгновение Молинасу показалось, что юноша вот-вот на него набросится. Он поднес руку к стилету, именуемому «мизерикордия», который всегда носил под плащом, и быстро устремился к выходу. С низко опущенной головой он выскользнул на улицу, успев напоследок бросить взгляд через плечо. Нотрдам шел за ним следом, и взгляд у него был свирепый. Испанец юркнул в первый попавшийся переулок.

Завернув за угол, Молинас, тяжело дыша, прислонился к стене какого-то дома. Стыд от такого сокрушительного поражения был ничем в сравнении с досадой на собственную неосмотрительность. Он заслуживал наказания. Нашарив под плащом острый как бритва стилет, он несколько секунд любовался блеском клинка в лучах закатного солнца. Потом вонзил клинок в мякоть левой руки. Глаза наполнились слезами, но этого ему показалось мало. Он несколько раз повернул клинок в ране, пока боль не стала нестерпимой до потери сознания. Стиснув зубы, Молинас вытащил клинок из раны и нарочито медленно сунул его в ножны. В том месте, где плащ прикасался к руке, проступило почти невидимое на черном пятно.

На душе стало немного легче. Зажав рукой рану, он осторожно высунулся из-за угла и увидел, как Мишель де Нотрдам выходит из пансиона и быстрым шагом направляется к собору Сен-Фирмен. Слегка пошатываясь, Молинас двинулся за ним. На улице не было ни души, поэтому никто не заметил, что он оставлял на мостовой след из красных капель.

В палатку, теперь освещенную факелами, прибыли простыни, простерилизованные девицами из гостиницы. Окруженная товарками Коринна, засучив рукава, помогала студентам укладывать на них больных. Ее нимало не заботило, что плечики блузки все время спадали, обнажая цветущую, соблазнительную грудь. Да в этом кошмаре никого и не интересовали такие мелочи. Все звуки заглушали стоны, люди превратились в живые вместилища боли. В палатке было нечем дышать из-за омерзительного гнойного запаха.

Молинас держался поодаль, но так, чтобы все слышать. Рабле, увидев подходившего Нотрдама, вскричал:

— Где тебя черти носят? Могильщики явились ко мне с жалобой. Это правда, что ты приказал хоронить трупы под слоем извести?

— Правда. Они исполнили приказ?

— Да, но они хотят знать зачем. Я бы, честно говоря, тоже... Ты что озираешься? Ищешь кого-нибудь?

Молинас быстро спрятался за край палатки. Теперь голос Нотрдама долетал до него приглушенно.

— Ты случайно не видел здесь типа с хищным лицом, закутанного в черный плащ? Он вчера в полдень болтался в «Ла Зохе».

— Не помню. И потом, как ты можешь заметить, у меня, кроме твоего типа, есть о ком подумать. — Тон Рабле был скорее ворчливым, чем раздраженным. — На что он тебе сдался, кто он такой?

— Подозреваю, что это шпион инквизиции.

— В таком случае будем надеяться, что он заболит и сдохнет... О, вот и Коринна,

сиськи наружу. Браво, малышка, но сейчас не момент.

Молинас расслышал короткий смешок, потом хрипловатый голос девушки:

— Что еще мы с девчонками можем сделать? Кто тут командир? Франсуа или Мишель?

— Оба командуем, — ответил Рабле. — Похоже, вы можете идти, верно, Мишель?

— Никуда не выходите из комнат, пока все не кончится. Ешьте в таверне и не вздумайте принимать клиентов. Монпелье будет вам благодарен за то, что вы сделали.

Коринна иронически ухмыльнулась.

— Знаем-знаем, на какую благодарность рассчитывать. Ладно, господа студенты, если мы понадобится, вы знаете, где нас найти.

Рабле подмигнул:

— Думаю, понадобится достаточно быстро. — Он подождал, пока девушки отойдут, и вытер пот, струившийся со лба на короткую массивную шею, диссонирующую с его не слишком мускулистой фигурой. — Ты хотя бы имеешь представление о том, что надо делать, — сказал он другу, — а мы все в растерянности. Мы будущие врачи, а не умеем справиться с эпидемией.

— Все наше учение — сплошная теория. Грамматика, риторика, философия. Можно подумать, что именно это нужно медицине. — По тону Мишеля было видно, что он много над этим размышлял. — Если бы не Ромье, который разрешает нам препарировать один труп в год — всего один, понимаешь, — мы бы вообще не знали, как устроено человеческое тело. И твой патрон, мэтр Скурон...

— Широн, — поправил Рабле.

— Чему он тебя учит? Гиппократ и Гален, Гален и Гиппократ, и масса ненужных сведений. Да и сам я, если бы мой дед не был потомственным фармацевтом...

Дальше Молинас ничего не расслышал, потому что вновь забил набат и по мостовой загрохотал новый караван телег с больными. Воспользовавшись сгустившейся темнотой, он захромал прочь. Левая рука отчаянно болела, и плащ пропитался кровью. Однако красных капель на мостовой видно не было, значит, кровотечение прекратилось.

Он не знал, куда пойти. В гостиницу нельзя, там уже заперли засовы. До приората доминиканцев тоже не добраться: сил не хватит. Неподалеку должен был находиться монастырь францисканцев, но Молинас предпочел бы скорее умереть на улице, чем явиться к заведомым врагам своего ордена да еще и раскрыть инкогнито.

Оставалось только положиться на удачу. Когда выносили больных, санитары в большинстве случаев оставляли двери домов открытыми. Надо было просто-напросто выбрать брошенный незапертый дом и устроиться в одной из комнат, избегая помещения, в котором находился умирающий.

Молинас уже приглядел себе подходящий двухэтажный дом со стрельчатыми окнами и деревянным портиком, но тут счастливый случай, а может, знак судьбы заставил его поменять планы. Из глубины улочки, освещенной луной, к нему быстрым шагом приближался юноша во фраке с буфами и в облегающих красных бархатных штанах. Он видел парня в «Ла Зохе» — тот сидел справа от Рабле — и слышал, как Нотрдам называл его Жаном. Жан Педрие? Не следовало излишне надеяться, хотя это явно был студент. Но попытать счастья стоило.

Молинас вышел на середину улочки и, сделав серьезное лицо, обратился к юноше:

— Господин Мишель де Нотрдам, если не ошибаюсь? — И быстро добавил: — Какая удача, что я вас разыскал! Поглядите, что сделали с моей рукой!

— Я не Мишель де Нотрдам, но я его знаю, — ответил студент. — Мы вместе живем. — Он не мог не бросить беглого взгляда на раненую руку и окровавленный плащ. — О господи, кто это вас так?

— Мародеры, — ответил Молинас, притворяясь, что ему с трудом дается каждое слово. — Они грабят брошенные дома, и всякий, кто воспротивится, напорется на нож.

Студент бережно отвернул плащ и осмотрел рану.

— Похоже, что это не нож, скорее, поработали кинжалом. А почему вы ищете именно

Мишеля де Нотрдама?

— Мне сказали, что он врач необыкновенного таланта.

Студент поморщился:

— Он не врач, всего лишь медицинский бакалавр, как и я. А что до таланта... Конечно, он считает себя талантливым. — Он указал в глубь улочки. — Пойдемте, я отведу вас в лазарет, там найдется все, чтобы оказать вам помощь.

Молинас изобразил ужас:

— Нет-нет, я пока, слава богу, не заразился чумой. Не хочу попасть к зараженным!

Парень немного подумал, потом сказал:

— Послушайте, здесь совсем недалеко пансион, где я живу. Если пойдете со мной, я смогу наскоро наложить вам повязку. Только быстро, меня ждут.

— Буду вам очень признателен, господин...

— Жан Педрие. Пойдемте, не будем терять времени.

И Молинас вновь направился к университетскому пансиону. Большую часть пути Педрие шел молча. Света никто не зажигал, и все внимание студента уходило на то, чтобы обходить лужи, сточные канавы и груды домашнего скарба, который выкидывали из домов санитары, выискивая себе добычу. Потом, словно озвучивая давно зреющую в нем мысль, студент спросил:

— Кто сообщил вам про Мишеля де Нотрдама? Я уже сказал, что мы вместе живем. Не думал, что он так знаменит.

Уловив в голосе собеседника едва заметную нотку зависти, Молинас решил, что эта зависть нуждается в подпитке.

— О, я уверен в том, что он знаменит. Я приехал из Испании, и там я слышал его имя от одного из тех, кто учился с ним в Авиньоне. Я думал, что там он и получил диплом.

— Он действительно учился в Авиньоне, — бросил Педрие, — но диплома не получил. Его учебу прервала вспышка чумы в Бордо и оккупация Прованса коннетаблем Бурбонов. Поэтому, как только наступил мир, он, после нескольких лет бродяжничества, объявился здесь, в Монпелье. Он записался на курс доктората и нынче собирается его заканчивать.

— А правда, что в Бордо он был ассистентом знаменитого медика, Ульриха?...

— Ульриха из Майнца. Он больше чем врач, он скорее колдун. Ульрих лечил зачумленных, вырезая у них на плече крест и орошая его мышьиной кровью. Подумать только! — Тем временем они добрались до двери пансиона. Возясь с замком, студент продолжал: — Думаю, дурная слава Мишеля идет от деда Сен-Реми, аптекаря, который получал травы из Индии и Китая. Да еще от книг, которые добрый христианин читать остережется.

Последняя фраза заставила Молинаса вздрогнуть от радости. Входя в знакомую комнату, он нарочито равнодушно спросил:

— Книги? Что за книги?

— Сами увидите. — Педрие смущенно остановился возле кровати. — Похоже, Мишель был здесь вечером. И, как всегда, оставил беспорядок. — Он собрал разбросанные по кровати книги. — Поглядите-ка! Он разбросал свою макулатуру на моей половине, словно он один тут живет!

Молинас подождал, пока завистливая ярость, охватившая Жана, немного поутихнет, но не настолько, чтобы исчез ее горький осадок.

— Это и есть запрещенные книги, о которых вы говорили?

— Нет, те он прячет. Сейчас я вас перевяжу, а потом, может, и покажу эти книги.

Педрие, устроившись на кровати, достал из источенного червями ларя несколько бинтов и велел Молинасу обнажить руку. Увидев рану, он присвистнул.

— Ух ты! Оружие было, наверное, острое как бритва. Кинжал, достойный сикария¹⁰

¹⁰ Сикариями называли тех, кто был вооружен коротким кинжалом, сикой. Во времена иудейских войн сикарии были боевиками zelотов, крайне левых, агрессивно настроенных религиозных фанатиков. Со временем

— Этот народ на все способен, — загадочно пробормотал Молинас.

Студент промыл ему рану водой из кувшина и наложил широкую тугую повязку.

— Если кожа вокруг раны начнет опухать, что вполне возможно, делайте холодные примочки, и отек скоро спадет.

Стало ясно, что теперь он постарается как можно быстрее выпроводить иностранца. Молинас же стремился к своей цели:

— Вы говорили о запрещенных книгах вашего друга, — словно бы припомнил он и поспешил добавить: — Видите ли, я коллекционирую редкие книги.

— Ладно, поищите под постелью. Возьмите любую и оцените сами.

В следующий миг Молинас вытащил из полости под матрасом объемистый том в кожаном переплете. Открыв его наугад, он взглянул на рисунок в начале страницы, изображавший какой-то невиданный цветок. Немного погодя его тонкие губы растянулись в несвойственную им улыбку.

— Смотри-ка, — пробормотал он себе под нос, — это как раз то, что я искал.

ПОЙМАННЫЙ ВОРОН

Колокола Монпелье снова зазвонили, на этот раз радостно. Спустя десять дней с начала эпидемии чуму наконец одолели, и повозки с заболевшими приходили на площадь Сен-Фирмен наполовину пустые, так что лошади тоже испытали некоторое облегчение. Под шатром импровизированной палатки-госпиталя осталось мало больных, да и те быстро выздоравливали. Над площадью повеяло ветром оптимизма, согретым теплым утренним солнцем.

Рабле, отобрав фьяску с вином у кого-то из студентов, долго пил, запрокинув голову, пока вино не побежало по подбородку.

— Кто бы мог сказать? — обратился он к Мишелью, громко и радостно рыгнув. — Монпелье спасен, а в Провансе и Лангедоке люди продолжают умирать. Скажи, как тебе это удалось?

— Ты сам видел, — ответил Мишель с притворной скромностью. — Гигиенические меры, чистота и частые омовения. Вот и все.

Оноре Кастеллан, студент, у которого Рабле отнял фьяску, забрал ее обратно.

— Не обманывай нас, Мишель, во всех твоих мерах присутствует определенная теория. Ты, похоже, убежден, что болезни передаются от человека к человеку по воздуху, при контакте и через дыхание. Никто из преподавателей нас этому не учил.

Мишель улыбнулся про себя, но на душе у него было беспокойно. Горе тому, кто даже в компании друзей выскажет мнение, противоречащее академическому. У инквизиции повсюду были уши.

— Нет у меня никакой теории, — сказал он осторожно, — просто я развиваю тезис Гиппократов о важности климата и местоположения города при распространении болезней. Прованс и Лангедок — места засушливые и подверженные южным ветрам. Потому среди населения встречается много флегматиков и натур бесхарактерных. Следовательно, приходится прибегнуть к действию воды, чтобы...

Рабле расхохотался:

— Да брось ты, Мишель! Ясно, что ты сам не веришь в то, что говоришь. Жаль, я не врезал тебе как следует, когда ты поступал в университет.

Рабле намекнул на церемонию зачисления в студенты, которая в Монпелье проходила по-особому. После того, как регент задавал вопросы о каком-либо заболевании, и секретарь оглашал формулу поступления (*Indues purpuram, conscende cathedram et gratias agis quibus*

debes),¹¹ абитуриент, одетый в красную тогу с широкими рукавами, занимал место рядом с учителями. Однако перед этим все сокурсники должны были дать ему дружеского пинка, причем обязательно находился такой, кто бил отнюдь не в шутку, чтобы потом полюбоваться тем, как «желторотый» морщится от боли.

Смущенный Мишель постарался сменить тему разговора.

— Есть какие-нибудь известия об Антуане Ромье?

Оноре Кастеллан оторвался от фьяски, которую собирался приканчивать.

— Он вернулся вчера вечером, вот-вот должен быть здесь. Да вон он, возле больного. Пойдем поздороваемся с ним.

Увидев студентов, Ромье отошел от пациента и улыбнулся широкой доброй улыбкой.

— А я шел к вам! — воскликнул он, подходя к Рабле и взяв его за руки. — Я должен гордиться вами, сударь. Я думал, что Монпелье пришел конец, а приехав, увидел, что конец пришел эпидемии. Как вам это удалось?

Мишель не смог сдержаться и вздрогнул от обиды. На его счастье, Рабле через плечо указал большим пальцем на товарища:

— Все благодаря присутствующему здесь господину де Нотрдаму. Не знаю, что было у него на уме, но его идеи сработали и он спас множество жизней.

Ромье с улыбкой обернулся к Мишелю.

— Вижу, что не напрасно доверял вам. Я заметил чистые простыни. Должно быть, нелегкая задача заставить студентов выполнять работу прачек.

— Ну... Нам протянули руку помощи девушки из гостиницы, — ответил Мишель, стараясь не показать, как он доволен похвалой.

Ромье хитро прищурился:

— Ах вот оно что! Будь я помоложе, я бы знал, как с ними рассчитаться. Ну, с этим вы сами справитесь. Но и факультет тоже заплатит. Велите передать это от моего имени господину Муле, казначею.

Рабле согнулся в комически торжественном поклоне.

— Будет исполнено, не сомневайтесь.

— Что до вас, господин Рабле, то вы должны быть отмечены особо. Думаю, вы достойны того, чтобы получить диплом. Я поговорю об этом с вашим наставником, доктором Широном. Приступим к делу по возможности быстро.

— Но я всего несколько месяцев как поступил!

— Неважно. Сколько вам лет?

— Тридцать шесть.

— Самый возраст. У вас репутация знающего человека. Дайте нам месяца два, и вы доктор.

Нотрдам нахмурил брови. Хотя он и был другом Рабле, искренне порадоваться за него не получалось. Ведь победа над чумой — его и только его победа. К тому же у него за плечами годы учения. Конечно, он проходил курс в Авиньоне, а Рабле — в более престижном Париже. Но он подозревал, что главной причиной несправедливости было его еврейское происхождение...

Пришлось сделать хорошую мину при плохой игре.

— Поздравляю, Франсуа! — промямлил он. — Ты уже выбрал тему для защиты?

— Конечно! — ответил Рабле с невинным видом. — Это будет комментарий к знаменитому трактату Ардуина об искусстве прилично пернать в обществе.

— Брысь отсюда! — зарычал Ромье, скорчив свирепую гримасу. — И не забудьте явиться к господину Муле!

— Да кто ж о таком забудет? — отозвался Рабле, обнял за плечи Мишеля и Оноре и потащил их за собой.

¹¹ Ты получаешь пурпурную мантию и отныне принадлежишь кафедре, которую обязан почитать. (*лат*)

Несколько часов спустя трое студентов, к которым присоединились Антуан Сапорта, Франсуа Робине и Гийом Рондле, весело ужинали в снова открывшейся «Ла Зохе». С ними сидела Коринна, как всегда глядевшая весело и чуть-чуть лукаво, а с ней еще две девушки: рыжеволосая Мари, чью белоснежную кожу прекрасно оттеняли зеленые глаза, и застенчивая смуглянка Жюмель,¹² с кудряшками вокруг высокого лба.

Пока хозяин подавал паштет из телятины, сдобренный множеством специй, Рабле наклонился к Мишелю.

— Что-то рожа у тебя больно вытянулась, дружок. Похоже, я догадываюсь о причине. Не сомневайся: все знают, что победа над чумой — твоя заслуга. И Ромье это знает. А вопрос о моей защите решен уже давно. Мой наставник Широн объявил мне об этом еще тогда, когда я только поступил.

Мишель, услышав от друга все, что он так старался скрыть, огрызнулся.

— Не это сейчас меня занимает, — соврал он. — Не видел ли кто из вас испанца в черном плаще, который десять дней тому назад был у меня?

Антуан Сапорта раздраженно махнул рукой:

— Опять эта история! Да что ты так разволновался? Что плохого он тебе сделал?

— Из моей комнаты пропали книги.

— Книги? Какие книги? — Видя, что Мишель не хочет отвечать, Сапорта пожал плечами. — Может, их взял Педрие, твой сосед по комнате?

— Это был не Педрие. Он не интересуется моим чтением.

Рабле покачал головой и повернулся к девушкам:

— Помните человека в черном плаще? Он приходил сюда еще?

— Таверна открылась только сегодня, — ответила Коринна. Потом прибавила: — Я этого типа хорошо запомнила. Бледный, как мертвец, а башка — как череп. Я бы с таким ни за что в постель не пошла.

— А тебя не больно-то и просят. Все твои тайные прелести принадлежат нам. Точнее, Мишелю, он нынче герой дня.

— По-моему, он больше занят Жюмель, чем мною. Если бы ты не завел речь про героя, я бы рискнула сказать, что он просто ест ее глазами.

Мишель был не робкого десятка, но в этот момент его мучило столько разных мыслей, что он растерялся и покраснел. Его взгляд и правда время от времени останавливался на застенчивой и грациозной Жюмель. Вот и сейчас его глаза встретились с карими глазами девушки, и она свои быстро опустила. К собственному удивлению, он тоже потупился.

За столом пантомиму заметили и раздался взрыв хохота, который еще больше смутил юную пару. Рондле сложил сердечком красные губы, и его лицо херувима, обрамленное белокурыми локонами, приобрело детское выражение.

— Похоже, сегодня мы присутствуем при рождении любви, — промурлыкал он медовым голосом.

— Что всегда прекрасно, — продолжила Коринна, когда веселье достигло пика, и повернулась к товарке с видом старшей: — Ну е, мадемуазель Жюмель, не будьте такой букой. Нынче ночью к вам в постель пожалует не просто клиент, а сам господин Мишель де Нотрдам, великий ученый и победитель эпидемии. Что же вы корсет-то зашнуровали до самой шейки? Распустите шнуровку, покажите господину медику, что его ожидает после ужина.

У Жюмель вспыхнули уши, что вызвало новый взрыв веселья за столом. Расценив это как вызов, девушка рассерженно вскочила и с гордостью дернула за шнурок.

Рабле присвистнул:

— Черт возьми, уж на что Коринна хороша, но и Жюмель не шутит. Теперь понимаю, что такое «близняшки», на которых намекает ее прозвище.

¹² Близняшка. (фр.)

Чувствуя себя очень неловко, Мишель скользнул взглядом по нежной коже, по родинке над правым соском. Чтобы придать себе важности, он поднес к губам кубок с вином и осушил его до дна. Снова встретившись со взглядом Жюмель, он увидел, что на этот раз глаза девушки молили о пощаде, а бывшая гордость исчезла бесследно. И он почувствовал себя мерзавцем. Резким движением поставив кубок, он поднялся, подошел к девушке и грубо стянул шнуровку блузки, прикрыв ей грудь.

— Пойдем погуляем, — сказал он, — а то здесь становится нечем дышать.

Рондле с улыбкой покачал головой.

— Да это и вправду любовь.

— И еще какая! — воскликнул Рабле своим красивым баритоном. — Друзья, предлагаю тост за наших голубков! Даже когда бушуют эпидемии, жизнь продолжается!

На шуточки, которые за этим последовали, Мишель не обратил внимания. Он вытолкнул Жюмель на улицу и пошел с ней рядом, не говоря ни слова и не прикасаясь к ней. Только когда они довольно далеко отошли от гостиницы, он сказал без всякого выражения:

— У тебя нет плаща, ты замерзнешь.

Девушка посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась:

— Замерзну? Сейчас август, и весь день светило солнце.

— Ну да, солнце светило. — Мишель не находил что сказать. — А на небе полно звезд.

— Ты ведь их изучаешь, правда? Мне сказал Гийом Рондле.

Мишель невольно вздрогнул.

— Гийом был с тобой в постели? — спросил он, сам понимая, насколько глупо задавать такой вопрос проститутке.

Жюмель ответила поистине соблазнительным взглядом, а может, в глазах просто блеснул лунный свет.

— Не думай об этом. Давай лучше воспользуемся тем, что на улице никого нет.

Она схватила Мишеля за руку и втащила на галерею какого-то дома с заколоченными окнами. Почти с вызовом глядя ему в глаза, Жюмель начала распускать корсет. Спустились плечики блузки и открылись круглые, полные груди. Ее голос вдруг снова стал застенчивым:

— Они тебе нравятся?

— А если нравятся?

Мишель прижал ее к себе и поискал губами девичьи губы. Затем языком разжал ее зубы, которые легко подались, и языки начали свой танец, догоняя друг друга. Пальцы Мишеля в это время сжимали грудь девушки, слегка вздрагивая от соприкосновения с напряженным, тугим соском.

Задохнувшись, он оторвался от губ Жюмель и припал к родинке над правым соском, украшавшей нежную белую кожу. Поцеловав родинку, он спустился к соску, завладел им и принялся сосать, словно надеялся, что из него хлынет амброзия.

В этот момент девушка резко вскрикнула, и это явно не был крик наслаждения. Она оттолкнула от себя сопротивляющуюся голову Мишеля и в испуге указала на портик дома напротив.

— Там! — прошептала она. — Там кто-то на нас смотрит!

Мишель посмотрел, куда она указала, но ничего не увидел.

— Что ты выдумываешь? — спросил он раздраженно. — Там никого нет!

Жюмель быстро поправила корсет и блузку.

— Посмотри хорошенько. Там прячется человек! И на нем черный плащ.

— Это он! — в гневе закричал Мишель и выскочил из-под галереи.

Темная тень попыталась прижаться к стене и стать невидимой, но студент ухватил край плаща и рванул его на себя. Показалось лицо незнакомца; он был бледнее обычного и придерживал руку, словно оберегая ее.

— Надеюсь, шпага при вас, сударь? — вскричал Мишель вне себя.

Из-под тяжелых век Молины сверкнули холодные глаза, в них читалось смущение, почти граничащее со страхом.

— Допустим, при мне, но у вас ее нет, — прошелестел он надтреснутым голосом. — Вы ведь не дворянин, хотя ваш отец сделал все, чтобы его считали таковым. Вы всего лишь жалкий еврей, потомок такого же жалкого еврейского рода. Обрезанный.

Мишель замахнулся, чтобы изо всей силы ударить испанца, но тот был проворнее. В мгновение ока он левой рукой вытащил тонкий и острый кинжал, сверкнувший в лунном свете.

— Не делайте глупостей, — медленно произнес он, — и отпустите меня, иначе мне придется вас убить.

Послышался отчаянный крик Жюмель и шум шагов. Первым прибежал Антуан Сапорта, за ним остальные студенты.

— Кто бы вы ни были, бросьте клинок на землю, — угрожающе прошипел Антуан, — иначе вы отсюда живым не уйдете.

— Вы, конечно, можете ранить или убить Мишеля, — раздался голос Рабле, — но подумайте, что мы потом сделаем с вами.

Испанец не опустил кинжала и только переводил сверкающие глаза с одного лица на другое, в то время как студенты окружали его, как охотники — раненого зверя.

— Вы не знаете, с кем имеете дело, — прошептал он, слегка заикаясь. — Предупреждаю, вы в смертельной опасности.

— Пока что единственный, кто в смертельной опасности, — это ты, — возразил Сапорта. Он приподнял полу куртки. У пояса висела короткая шпага. Рука Антуана легла на эфес. — Ну что, бросишь кинжал или нет? Ты ведь понимаешь, что на сегодня твой план убить Мишеля сорвался.

— И вы меня отпустите?

— И мы тебя отпустим.

Испанец секунду размышлял, потом снова спрятал кинжал под плащ. В ту же секунду на него бросился Рондле и крепко схватил за шиворот. Мишель наконец-то смог отвесить преследователю долгожданную оплеуху. Рабле оттащил друга в сторону, и его палец уперся испанцу в грудь.

— А теперь, пока мы окончательно не потеряли терпение, ты нам скажешь, кто ты такой.

— Вы обещали... — запротестовал испанец.

— Не волнуйся, мы свое слово сдержим. Но сначала ответь на простой вопрос: кто ты такой?

Не на шутку стиснутый Рондле, пленник закашлялся. Его бледное, как у трупа, лицо исказилось от страха. Однако в ответе, который услышали студенты, прозвучали надменные нотки:

— Я принадлежу... к инквизиции Испании.

— Ворон поганый! — вскричала Коринна, которая все время стояла поодаль, упревая руки в бока.

Рабле с сомнением покачал головой.

— Быть не может! Братья проповедники не уполномочены носить оружие, кто бы они ни были, доминиканцы или францисканцы. К тому же у тебя нет тонзуры. Другая, этот человек врет.

Рондле крепче сжал испанца, и тот снова закашлялся.

— Я... не монах. Я фамильо. Наша инквизиция пользуется услугами... агентов.

— Вот теперь мы можем тебе поверить, — удовлетворенно заметил Рабле. — Шпион и раб. — Он повернулся к Сапорте. — Антуан, что там за колья? В темноте не видно.

— Это подпорки галереи.

— Выдерни-ка несколько самых суковатых. Этот человек — раб, и наказывать его следует, как раба.

Сапорта охотно подчинился, вместе с ним за кольями бросились Рондле и Робине. Молинас с ужасом уставился на своих мучителей.

— Вы дали слово... — просипел он.

— Ты становишься однообразен, дружище, — весело заметил Мишель. — Мы тебя отпустим, раз дали слово, но не раньше, чем ты понесешь заслуженное наказание.

— Но я ранен в руку...

— А нас не интересуют твои руки, мы хотим отрихтовать тебе спину.

— Может, его лучше раздеть? — ангельским голосом проворковала Коринна.

Рабле тряхнул головой:

— Ну уж нет. Раздевать мы предпочитаем вас, женщин. А мужчины пусть остаются одетыми. К тому же этот больно страшный. — Он взглянул на колья, принесенные Сапортой. — Отлично. Дай Мишелю самый увесистый. Первый удар за ним.

Мишель не заставил себя просить. Пока Рондле поворачивал испанца спиной, он взял дубину и взвесил ее на руке. Потом с размаху ударил шпиона, да так, что тот застонал.

— Прекрасный удар, — прокомментировал Рабле, словно присутствовал при игре в лапту. — Теперь моя очередь. Ну-ка...

Он выбрал кривой кол и резко опустил его на плечи испанца. Тот выгнул спину и застонал еще громче.

Казалось, студенты решили помериться силами, избрав своей мишенью спину Молинаса. Потом настала очередь Коринны и остальных девушек, высыпавших из таверны. Только Жюмель испуганно жалась в сторонку. Наконец Рондле ослабил хватку, и пленник без чувств повалился на землю.

— Правосудие свершилось. На какое-то время этот ворон перестанет нам досаждать.

Рабле отбросил палку и повернулся к остальным:

— Друзья, я полагаю, что наши подружки вскоре потребуют то, что принадлежит им по праву. Время вернуться к ужину и отдать им наш долг. А Мишеля ожидает самый ароматный цветок, который, наверное, уже покрылся росой. Верно, Жюмель? — Девушка с улыбкой потупилась. Рабле вздохнул, словно ему пришлось сделать невероятное усилие. — Пойдемте отдавать долги.

Молодежь со смехом отправилась в «Ла Зохе». Распростертый на земле Молинас вздрагивал и стонал.

ВЕНДЕТТА

Растянувшийся на кирпичном полу галереи Молинас, однако, сознания не потерял. Спина нестерпимо болела, да и раненая рука снова напомнила о себе. И все же хотелось верить, что ребра целы, и это немного утешало. Но стоило ему пошевелиться, как из горла помимо воли вырвался хриплый стон. Унижение, которому его подвергли, было чудовищно и не имело оправдания. Теперь — или умереть, или убить того, кто довел его до такого состояния. Но пока он не мог сделать ни того ни другого.

Ненависть придала ему силы, и он приподнялся. С минуты на минуту юные каналы могли вернуться и снова побить его. Этого нельзя было допустить. Он пошевелил онемевшими пальцами и оперся руками о землю. Правая была слаба, но в левой еще оставались силы. Он уцепился за доску и попытался приподнять спину. Глаза заволокло красным. На секунду он испугался, что сойдет с ума. Первая попытка кончилась тем, что его снова поглотил океан боли.

Тогда Молинас постарался представить себе вестготского Христа с суровым взглядом и окровавленной грудью, возвышавшегося в мрачном зале собраний инквизиции. Он снова попытался встать, не обращая внимания на катившиеся по лицу слезы. На этот раз ему удалось согнуть спину и подтянуть под себя правую ногу. Мучительным рывком он приподнялся и тут же понял, что ноги его не держат. Пришлось вставать, обхватив деревянный столб галереи. Он почувствовал, как занозы одна за другой вонзаются в щеку.

В таком положении он простоял несколько минут, пережидая, пока успокоится сердцебиение. Наконец, поняв, что если он соберет в кулак все свои силы, то сможет пройти

несколько шагов, Молинас отпустил столб и попробовал идти. Боль была ужасная, но ноги уже не подгибались. С ненавистью посмотрел он на освещенный фасад «Ла Зохе», где студенты, несомненно, уже приступили к мерзостным совокуплениям, и медленно побрел прочь, держась за стены.

На его счастье, чума опустошила улицы и никто не мог слышать его стонов. Луна стояла еще высоко, и в те промежутки времени, когда кровавая пелена не застилала глаза, он мог различать дорогу. Кое-как проковылял он несколько переулков и снова упал. На этот раз вставал он гораздо увереннее. «Ну же, вперед, худшее позади...»

Как бы не так. Остался неслыханный позор, отягченный тем, что он так легко раскрыл себя и свои цели. Если стыд еще можно было пересилить, то вина оставалась. Его следовало покарать, и кара должна быть адекватной.

Молинас вошел в какой-то вонючий дворик, окруженный пустыми, словно призрачными, балконами, и дотащился до вырытого посередине колодца. В оставленной на бортике бадье тускло отражались звезды. Он поднял бадью правой рукой и, еще раз подумав об окровавленном вестготском Христе, с силой опустил ее на распластанные на кирпичном бортике пальцы левой. Боль в разможенных ногтях заставила его вскрикнуть. Но этого ему показалось мало. Правой рукой он начал вырывать остатки ногтей, не обращая внимания на брызнувшую кровь. Возможно, он заслуживал и худшего, но боль была настолько нестерпимой, что продолжать он не рискнул: с перебитой рукой и изуродованной спиной он легко мог снова потерять сознание.

Тогда он, хромя, побрел дальше по пустынному городу, как и прежде оставляя за собой красные капли. Приорат доминиканцев был далеко. Ему оставалось только смирить гордыню и постучаться в обитель францисканцев, что располагалась между церковью Святого Петра и городской стеной.

Испанцу пришлось несколько раз дернуть за шнурок колокольчика, прежде чем приоткрылось окошечко в воротах монастыря и оттуда осторожно выглянуло худое лицо молодого монаха. Капюшон его был надвинут на глаза, а нос и рот он прикрывал пучком пахучих трав.

— Что вам угодно? — недружелюбно спросил францисканец. — Здесь все давно спят.

— Поглядите на меня, и вы все поймете, — ответил Молинас. Он поближе придвинулся к полоске света, идущего от двери, и показал окровавленную руку. — Взываю к вашему христианскому милосердию: мне нужна помощь.

Монах отпрянул назад и в ужасе проговорил:

— Что с вами? Вы не больны?

— Посмотрите хорошенько, это не язвы, это раны. — Почувствовав, что не убедил монаха, Молинас раздраженно добавил: — Вы обязаны оказать мне помощь. Я такой же слуга церкви, как и вы. Меня хорошо знает епископ Магелонский. Если вы мне поможете, он будет вам признателен.

Это имя явно произвело впечатление, но не настолько, чтобы рассеять сомнения францисканца.

— Вы не похожи на монаха, — заметил он.

— Да, я не монах, но отнеситесь ко мне так, как если бы я им был. Прошу вас, доложите отцу настоятелю. Ему я объясню, кто я и почему вы должны мне помочь.

— Я уже сказал вам, он спит. Вот если бы вы пришли через час...

И тут Молинаса посетила удачная идея. Он застонал и повалился на землю, словно потеряв сознание. Падение было весьма чувствительно, но он не обратил внимания на боль. Монах вскрикнул:

— О господи!

До ушей Молинаса донеслось звяканье засовов. Оставалось только ждать. Воспользовавшись затянувшейся паузой, он нашарил под плащом кинжал и отбросил его подальше от себя вместе с ножнами. Шпаги он не нащупал, но затем вспомнил, что оставил ее в лачуге, где переживал эпидемию. Тем лучше. Он закрыл глаза, пытаясь, несмотря на

боль, почувствовать хоть небольшое облегчение, соприкасаясь с прохладой мостовой.

Прошло довольно много времени, прежде чем засов снова загремел. Молинас плотнее закрыл глаза, стараясь не шевелиться. Молодой голос произнес:

— Вот он. Он весь в крови, словно на него напали бандиты. Я не мог не предупредить вас.

— И хорошо сделал, — ответил кто-то простуженным голосом. — Ты уверен, что это не зачумленный?

— На первый взгляд — вроде бы нет. Мне показалось, он ранен и весь в синяках.

— Я не спрашиваю, что тебе показалось. Осмотри его.

Приказ, похоже, не вызвал у молодого монаха особого энтузиазма. Прошло несколько мгновений, прежде чем Молинас ощутил на себе прикосновение осторожных, дрожащих пальцев. Ему заглянули под плащ, расстегнули кожаный жилет и рубашку.

После короткого осмотра молодой голос констатировал:

— Бубонов под мышками нет.

— Его лихорадит?

— Нет, не сказал бы. Но он весь избит, и одежда в крови.

— Ладно, позови кого-нибудь и отнесите его в келью. Там разденете и перевяжете. Если придет в себя, позовете.

Прошло еще какое-то время, и Молинас услышал возбужденные голоса и шум шагов. Когда его подняли, боль вернулась с удвоенной силой и он еле удержался, чтобы не закричать. По счастью, сила воли вновь обрела прежнюю крепость, и он молча повис на сильных руках монахов.

Пока его несли по длинным коридорам, до него долетали обрывки тихого, сквозь зубы, разговора:

— Втащить в обитель неизвестно кого, и это когда в городе чума! У отца настоятеля, видно, отшибло последние остатки мозгов.

— Кажется, этот тип знаком с епископом Магелонским.

— Еще того не легче. Мы принимаем у себя непонятно кого только потому, что он знает епископа. А если у него чума?

— Да нет, на чуму не похоже. Он хоть и потерял много крови, но не такой бледный, как чумные.

— Это-то верно, но как мы будем его лечить? Брат лекарь умер, а хирург-цирюльник еще кто знает когда придет.

— Ну, поверхностными ранами займутся служанки.

— Это было бы идеально, но вряд ли отец настоятель захочет, чтобы кто-то узнал, что мы держим у себя женщин.

— Все монастыри во Франции держат женщин. Все это знают, и никого это не шокирует, кроме протестантов.

— А кстати, тебе доводилось быть с Магдаленой? Это такая рыжая, с маленькой грудью. Под юбкой у нее суший вулкан. И зад просто точеный.

— Магдалена? Это что, новенькая? А мне плевать, что грудь маленькая, лишь бы соски торчали...

Дальнейшее Молинасу расслышать не удалось. Его опустили на соломенную подстилку, и острая боль снова парализовала все тело. Он попытался вытянуться, но стало только хуже. Тогда он свернулся, как ребенок, и стал ждать, что будет дальше.

Монахи, тащившие его, ушли. Молинас открыл глаза и огляделся. Он находился в пустой, выбеленной известью келье. Единственной мебелью был комод, на котором стояла масляная лампа. Стены с проступавшими пятнами сырости сходились кверху, единственное окно без решетки закрывал прочный ставень.

В коридоре раздались и. Молинас решил, что хватит изображать обморок, и с любопытством взглянул на входившего человека. Это был высокий худой францисканец, на вид лет шестидесяти, с короткой и жесткой седой бородкой; из-под густых бровей глядели

синие глаза. Судя по цвету кожи, розовому, несмотря на возраст, с легким кирпичным оттенком, можно было предположить, что он саксонец или, скорее, норманн.

Человек, за которым двигался слуга со свечой, подошел к Молинасу, не выказывая никакого расположения.

— Рад, что вы пришли в себя, — сказал он холодно. — Я настоятель монастыря отец Генрих. Теперь можете сказать, кто вы.

Врать было бесполезно.

— Мое имя Диего Доминго Молинас. Я фамильо на службе святой инквизиции Испании, нахожусь в непосредственном подчинении у Великого инквизитора кардинала Манрике.

Отец настоятель поморщился:

— Готов вам поверить, но скажите, кто же вас так отделал?

— Я скажу, если мы останемся наедине.

Отец настоятель махнул рукой слуге:

— Можешь идти. И заberi с собой свечу. Здесь достаточно света.

Тот подчинился без разговоров. Едва он вышел, францисканец наклонился над подстилкой:

— Итак? Я жду вразумительного ответа.

Молинас чуть приподнялся, сдержав стон, и взглянул на францисканца:

— Я веду расследование, касающееся магических практик так называемых обращенных евреев. Это те, кого мы называем *conversos*,¹³ а вы — неофитами или *marrani*¹⁴

— Продолжайте. От чьего имени вы действуете?

— Я уже сказал. От имени Альфонсо Манрике, пятого Великого инквизитора. Но следствие тянется еще со времен третьего, Адриано.

— И кто является объектом расследования?

— Поначалу им был Ульрих из Майнца, некромант, основавший тайную церковь с целью подавить нашу. Потом цепочка заговоров привела к Мишелю де Нотрдаму, студенту-медику из здешнего университета. Вам знакомо это имя?

— Нет. Мы далеки от студентов. Они все сквернословы и пьяницы.

В односложных ответах отца Генриха Молинас уловил враждебность. С этим монахом будет нелегко. Видимо, чтобы заставить его подчиниться, его надо сперва напугать.

— Итак, я сказал вам, по какой причине я здесь. Уверен, что вы мне поможете. Святой инквизиции должно подчиняться.

Настоятель пожал плечами.

— Я подчиняюсь инквизиции Тулузы, а не Испании. Если все, что вы мне сообщили, правда, вы находитесь вне юрисдикции ваших доверителей. Если церковные власти об этом узнают, они будут весьма раздражены.

Молинас почувствовал, как его охватывает гнев, и оттого снова усилилась боль, о которой он уже начал забывать.

— По приезде я представил верительные грамоты сначала инквизиции Тулузы, потом епископу Магелонскому.

— И что сказал вам епископ Магелонский?

На самом деле епископ не сказал ничего. Он пробежал глазами рекомендательное письмо испанской инквизиции и ограничился несколькими приличествующими случаю общими фразами, не выдав Молинасу никаких сертификатов. Его интересовали только гугеноты-лютеране, обосновавшиеся в Монпелье. До евреев и колдунов ему дела не было.

Молинас пустил в ход хитрость:

¹³ Обращенными. (*исп*)

¹⁴ Вероломными. (*ит*)

— Он сказал, что на этот момент его больше всего занимает разврат, царящий в местных монастырях. Ему стало известно о том, что служители церкви грешат со служанками, находящимися при обителях. Разумеется, он ошибается. Здесь у вас я видел только мужчин.

В качестве дополнительного задания мне поручено докладывать ему о наличии женщин в тех местах, где им быть не положено.

Отец настоятель вздрогнул и внимательно взглянул на Молинаса. Он, конечно, догадался, что испанец бессовестно лжет, но понял также, что запросто может стать объектом шантажа. Угадывая ход его мыслей, Молинас улыбнулся про себя.

После долгого молчания отец Генрих вздохнул:

— Так что я могу для вас сделать?

— Помочь мне. Больше я ничего не прошу, — сказал Молинас, изобразив подобие улыбки. — Прежде всего, помочь мне выздороветь. Потом предоставить в мое распоряжение для ведения следствия кого-нибудь из ваших подчиненных. Лучше, если это будет человек светский или послушник. Еще лучше, если это будет женщина.

Настоятель попытался слабо возразить:

— Что вы такое говорите! В моем распоряжении нет женщин!

Молинас вытянул губы, изобразив полную наивность.

— О, я имел в виду прихожанок вашей церкви. Я знаю, что у вас часто бывает некто Магдалена, девушка с рыжими волосами. Вот она была бы мне весьма кстати.

Настоятель окаменел, но перечить не осмелился.

— Хорошо, я вам ее пришлю. Когда хотите ее видеть?

— Не теперь, — ответил Молинас, покачав головой. — Теперь мне нужны бинты для руки и примочки для спины. Но прежде всего — несколько часов отдыха.

— Но кто с вами так обошелся? Мишель де Нотрдам?

— Он самый. Он и его друзья. — Молинас и не пытался скрыть ненависть, от которой сжалось горло. — Хочу попросить вас еще об одном одолжении.

— Говорите.

— В разгар эпидемии я ночевал в тростниковой хижине возле южной городской стены у реки Ленд. Она там одна, ошибиться трудно. Под кучей соломы я спрятал книгу...

— Какую книгу?

— Книгу, которой я пользуюсь, печатную, с множеством рисунков. Прошу вас, отправьте кого-нибудь разыскать ее и принесите мне.

— Хорошо. Что-нибудь еще? — Отец Генрих был явно недоволен, что ему приходится выполнять приказы незнакомца.

— Нет, так, сушая безделица. После того как мне окажут помощь, велите перенести меня в келью, более достойную своего названия. На завтра предупредите приора доминиканцев о том, что я здесь, и попросите его сюда явиться. Должен вам также сообщить, что я питаюсь исключительно мясом, а по пятницам вообще не ем. Рыба внушает мне отвращение, кроме того, я считаю, что употреблять ее в постные дни, как это многие делают, противоречит правилам поста.

От такой наглости у отца настоятеля перехватило дыхание. Он резко выпрямился, и глаза его сверкнули возмущением.

— Вы что, за слугу меня принимаете? — вскричал он хрипло.

— Нет, разумеется, — смиренным голосом отвечал Молинас. — Я сам слуга, слуга Господа. Думаю, у нас с вами один хозяин. — Он вздохнул, благочестиво закатив глаза. — Ведь мы отменное воинство, и никто из наших воинов не посмеет подпасть под влияние демонов сладострастия. Вы согласны со мной?

Отец Генрих не нашелся, что ответить. В ярости он поднял края рясы и, громко топая, удалился.

Весьма довольный собой, Молинас позволил себе расслабить ноющее тело. Странное дело, но боль начала мало-помалу доставлять ему какое-то извращенное удовольствие. Он

отдался этому наслаждению, постукивая по раненым суставам и вздрагивая от восхитительной остроты ощущений. Это новое чувство тем более крепло, что он приписал его своим высоким мыслительным способностям.

Появление толстого, покрытого потом монаха с нечесаной бородой вызвало у испанца досаду.

— Невозможно найти ни лекаря, ни цирюльника, — объяснил вновь прибывший. — Но я им часто ассистировал и знаю толк в фармакопее. Дайте-ка мне взглянуть.

Первым делом он осмотрел пальцы левой руки Молинаса, продолжавшие кровоточить.

— О господи! — вскричал он. — У вас вырваны ногти!

— У меня жестокие враги, — уклончиво отозвался испанец.

— Никогда не видел ничего ужаснее. Только случайно, очень давно, когда допрашивали ведьму. Она верещала, как курица, которую режут. А вы ведете себя спокойно.

— У вашей ведьмы заступником был сатана, а у меня Бог. Это разные вещи.

— Да, вы правы, извините за сравнение, — смущенно пробормотал монах. — Нужны чистые бинты, надеюсь, что найдутся. Ну-ка, покажите руку. — Он отогнул край плаща и манжеты рубашки. — Да вам еще и кинжалом досталось! Рана довольно глубокая, и оружие должно быть, острое. Странно, что ранили только руку.

— Меня не хотели убивать.

Молинаса начала раздражать болтовня монаха.

— Не скажите... Но кровь, по счастью, уже свернулась. У вас крепкая натура. Я пока пойду...

— Подождите. Для спины тоже нужна повязка. Меня били палками. Не думаю, что кости сломаны, но я весь в синяках.

— Вижу, вижу... — пробормотал монах, хотя ничего видеть не мог. — Думаю, для начала будет достаточно медовых компрессов. Да, враги у вас свирепые. Наверное, гугеноты.

— Хуже. Много хуже, — прошептал Молинас, прикрыв глаза. — И нет такой кары, которая годилась бы для них.

Он закашлялся и свернулся на подстилке.

MEDICUS

Первого ноября 1530 года чума, два месяца назад бушевавшая в Монпелье, стала смутным воспоминанием. Снова открылись таверны и магазины, те, кто выжил, быстро позабыли умерших, в университете возобновились регулярные занятия. Улицы ожили и вновь заполнились лавками торговцев, мимо которых с грохотом катили экипажи, украшенные гербами знати.

Во всем этом бурлении жизни чувствовалась, однако, нотка тревоги. Монпелье был спасен, но этого нельзя было сказать об остальных южных районах, где все еще свирепствовала чума. С приближением зимних холодов она, конечно, пошла на убыль, особенно в больших городах. Зато очаги эпидемии ежедневно регистрировались в более мелких населенных пунктах, прежде всего на побережье.

Кто не испытывал ни тревоги, ни беспокойства, так это Рабле. Сегодня он праздновал свой *actus triumphalis*. Перед зеркалом, водруженным посередине его комнаты в пансионе, он примерял тогу.

— Ну, что скажете? — повернулся он к друзьям. — Как сидит?

Мишель улыбнулся:

— Ты на редкость элегантен.

— Будь начеку по части штанов, — лукаво заметил Антуан Сапорта. — Они такие узкие, что, склонившись с почтением перед наставником, ты рискуешь их порвать, показав зрителям тыл.

На это Гийом Рондле хитро рассмеялся:

— Ничего страшного. Это единственная часть тела Франсуа, которая демонстрирует

серьезность и значительность ученого мужа. Иначе ее могут принять за лицо.

Рабле быстро повернулся и шутливо погрозил пальцем.

— Берегись, Рондибилис, — предупредил он, на ходу придумав Рондле новое прозвище.¹⁵ — Ужасный период моей жизни подходит к концу. Пока что я спокоен, но это лишь видимость. Гляди, как бы твои непристойные намеки меня не разозлили.

Глаза Рабле смеялись, но в том, что он говорил, была доля правды. Дипломный экзамен студентов-медиков, именуемый *examen per intentionem*, проходил в несколько этапов. В первый день выпускник должен был представить преподавателю доклад по теме, которую ему сообщали накануне вечером, и ответить на вопросы остальных членов комиссии. Затем следовал день отдыха, но какой там отдых, когда находишься в постоянном напряжении. Потом ему предлагали новую тему, снова на ночь глядя. И так четыре раза.

После последнего собеседования следовал восьмидневный перерыв, затем студент должен был явиться к декану факультета (в данном случае к Антуану Ромье) и наугад выбрать тему из «*Ars parva*»¹⁶ Галена, потом тем же манером получить у секретаря другую тему из «Афоризмов» Гиппократ. На следующий день после полудня в церкви Нотр-Дам де Табль кандидат был обязан посвятить четыре часа анализу этих тем и снова ответить на вопросы преподавателей. В благодарность за терпение и внимание, согласно обычаю, студент угощал комиссию вином и сладостями.

В случае благоприятного отзыва комиссии на этом этапе обязанности кандидата не заканчивались. Для того чтобы получить лицензию от епископа, надо было заплатить ему изрядную сумму, которую никто не назначал, но которая не могла быть скромной. И только тогда выпускной экзамен входил в заключительную фазу, именуемую *triduanes* (трехдневка).

В назначенный день кандидат представлял декану и секретарю список из двенадцати болезней. Двое арбитров выбирали из них шесть, по три каждый, и назначали дату последнего собеседования. Оно длилось три полных дня, от рассвета до заката, и каждый из преподавателей спрашивал выпускника о выбранных заболеваниях, вдаваясь в самые тонкие детали. Коллоквиум проходил в присутствии всех студентов, которые тоже имели право задавать вопросы любой сложности.

Если преподаватели были удовлетворены ответами кандидата, они один за другим выходили из церкви, а сокурсники бегом бежали поздравлять товарища, который стал доктором. Теперь необходимо было лишь принять участие в заключительной триумфальной церемонии.

Рабле добрался до финала измученным, но счастливым. Накануне колокола всех церквей долго звонили, возвещая о грядущем акте посвящения нового врача. И вот ему, облаченному в парадные одежды, оставалось только ждать. Он отошел от зеркала и уселся на край кровати.

— Знаете, что я вам скажу, ребята? Если бы на месте профессоров оказалось стадо ослов, разницы никто бы не заметил.

Мишель, сумевший справиться с завистью, повернулся к другу с улыбкой:

— Не преувеличивай, Франсуа. Преподаватели были еще слишком милостивы к тебе. Они же прекрасно поняли, что ты только и искал повода, чтобы их спровоцировать.

— Провоцировать? Да я старался просто выявить их ослиную сущность. Все они, кроме Ромье и Широ, рассуждали о болезнях, известных им только по названиям. Не говоря уже о том, что никто из них не знал, кто такой Парацельс.

— Не исключено, что притворялись: ведь Парацельс лютеранин и упоминать его имя опасно.

— Пусть лютеранин, но именно он предложил усыплять больных эфиром во время

¹⁵ Рондибилис — кругляшок, колобок. (лат.)

¹⁶ „Малая наука“. (лат.)

хирургических операций. Сколько больных погибло из-за того, что не выдержало сердце или просто от страха? Догмы существуют для священников, а медицина — это техника.

Рондле развел руками.

— А что ты хочешь? Физику, физиологию и анатомию мы учим по Аристотелю, естественную историю по Плинию и Теофрасту. Мы препарируем всего один труп в год, да и то только потому, что Ромье ради этой возможности расшибается в лепешку.

Мишель кивнул.

— Это верно. Единственные медицинские тексты, которые мы изучаем, — это Гиппократ и Гален. Авиценна объявлен бандитом, искусство фармакопеи не относится к дисциплинам факультета, анатомия признана теоретическим предметом. Знаешь, Франсуа, когда я понял, что ты вот-вот взорвешься?

— Могу себе представить. Это когда какой-то кретин в тоге попросил меня описать анастомозы¹⁷ между главными венами и артериями?

— Вот-вот. И попробуй сказать, что никогда таких анастомозов не видел. Тебе ответят, что раз Гален о них пишет, значит, они должны существовать.

Рабле пожал плечами.

— Такая мода на классику и приводит нас... О!.. Кажется, я слышу музыку...

Рондле, стоявший у окна, высунулся наружу.

— Да, тебе пора, Франсуа! На подходе весь академический корпус!

В глубине улицы показались музыканты. Они так старательно били в цимбалы и дудели во флейты и медные трубы, что иногда даже добивались некоторой гармонии. За ними в парадных красных тогах выступали преподаватели факультета медицины во главе с деканом и секретарем. Среди них, окруженный священниками и монахами нищенствующих орденов, шел епископ Магелонский.

На почтительном расстоянии за ними следовала бесшабашная компания дев радости, приложивших столько усилий к тому, чтобы скрасить жизнь студентов. За ними, стараясь не пропустить интересное зрелище и не наступить при этом на шнырявших повсюду ребятишек, толпились простые горожане.

Перед пансионом музыканты остановились и продолжали играть до тех пор, пока друзья не подтолкнули Рабле к окну и не заставили выглянуть. С улицы раздались овации. Декан Антуан Грифиус выступил вперед и поднял руки, призывая всех к тишине.

— Спускайтесь, доктор Рабле. Город Монпелье желает оказать почести новому медикусу.

Рабле никогда не был особенно застенчив, но все же зарделся. Рондле взял его за плечи и вывел на крыльцо.

— Иди, сегодня ты герой праздника.

Едва Рабле вышел за порог, как толпа подхватила его и повлекла к площади Сен-Фирмен. Мишель угодил в плен к девам радости, которые веселились, словно это они стали докторами. Коринна, явная заводила, подмигнула ему и позвала за собой, но глаза Мишеля напряженно искали Жюмель. Наконец она появилась, красивая, как никогда, в изысканно простом бархатном платье. Пробираясь к ней, он едва не опрокинул нескольких девушек. Оказавшись с ней рядом, он взял ее за подбородок и поцеловал в губы.

— Я уже решил, что ты осталась в гостинице, — прошептал он ей на ухо. — Тогда мне пришлось бы уйти с церемонии к тебе.

Девушка легонько погладила его по плечу и взяла под руку.

— Как видишь, я здесь. Думаешь, я пропустила бы случай увидеться с тобой?

Вот уже три месяца, как Мишель проводил с ней по крайней мере две ночи в неделю. В их взаимоотношениях не было ничего продажного. Игнорируя явное недовольство Коринны,

¹⁷ Анастомозами называют промежуточные, „обходные“ сосуды, которые начинают функционировать при недостатке кровоснабжения основными. Анастомозы между венами и артериями — нонсенс. (Прим. перев.)

Жюмель до самого конца не изгоняла из тела напряженный пенис Мишеля, помогая ему излиться и ни на что не претендуя. Не исключено, что она выплачивала якобы полученную от Мишеля сумму из собственного кармана. Коринна была недовольна в принципе, но по части расчетов ничего возразить не могла и поэтому закрывала на все глаза.

Настоящая загвоздка была в самом Мишеле. Он прекрасно понимал, что к роскошной груди Жюмель прикасались не только его руки и что туда, где бывал он, проникали и чужаки. Он не знал, как быть, и молча страдал. Рано или поздно он станет богат и сможет выкупить девушку, вытащить ее из замкнутого круга таверны. В этом он был уверен.

— Чудесный день, правда? — спросила Жюмель, крепко стиснув руку Мишеля.

Он собирался ответить, но тут его кто-то взял за другую руку. Удивленно обернувшись, он застыл, пораженный красотой глядящего на него лица. Лицо принадлежало девушке, которая давно уже вертелась возле него. О ней он знал только то, что ее зовут Магдалена, родом она из Агена и время от времени приезжает в «Ла Зохе», но не как проститутка, а просто как одна из постоялиц, и что каждое ее появление воспринимается как сенсация. И надо сказать, не без оснований. Ее лицо было бы образцом совершенства, если бы не рассыпанные по носу и щекам веснушки, что никак не вязалось с требованиями эпохи: женская кожа должна была белизной соперничать с мрамором. Синие глаза и изумительной формы маленький рот дополняла копна рыжих волос (что было в этих краях большой редкостью), обрамлявших головокружительно правильные очертания прелестного лица.

Кроме веснушек в облике девушки наблюдался еще один изъян: маленькая грудь. Может, она и соответствовала античным канонам, но для Мишеля, обожавшего ощущать в ладонях пышные округлости, этот дефект был немаловажен. И все же юный возраст Магдалены оставлял надежду, что грудь ждет своего часа, чтобы окончательно расцвести. О том же говорили массивные соски, хорошо видные под блузкой. Что касается остального тела, то лучшего не было и у самой Венеры.

— Как дела, Мишель? Давно тебя не видела. А знаешь, мне тебя не хватает.

Студент собрался было ответить, но Жюмель откликнулась первой:

— А тебе чего надо, веснушчатая шлюшка? Ты что, не видишь, что мы вместе?

Было забавно наблюдать, как Жюмель, обычно тихая и незаметная, побагровела от гнева. Магдалена обошлась с ней наихудшим образом: она просто не обратила на нее ни малейшего внимания. Вместо этого она с обожанием впиалась глазами в обросшее бородой лицо Мишеля.

— Хотелось бы видеть тебя почаще. Ты ведь знаешь, как мне нравишься.

Мишель любил лести — и даже слишком, но эти слова его смутили: услышав их, он почувствовал, как его язык словно прирос к небу.

— Я много занимаюсь, у меня нет времени...

— Да скажи же ей, что ты со мной! — закричала Жюмель, которая, казалось, растеряла всю свою застенчивость. — Так или нет? Отвечай, иначе больше никогда не окажешься в моей постели!

Может, Мишель и ответил бы, но Магдалена, бросив на Жюмель высокомерный взгляд, опередила его:

— Это было бы забавно. В твоей постели все мужчины Монпелье как дома. Достаточно заплатить за вход.

Жюмель было не узнать. Вся красота разом исчезла за маской гнева, глаза стали мутными, лоб покраснел.

— Думаешь, ты лучше меня, сучка с патлами из пакли? Ой, послушайте эту девственницу! Корчит из себя добродетель и живет в остерии одна!

Магдалена ничуть не смешалась.

— Я-то живу одна, а у тебя под дверью всегда очередь, как к булочнику. Только твой хлеб — неаполитанская хворь!

Жюмель издала яростный вопль и бросилась на соперницу. Мишель, смущенный ссорой, а пуще того — смешками, которые раздавались отовсюду, успел схватить ее за

плечо. Охрипшая от злости Жюмель показала на грудь соперницы, едва выдававшуюся под складками блузки:

— Мишель, только не говори, что тебе по нраву эти дряблые груши! И погляди, у нее все лицо в пятнах!

На этот раз Магдалена, казалось, была задета за живое, но виду не подала.

— А ты свои пятна раздаешь другим. Весь город знает, что ты больна! Мимо тебя не проходит ни одно войско, что возвращается из Италии. Из тебя, как из дырявой бочки, сочится гниль.

Оскорбление было таким подлым и жестоким, что Жюмель, задохнувшись от унижения, смогла только пролепетать что-то невнятное. Мишель понимал, что надо сказать что-то в защиту возлюбленной, но его уже околдовали синие глаза Магдалены. Он ограничился тем, что примирительно пробормотал:

— Да ладно вам, девчонки, перестаньте. Люди на нас смотрят.

Но сказал он это, повернувшись к новой подруге.

На миг позабытая Жюмель расценила это как свое полное поражение. Она вдруг расплакалась, вырвала свою руку из руки Мишеля и убежала. Он попытался ее остановить, но девушку поглотила праздничная толпа. Побегать за ней он тоже не мог, потому что им уже завладела Магдалена. Ему ничего не оставалось, кроме как подчиниться людскому потоку.

— Не думай о ней, — весело сказала ему рыжеволосая. — Ты всегда сможешь пойти и утешить ее, если, конечно, тебе это надо. — И, как бы желая закрыть навсегда эту тему, она подняла носик к обросшему подбородку Мишеля. — Я знаю, что ты занимаешься астрологией. Несколько лет назад, когда я была еще маленькой, в одном альманахе я прочла пророчество о наводнении в феврале тысяча пятьсот двадцать четвертого года. Ваша наука не так уж точна. В этом месяце дождя почти не было.

— Ты умеешь читать?! — воскликнул пораженный Мишель. И тут же добавил в замешательстве: — Книги — не занятие для женщин низкого происхождения, а уж астрология тем более.

Магдалена по-детски вытянула губы.

— Знаю, что женщинам не пристало читать книги, но мне так нравится узнавать что-то новое. Ты бы мог научить меня куче интересных вещей. Все говорят, что ты ученый.

У Магдалены были такие глаза, что Жюмель вмиг исчезла из памяти.

— Поговорим об этом в другой раз, — сказал Мишель, улыбнувшись. — Мы уже возле церкви. Давай войдем.

Процессия и вправду подошла к церкви Сен-Фирмен, и преподаватели, студенты и горожане заполнили весь неф. Толпа была такой плотной, что Мишель и Магдалена застряли у чаши со святой водой. По счастью, возле алтаря водрузили помост, и все происходящее было хорошо видно из любого угла.

Епископ занял место в президиуме, за ним последовали ректор университета и деканы медицинского факультета, среди которых были Антуан Ромье и Жан Широн. Слегка оробевшего Рабле вытолкнули на помост, и он встал навтыжку перед преподавателями. Один из них, знаменитый невероятно скучными лекциями, сплошь состоявшими из чтения греческих и арабских текстов, произнес по-латыни торжественную речь, в которой никто не понял ни слова. Речь касалась общих рекомендаций самоотверженно трудиться и следовать настояниям церкви. Спустя короткое время в церковном нефе, и так гудящем множеством звуков, послышались возгласы нетерпения и громкие зевки. Профессор запнулся, забыл, что дальше, и смиренно сел обратно в кресло. Рабле, который теперь откровенно развлекался, склонился в преувеличенно торжественном поклоне.

Великий миг настал. Антуан Ромье поднялся, подошел к ученику и водрузил ему на голову черную квадратную шапочку с красным помпоном. Толпа притихла и застыла. Ромье поднял правую руку Рабле и надел ему на указательный палец золотое кольцо. Затем взял из рук прислужника копию «Афоризмов» Гиппократ и протянул ее новоиспеченному

медикусу. Вручив книгу, он подвел Рабле к свободному креслу — как раз рядом с незадачливым профессором, произнесшим непонятную речь.

Но на этом процедура не закончилась. К стоящему со смиренно опущенной головой Рабле подошел епископ и благословил его. Потом он попал в объятия всех деканов факультета. Наконец Широн, став напротив ученика, громко крикнул:

— *Vade et occide Cain!*¹⁸

Это был сигнал ко всеобщему ликованию. Неистово зазвонили колокола, и весь сгрудившийся в нефе народ принялся кричать: «*Vade et occide Cain!*» так, что стены собора заходили ходуном.

Видя, что Мишель тоже орет вместе со всеми, Магдалена, приподнявшись на цыпочки, дотянулась до его уха и прокричала:

— А что это означает?

Мишель взглянул на нее в замешательстве:

— Не знаю, и преподаватели не знают. Никто не знает. Но таков обычай.

Не стоило заглядывать в эти сияющие синие глаза — он тут же потерял голову. Магдалена была до жути хороша, и красота ее казалась Мишелю одухотворенной, в отличие от роскошной, земной красоты Жюмель. Вот только проклятые веснушки пятнали щеки. И все-таки он радовался, глядя, как пухлые девичьи губы шевелятся, чтобы спросить его:

— А что будет дальше?

— Думаю, дальше будет банкет. И я наверняка приглашен.

— А мне можно пойти, как ты думаешь?

Ему бы надо было ответить «нет». На выпускные банкеты приглашали женщин, но это были либо жены преподавателей, достаточно пожилые, чтобы не вызвать скандала, от души хохоча над солеными студенческими шутками, либо одна-две молоденькие куртизанки, которых нанимали, чтобы завершение праздника обрело для выпускника более терпкий вкус.

Магдалена не принадлежала ни к одной из этих категорий, но Мишель сказал решительно:

— Конечно можно.

Таким способом он избегал обиду, накопившуюся за последние месяцы. Кто осмелится оспорить тот факт, что самая красивая девушка досталась-таки ему, а не новому медикусу? И если Рабле так скоропалительно получил свой диплом, то только благодаря тому, что некто Мишель де Нотрдам справился с чумой вместо него. По справедливости этот некто должен получить хоть пустяковую компенсацию...

Толпа начала растекаться, и Магдалена с Мишелем влились в общий поток. Их догнал Рондле, быстро бросив на ходу:

— Ужин состоится в Кастельно, как всегда, в той же таверне.

Мишель указал на подружку:

— Она тоже идет.

Рондле чуть помедлил и спросил:

— Это для Франсуа? Но у него уже есть Коринна.

— Нет, это для меня.

— Ладно, встречаемся после заката. К пансиону через час подадут повозки.

Не успел Рондле отойти, как Магдалена обернулась к Мишелю с ослепительной улыбкой:

— Спасибо. Огромное спасибо.

Мишель погладил ее по щеке с розоватыми веснушками.

— Это тебе спасибо. Будем надеяться, что пьянчужки не испортят нам праздника. Если кто-нибудь из них начнет к тебе приставать, я его убью.

Ответом ему была новая улыбка.

¹⁸ Иди и убей Каина! (лат.)

Через несколько часов Мишель и Магдалена сидели у торца длинного подковообразного стола в таверне Кастельно, где с незапамятных времен было принято отмечать защиты дипломов. Большинство гостей было уже навеселе, вино Мирво текло рекой из кувшинов в бокалы, а зал наполняли аппетитные ароматы жареного мяса.

Рабле, в берете, сидел в центре стола, и с ним Коринна в нарядном белом платье. По бокам этой пары разместились магистры Ромье и Широн, уже заметно подшофе. По счастью, Мишель сидел далеко и не слышал скабрёзных шуточек, которые то и дело отпускал Рабле в его адрес и в адрес его спутницы. По правде говоря, он вообще ничего не слышал, кроме тех слов, которыми с ним обменивалась Магдалена, да и те тонули в общем гаме.

— Кто тебя научил читать? — спросил он вдруг.

— Священник в Агене, — ответила девушка. — Но я читаю плохо и очень медленно.

— Я мог бы тебе помочь научиться читать бегло.

— Это было бы здорово!

Ответ заглушила песня на провансальском языке, в которой говорилось об обычае студентов заказывать возбуждающие зелья, *drogas fines*, для своих подружек.

В этот момент слуга поставил на стол блюдо с разными сортами мармелада, кусочками сладкого аниса и ободком из черешен, уложенным по краю. Мишелю не хотелось есть, и он рассеянно взял за ножку одну черешенку. Магдалена тут же выхватила ягоду. Пристально глядя ему в глаза, она взяла черешню губами, но есть не стала, только пососала слегка и вдруг, не отрывая взгляда от Мишеля, неуловимо быстрым движением сунула острый кончик языка в ямку, где рос черенок ягоды.

За столом тем временем зазвучала старинная баллада, известная под названием «*Le chevalier qui fit les cons parler*».¹⁹ Мишель вспотел. Он ничего не видел вокруг себя.

— Магдалена, я люблю тебя! — воскликнул он. Однако его слова слились с голосами поющих. Тогда он набрал воздуха в грудь и рывкнул что было силы: — Я люблю тебя, понимаешь?!

Его голос перекрыл все шумы в таверне. В зале на секунду воцарилось молчание, потом раздалась веселая овация.

ДРЕВО ЧУДЕС

Дверь в глубине портика приората доминиканцев со скрипом открылась, и на пороге показался необычайно веселый приор, отец Жозеф. Несмотря на почтенный возраст, он приблизился к Молинасу юным пружинистым шагом.

— Взгляните! — вскричал он радостно. — Вас вызывают в Мадрид!

Молинас помрачнел. Мысль, что он может лишиться покоя, которым наслаждался несколько месяцев, была ему вовсе не по душе. Приорат выглядел гораздо строже монастыря францисканцев: тесные кельи, мрачные коридоры, крошечный дворик, куда никогда не заглядывало солнце. Появившись в этом новом обиталище, Молинас с каждым днем чувствовал себя уютнее: оно напоминало сырые и темные монастыри Мадрида, где каждый закуток, каждая капите говорила о христианстве мрачном и драматичном, полном презрения к свету как к праздной светской мишуре.

О полученных ранах осталось лишь смутное воспоминание. Всю зиму за ним ухаживали сначала францисканцы, потом доминиканцы. Два пальца на левой руке так и остались без ногтей, но больше не болели; что же до ребер, то переломов не оказалось, а кровоподтеки быстро рассосались. От ножевой раны на руке остался незначительный шрам.

И если в богатой гамме волнений и тревог, мучивших Молинаса, не встречалось счастливых ноток, то здесь он был счастлив. Поэтому он и встретил сообщение приоры, мягко говоря, безрадостно.

¹⁹ „Рыцарь, заставивший фиги заговорить“. (фр.)

— Откуда вы знаете, что меня вызывают в Мадрид? Вы вскрыли мою почту?

Приор опешил, потом сказал:

— Она не была запечатана. У нас не существует приватной корреспонденции. В мои обязанности входит прочитывать всю почту.

— Но я вижу здесь следы сургуча, — насупившись, бросил Молинас, изучая свиток. — Бьюсь об заклад, что здесь была печать инквизиции Испании. Но пусть так, тут вы хозяин. Перескажите мне содержание письма.

Отец Жозеф совсем смешался, но решил сохранить хорошую мину при плохой игре:

— Насколько я понял, пятому инквизитору, его преосвященству Манрике, необходимы надежные люди в помощь главе Святой палаты²⁰ в Сицилии, Агостино Камарго. Всех чиновников, находящихся за рубежом, отзывают для получения инструкций от организации, которую вы называете Супрема, Верховный совет инквизиции.

— И вы этому очень рады? — Не дожидаясь ответа, Молинас вновь спросил: — Девчонка, которую я велел привести, уже здесь?

Приор пробормотал:

— Здесь. Думаю, ждет в вашей келье. Но мне не хотелось бы, чтобы вы подумали...

— Я сам знаю, о чем мне думать. Вас это не касается.

При этих словах Молинас потянул носом сырой воздух обители, словно боясь не уловить одному ему известный запах. После бесконечной зимы вернулась наконец весна, и на пороге стояло лето, которое в этом, 1531 году обещало быть знойным. В приорате, за высокими стенами, было всегда сыро, и смена погоды угадывалась только по редко проникавшим сюда лучам солнца. Испанцу и этого вполне хватало, чтобы наслаждаться неспешными одинокими прогулками под колоннадой. Его отвлекало время от времени только чириканье птиц, слетавшихся на ветви каменного дуба за оградой монастыря. Была бы на то его воля, он велел бы срубить дерево. Но, к сожалению, такие решения не входили в его компетенцию.

Молинас спрятал письмо в потайной карман плаща и направился к выходу из портика. Два марша темной лестницы привели его в коридор с пятнами сырости на потолке, слабо освещенный редкими лучами солнца, проникавшими сквозь узкие окна. Он миновал множество закутков, прежде чем достиг своей кельи. Дверь со скрипом захлопнулась.

Магдалена сидела на краю его ложа. На ней было легкое платье, подчеркивавшее контраст нежно-розовой кожи и рассыпанных по плечам рыжих волос. Тонкий луч света из узкого окна ласкал ее ладную фигурку.

— Встань оттуда! — грубо приказал Молинас. — Я не желаю, чтобы в моей постели завелись блохи.

Многие месяцы унижений, подчас обидных, а подчас и жестоких, сделали Магдалену нечувствительной к выходкам испанца. Она встала и уселась на скамейку возле маленького бюро — единственного ценного предмета в скудном убранстве кельи. Она дружелюбно улыбнулась, но достаточно было одного взгляда Молинаса, чтобы улыбка погасла.

Испанец, тяжело застонав, опустился на ложе и остался сидеть на краю, подняв кверху внезапно осунувшееся лицо. Он достал письмо.

— Я должен вернуться в Испанию, а потом, наверное, поеду на Сицилию. Еду сегодня же. — Он дождался того момента, когда в глазах девушки зажегся лучик надежды, и продолжал: — Не строй себе иллюзий, шлюшка. Я буду следить за тобой даже издалека. Епископ в курсе, что ты была францисканской подстилкой. И он заинтересован в том, чтобы ты исчезла. Если бы я не воспрепятствовал, он бы давно выдал тебя тулузской инквизиции как еретичку или как вступившую в сговор с демонами. У тебя волосы цвета адского пламени, и это знак. То, что ты вводила в искушение братьев, известных своей святостью, доказано. Доказано также, что ты якшаешься с заподозренным в колдовстве. Если в

²⁰ Официальное название инквизиции. (Прим. перев.)

ближайшее время я не получу от тебя отчетов, я перестану тебя поддерживать, и епископ получит возможность делать с тобой все, что угодно.

Молинас предпочел бы, чтобы Магдалена ударилась в слезы, как она и поступала поначалу, став пешкой в этой жестокой игре. У нее же, напротив, как и всегда в последнее время, появились лишь две маленькие слезинки в углах синих глаз. И это раздражало гораздо больше, чем открытый протест. Безудержный плач означал покаяние, но сдерживаемые слезы говорили об упорствовании в грехе.

Магдалена сглотнула, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Вы сами хотели, чтобы я вошла в сношение с этим колдуном.

— А что, раньше ты была девственна? Женщина, которая отвергает защиту брака, всегда открыта для греха. Но теперь-то ты, хоть и поступаешь дурно, обеспечила себе хороший конец. У твоей души появилась надежда. — Молинас передернул плечами: ему были скучны такие разговоры, да он и не считал нужным что-либо объяснять. — Итак, перейдем к делу. Чем занимался Нотрдам в этот период?

Довольная тем, что разговор поменял русло, Магдалена неопределенно махнула рукой:

— Да ничем особенным не занимался. Готовился к защите, корпел над книгами, писал. Он сейчас переводит с латыни книгу этого знаменитого медика, Галена. Иногда отправлялся за травами или за мармеладом, до которого падок.

— Он видится с твоей соперницей?

— С Жюмель? Нет, ему хватает меня. Кроме того, после отъезда Рабле Мишель редко бывает в «Ла Зохе».

Молинас заметил, что к девушке начала возвращаться уверенность. Он решил какое-то время не нарушать это шаткое душевное равновесие, понимая, что без него из девушки будет трудно вытянуть необходимые сведения.

— И как ты его находишь? Как он себя ведет?

Магдалена поморщилась.

— Не злобится, по крайней мере, со мной. Хотя слишком тщеславен. И все время старается быть в центре внимания. При всем моем невежестве я это понимаю.

— Ты говоришь так, словно любишь его, — заметил Молинас, оскалившись в гримасе, которая с натяжкой могла сойти за улыбку.

Магдалена развела руками:

— Он начинает мне нравиться, но сам он, похоже, любит только себя. Я живу с ним только по вашему приказу.

— Посмотрел бы я на тебя, если бы отказалась. — Молинас спросил себя, не пора ли проучить дерзкую девчонку, но решил подождать. — Перейдем к тому, что меня очень интересует. Что он рассказывал тебе о своей семье?

Магдалена помедлила, словно боясь разозлить своего мучителя. Потом решила и пробормотала:

— Он почти никогда о них не говорил. Я пробовала спрашивать, но он не отвечал. Его друзья говорили, что он еврей и что его предки жили в районе Арля, Карпентра, Авиньона и Сен-Реми.

— У них есть даже свой герб с надписью «Soli Deo».²¹

— Думаю, герб придумал его отец, чтобы все поскорее забыли о его происхождении и считали знатным. Может, Мишель и обошелся бы без этих выдумок, но он к ним привык. К тому же его младший брат Жан одержим той же манией величия.

— Тебе известно, что у них в семье был астролог по имени Жан де Сен-Реми?

— Да, по материнской линии. Но человек, посвятивший Мишеля в таинства магии, звался другим именем: Ульрих.

Молинас вздрогнул.

²¹ Soli Deo (лат.) — девиз на гербе. Можно перевести как Богу Единому или Богу Солнца. (Прим. перев.)

— Случаем, не Ульрих из Майнца?

— Что-то в этом роде. Мишель о нем не говорит, но часто видит во сне. Он мечется на постели и повторяет это имя. А иногда, если ему снится кошмар про Ульриха, он вскакивает и кричит. Но говорить о нем отказывается.

— Если кричит, на то есть причина. Ты не догадываешься какая?

— Я думаю, у Мишеля с Ульрихом связано ощущение боли. Я имею в виду боль физическую. Он все время трясет правой рукой, словно от боли. Поверьте, больше я ничего не могу рассказать.

Молинас отметил про себя это ценное сведение, но его сейчас занимало совсем другое. Магдалена говорила изящно и складно, да еще с той свободой, которая не пристала ее полу и положению. Она выказывала даже некоторую сообразительность. Совершенно ясно, что в ее разум вселился бес, и скорее всего не один. Ему вдруг захотелось смять и исцарапать это хорошенькое личико, но он сдержался, вспомнив, что выбрал ее именно потому, что она умела читать и писать, а это было так необычно для женщины. Рано или поздно он все равно ее примерно накажет, но пока хочешь, не хочешь, а придется терпеть и пользоваться ее сведениями.

— Ты наверняка утаила от меня правду, шлюха. Но я не стану тебя упрекать — я слишком добрый христианин. Я предпочту поверить, что ты действительно ничего не знаешь. А теперь посмотрим, справилась ли ты с заданием, которое я тебе доверил. Ты переписала названия тех книг, что прячет Нотрдам?

— Да, вот они.

Магдалена пошарила за корсажем и вытащила листок бумаги.

Ее жест смутил Молинаса. Он впервые заметил, что ее груди начали наливаться зрелой полнотой. Он не отвел взгляда от этой бесстыдной женственности, но направил мысль в другую сторону и сухо заметил:

— Прошлый раз твой список не представлял никакого интереса. Книги по медицине, несколько астрологических альманахов и дюжина общеизвестных греческих и латинских текстов.

— Но я не могу судить, какие...

— Не трать время на объяснения. Дай сюда список.

Магдалена повиновалась. Молинас взял листок и спрятал его в карман. Потом задал вопрос, который его давно мучил:

— Напряги хорошенько память, если только таковая имеется. Слыхала ли ты, чтобы Нотрдам произносил когда-нибудь слово Абразакс или Абраксас?

— Нет, никогда, — уверенно сказала Магдалена.

— А говорил ли он о книге, пропавшей у него из библиотеки?

— Да, часто! Он винит в пропаже своего соседа по комнате, Жана Педрие. Рукопись называется «Arbor»...

— «Arbor Mirabilis». ²² Он говорил, почему эта книга ему так дорога?

— Нет, о ней он со мной не говорил.

— И не прогадал. — Молинас провел рукой по лбу, хотя на нем не было ни капли пота. — А теперь пошевеливайся и делай то, что всегда.

Вздрогнув, Магдалена покраснела всем телом.

— Но вы же не хотите...

— Ты прекрасно меня поняла. Повинуйся сейчас же! Впрочем, я ведь не требую от тебя ничего, что противоречило бы твоей сучьей натуре.

На глаза девушки снова навернулись слезы. Однако на этот раз, к большому удовольствию Молинаса, они побежали по щекам, затерявшись в веснушках.

Найдя, наконец, в себе силы встать со скамьи, Магдалена расплакалась в голос. Тем не

²² Древо чудес». (лат.)

менее, следуя уже хорошо известному сценарию, она подошла к Молинасу и наклонилась, так что ее длинные рыжие волосы коснулись пола. Ее пошатывало, но она кое-как подняла юбку.

— Ну, чего ты ждешь? — хрипло просипел испанец. — Покажи мне то, что ты кто знает сколько раз показывала своему Мишелю.

Задышавшись от слез, Магдалена шмыгнула носом, но непослушная капля все же упала на пол. Потом резким движением задрала рубашку.

Молинас, как в лихорадке, вытянул лицо вперед. Полные бедра его не интересовали, он сосредоточил все внимание на половом органе девушки. Он разглядывал изящные и нежные губы, окружавшие влажный, манящий вход. Против воли он подумал, что, кроме разве что цветка, мало что в природе может похвастаться такой простотой и красотой.

Тело Магдалены продолжало сотрясаться от рыданий.

— Возьмите меня, если хотите, — прошептала она, — делайте со мной что хотите, но не заставляйте так стоять.

Оторванный от волшебного зрелища, Молинас впал в холодное бешенство. Он отвел взгляд от нежного белокурого пушка и откинулся на ложе.

— Ты что, приняла меня за одного из тех молодых развратников, к которым ты шляешься? — заорал он. — Мне просто захотелось поглядеть на твою поганую щель, разодранную жалом. Стой, где стоишь, и не смей двигаться!

У Магдалены уже не было слез, горло и рот наполнились слюзью.

— Не делайте мне больно, умоляю вас, — тихонько взмолилась она. — Я сделаю все, что прикажете.

Молинас удовлетворенно кивнул.

— Хорошо, слушай мой приказ. Я уеду в Испанию и на Сицилию, но скоро обязательно вернусь. За это время ты должна заставить Мишеля Нотрдама жениться на тебе. Это не составит труда. Ремесло шлюхи ты знаешь хорошо, сейчас ты это доказала.

Магдалена не ответила. Она не могла говорить, горло начал сжимать рвотный спазм.

Встревоженный мыслью, что эта женщина сейчас испачкает его комнату, Молинас поспешно сказал:

— Ладно, встань и опусти юбку. Ты уже показала, что ты животное. Ты хорошо поняла, чего мне от тебя нужно?

Приводя себя в порядок, Магдалена утвердительно кивнула.

Молинас продолжал:

— Думаю, он захочет сначала защититься. Ему осталось два года. Я вернусь, как только смогу, и буду сообщать тебе время от времени, где я нахожусь. А ты будешь посылать мне по письму в неделю и в деталях излагать все, что вы делали. В деталях! Поняла? Отвечай!

— Да, — прошептала Магдалена, отвернувшись к стене.

— Что «да»?! — заорал Молинас. — Смотри мне в лицо и отвечай, как христианка!

Девушка повернула к нему залитое слезами лицо, и ей на секунду удалось поднять глаза.

— Да, я все сделаю, — еле слышно сказала она. Потом снова опустила глаза и закрылась локтем, намочив слезами рубашку.

Молинас чувствовал себя удовлетворенным. Смирение потаскушки говорило во славу Господа. Он поднялся на ноги с почти благодушным видом.

— Думаю, у тебя есть еще надежда, — произнес он с неожиданной торжественностью. — Если сделаешь все, как я велю, то придет день, когда ты сможешь стать доброй матерью. Но не хорошей женой, потому что человек, который станет твоим мужем, уже потерян. А доброй матерью ты станешь, ибо матка твоя здорова и пригодна к деторождению, даже соски увеличились. Пройдет несколько лет, и они смогут наполниться молоком.

Молинас замолчал, ожидая ответа, которого не последовало. Тогда он раздраженно

спросил:

— Ну, что надо сказать?

— Спасибо.

— Так-то лучше! Видишь, как это просто? — воскликнул он с искренней доброжелательностью. — А теперь ступай и выполняй свой долг. Не знаю, когда мы увидимся, но смотри, повинуйся и пиши регулярно. Иначе я все равно тебя найду, где бы ты ни была, и в рубище отправлю на костер.

Девушка, громко рыдая, выбежала вон. В следующую секунду Молинас о ней уже забыл. Он открыл ящик бюро, вытащил оттуда толстую книгу и рассеянно пролистал.

— *Destructio destructionis*,²³ — прошептал он. — Интересно, что такого Нотрдам нашел у Аверроэса? Во всяком случае, надо перечесть весь том.

И он углубился в чтение, не замечая, как летят часы.

НОЧЬ ЧУДЕС

С отъездом Рабле студенческая жизнь в городе замерла. Приближалось лето 1531 года, и Монпелье теперь производил впечатление вполне добропорядочного города, где никто не похищал новобрачных прямо из постелей и не проказничал в тавернах. Чума по-прежнему свирепствовала в окрестных деревнях, но за стены Монпелье не проникала.

Мишель вместе с Магдаленой перебрался из пансиона в маленькую квартирку из тех, что местные власти, согласно указу правителя Прованса, предоставляли университету, заботясь о том, чтобы поблизости не производили много шума ремесленники. Причиной перемен было не столько желание каждую ночь проводить с нежной Магдаленой, сколько растущая неприязнь к Жану Педрие, которого Мишель считал вором. Но конечно, и любовь к Магдалене, которую Мишель уже ни от кого не скрывал, сыграла немалую роль.

В то утро, 6 июня, как только начало рассветать, Мишель выскользнул из объятий девушки, баюкавшей его в короткие часы сна. Магдалена зевнула и, чуть приоткрыв свои синие глаза, взглянула на него.

— Ты уже уходишь?

— Вчера я уже опоздал на лекцию и поэтому сегодня не могу себе этого позволить, — ответил Мишель, натягивая изящные облегающие штаны из желтого бархата и протягивая руку к шелковой рубашке, аккуратно повешенной на спинку стула. — Я понимаю, что все это пустая трата времени, но должен подчиняться правилам, если хочу защититься.

Магдалена потянулась и натянула одеяло на голый живот.

— Мне приелась эта монотонная жизнь: все дни похожи один на другой. Ты каждый день ходишь на лекции, я каждый день тебя жду.

Мишель поправил кружевной воротник, надел жилет и принялся возиться с петлями.

— Это кончится, когда я стану доктором, и мы сможем пожениться. Не понимаю, чего такого особенного ты ждешь от своей будущей жизни. В ней не будет ничего волнующего.

— По крайней мере, вернусь в Аген, как ты мне обещал, помнишь? Там вся моя родня, подруги детства.

Мишель покачал головой.

— К родне — пожалуйста, а вот о подругах детства придется забыть. Я хочу, чтобы моя жена занималась домом и выполняла свои обязанности.

— И какие это будут обязанности?

— Слушай, не серди меня, — сурово оборвал Мишель. — Ты сама прекрасно знаешь. Заниматься мужем, рожать и вскармливать детей...

Магдалена хитро улыбнулась и указала на свою грудь, уже почти достигшую зрелости.

— Последнюю обязанность я уже выполнила. Не помнишь? Ты вчера ночью походил

²³ Разрушение разрушений. (лат)

на новорожденного. Если бы у меня было молоко, то после твоих поцелуев не осталось бы ни капли.

Мишель в ответ даже не улыбнулся.

— Одно дело наша теперешняя жизнь, другое дело — будущая. Я хочу иметь жену, которую все уважают и почитают. Если бы я не был уверен в том, что ты сумеешь стать такой женой, я не закрывал бы глаза на ту не слишком добродетельную жизнь, что ты вела до сих пор. Какой еще мужчина поступил бы, как я?

Произнеся эту тираду, Мишель остался весьма собой доволен. Он был исполнен великодушия и чувства собственного достоинства и даже не заметил, как погрузнели глаза Магдалены.

— Ты хочешь переехать в Аген, потому что там никто не знает о моих... прегрешениях? Ведь так? — прошептала она.

— А если бы и так? Для тебя должно быть достаточно уже того, что я хочу взять тебя с собой, хотя ты и не была девственницей, когда я познал тебя. Все, о чем я тебя прошу, — это стать порядочной женщиной. По-моему, я не прошу ничего лишнего.

Магдалена собиралась что-то сказать, но передумала, закусив нижнюю губу и промолчала. Мишель двинулся к выходу, задержавшись на пороге.

— Есть еще одна важная вещь, о которой я тебя прошу. Я выполнил твоё желание и научил тебя бегло читать и писать. Но оба эти занятия не пристали женщине богобоязненной и скромного происхождения. Прошу тебя как можно скорее забыть о своем умении. Ты не Маргарита Наваррская.

— Но это случается так редко, что...

— Верно, читаешь ты редко, потому что почти все мои книги написаны на латыни. Однако на прошлой неделе я видел, как ты писала и быстро спрятала от меня листок. Может, решила, что я не заметил?

Щеки Магдалены вспыхнули.

— Ой, это были сушие глупости...

— Понимаю, что это были глупости. Любой на моем месте потребовал бы показать листок, я же не стал этого делать. Если ты действительно хочешь выйти за меня замуж и тем самым изменить свое положение, тебе лучше покончить с этим.

Личико Магдалены приняло детское выражение, которое у нее всегда предшествовало слезам. Мишель наконец-то это заметил и смягчил тон:

— Ну что ты, маленькая моя? Разве я не прав?

Ответа он не ждал, но Магдалена вдруг отозвалась слабым голосом:

— Никого у меня нет, кроме хозяев...

— Но это твоё естественное состояние, как ты не понимаешь? Я до сих пор ни разу тебя не ударил, несмотря на насмешки друзей. Но, видно, пора начинать. Взять в жены деву радости — все равно что приручить дикого жеребенка. Надо поработать кнутом. — Он запнулся, увидев слезы в глазах Магдалены, и сказал уже мягче: — Не волнуйся, я буду бить тебя только тогда, когда заслужишь. А сегодня вечером я покажу тебе необыкновенное зрелище. Ты себе такого и не представляла.

Магдалена постаралась сдержать слезы и вопросительно посмотрела на возлюбленного.

— Да-да, — уверил ее Мишель с улыбкой. — Но не спрашивай, о чем идет речь. Сама увидишь. Вы все увидите.

Он толкнул дверь и вышел.

Сиявшее на улице солнце, несмотря на ранний час, начинало уже припекать. Торговцы и ремесленники открывали свои сырые лавчонки или с помощью прислуги расставляли товар на улице. Почти все женщины в этот час были в церкви на утренней мессе, но некоторые уже отсидели службу и отправились купить съестное и другие необходимые в хозяйстве вещи. Торговцы спешили открыть перед ними двери.

Быстро шагая к университету, Мишель пытался понять, достаточно ли строго он разговаривал с Магдаленой. Скорее всего, нет, но ему было трудно обходиться с ней сурово.

Он слишком ее любил. Значит, пора было начинать вправлять ей спину. Он выстрадал решение жениться на потаскухе и сделать из нее порядочную женщину. И дед, и отец, а теперь и он сам боролись за то, чтобы заставить себя уважать и заставить людей позабыть об их унижительном еврейском происхождении. Один неверный мог все испортить. Женитьба на Магдалене содержала в себе огромный риск, и даже предполагаемый переезд в Аген от этого риска не избавлял. И горе ей, если вместо того, чтобы выказывать ему покорную благодарность, она начнет упорствовать в своих суевериях и не откажется от скандального поведения.

Однако отказаться от девушки Мишель был не в силах. И дело было не только в ласках, которыми она отвечала на любое его желание. Если Мишелю приходила в голову необычная мысль, которую он не мог высказать публично, опасаясь доноса, он всегда находил в Магдалене внимательного и благодарного слушателя. Широко распахнутые синие глаза всегда служили зеркалом его интересов, и он беспрепятственно мог поведать им о чудесах астрологии, о совпадениях планет, о самых запутанных тайнах оккультной философии — то есть практически обо всем, что роилось в его голове по прочтении книг со странными названиями, которые мало кто рискнул бы хранить дома. Магдалена заменяла ему аудиторию, в которой он так нуждался. Но разрешить ей читать или писать...

Мысль о книгах, как молния, высветила в его мозгу образ Ульриха из Майнца. Это было подобно прикосновению к раскаленному железу. К счастью, со временем он научился притуплять воспоминание о той ночи в крипте, поначалу темной, а потом освещенной стеной огня. Глубоко дыша, он успокоил сильно забившееся сердце. Рано или поздно он вычеркнет из памяти этот кошмар...

Мишель подошел к университету как раз в ту минуту, когда зазвонил колокол к началу лекций. Было время малого завтрака, и преподаватели на жалованье уступали кафедры бакалаврам. В тот день, насколько он помнил, была очередь Гийома Рондле. Он очень удивился, увидев, что приятель, в обычном студенческом одеянии, запыхавшись, бежит ему навстречу.

— Мишель, черт тебя подери, ты что, забыл, что сегодня твоя лекция?

— Ты шутишь? — спросил изумленный Мишель. — Сегодня твоя!

— Да нет же! Моя завтра! Быстро беги переодевайся, у тебя еще есть время!

Мишель не заставил друга повторять себе дважды и помчался в швейцарскую, где его гневными жестами встретил немой и хромой церковный сторож. Он быстро накинул на плечи студента кармазинную мантию, чем тот и ограничился, не успев поменять свою одежду на черную тунику, которую ему совал сторож. Естественно, квадратную шапочку с красным помпоном Мишель забыл в шкафу.

Когда он вошел в аудиторию, колокол уже перестал звонить и студенты сидели, переговариваясь. Нотрдам поднялся на кафедру, едва не растянувшись на соломе, в большом количестве рассыпанной на ступеньках. Сторож клал ее на пол, чтобы сохранить тепло, но то, что было кстати зимой, очень мешало летом. Однако последнего времени года интересовали мало, ибо весь его скудный доход составляла как раз торговля соломой.

Добравшись наконец до верха кафедры, Мишель оглядел аудиторию. Шум слегка стих. «Желторотые» знали его только в лицо и развлекались тем, что корчили рожи и болтали. К счастью, в партере сидели бакалавры. Мишель увидел, как Антуан Сапорта поднялся и отвесил самым неумным новичкам пару оплеух. Даже Жан Педрие призывал к тишине. Мало-помалу аудитория стихла.

И тут начались настоящие трудности. Мишель не был готов к лекции. По обычаю преподаватель должен был первые полчаса читать по-латыни медицинский текст, а следующие полчаса его комментировать, тоже по-латыни, но у Мишеля с собой не было ни одной книги. Он вздохнул, свесился с подиума и начал, стараясь побороть панику:

— Считается, что между медициной и астрологией нет никакой связи. Но мы знаем, что определенные небесные знаки соотносятся с пагубными событиями на земле. Дело в том, чтобы понять, каково это соотношение.

Студенты снова зашумели. Особенно протестовали испанцы и итальянцы, привыкшие к латинскому языку. В провансальском наречии, на котором начал лекцию Мишель, они не понимали ни слова.

Один из них закричал: «Парацельс!», явно намекая на лекцию в Базельском университете, которую знаменитый Теофраст Бомбаст²⁴ начал не на латыни, а по-немецки. Событие это, случившееся почти четыре года назад, стало легендой среди всех европейских студентов. Однако подобное сравнение вовсе не было комплиментом: лютеранин Парацельс в такой католической твердыне, как Монпелье, не пользовался доброй репутацией.

Мишель проглотил набежавшую слюну. Он заговорил по-провансальски не намеренно, а от волнения и теперь не мог с собой совладать.

— Не придавайте значения тому, на каком языке я говорю. Старайтесь понять смысл, — твердо произнес он, стараясь показать, что уверен в себе. — Гален много рассуждал о связях между конфигурацией звезд и болезнями. Гиппократ тоже. Но с тех пор медицинская наука и наука о звездах разошлись в разные стороны. Мы изучаем болезни, поражающие человечество, и не отдаем себе отчета в том, что человек — это микрокосмос, отражающий макрокосмос. Мы анализируем тела, не принимая в расчет, что в них содержится душа, а эта душа является частицей вселенской души, гипотезу о существовании которой высказывали греки, арабы и итальянцы. Мы отвыкли вопрошать небо, а ведь оно — отражение души. — Мишель воодушевился. — И знаете, к каким результатам это привело? А к таким, что никто из вас не знает, какое чудо должно произойти нынче ночью, а если и знает, то не может выявить связь этого явления с эпидемиями, что мучают наш добрый провансальский народ.

Партер явно растерялся. Четверо доминиканских монахов встали и демонстративно удалились с оскорбленным видом. Мишель понял, что времени у него в обрез.

— Студенты, коллеги, магистры! — прокричал он. — Естественная магия — это не чертовщина, как утверждают фанатики, а инструмент познания, абсолютно не противоречащий христианству! Это инструмент познания для тех, кто избрал для себя путь помощи ближнему из любви, инстинктивно понимая, что именно тонкая субстанция любви объединяет вселенную. Взгляните сегодня ночью на небо! Взгляните и подумайте над тем, что увидите! Это будет отражение жизни всех существ, наделенных чувствами! Отражение будет ясным, если мы спокойны и здоровы, либо размытым и пугающим, если в нашем мире распространились болезни. Если вам станет страшно, повторяйте себе: «Я врач. Я тот, кто умеет предвидеть опасности и пользуется своими знаниями, чтобы опередить смерть».

Драматическим жестом, подготовленным заранее, Мишель сбросил мантию, и она упала к его ногам. Потом сошел с кафедры с торжественным и мрачным видом, словно преподнес драгоценный дар черни, не способной этот дар осмыслить. На лице его была маска равнодушия, но сердце бешено колотилось.

Воцарилось долгое молчание, потом Антуан Ромье поднялся с места и зааплодировал. Многие студенты обернулись, чтобы посмотреть, кто этот безумец. Убедившись, что это профессор, они тоже вскочили и начали хлопать. Даже скептики почувствовали, что надо делать как все, и принялись бить в ладоши с удвоенным энтузиазмом. Мишель достиг выхода под оглушительную овацию.

У двери ему попался на глаза очень серьезный Гийом Рондле.

— А если нынче ночью ничего не произойдет?

Мишель пожал плечами.

— В этом случае я рискую репутацией. Но то, что я предсказал, должно случиться.

— О чем идет речь? Мне-то ты можешь сказать?

— О хвостатой звезде. Знаешь, что это такое?

²⁴ Парацельс — псевдоним, принятый знаменитым врачом и естествоиспытателем эпохи Возрождения Филиппом Ауреолом Теофрастом Бомбастом фон Гогенгеймом. (Прим. ред.)

— Знаю. — Рондле развел руками и посторонился. — Надеюсь, что ты окажешься прав.

— Я всегда прав, — отрезал Мишель и вышел на улицу, залитую лучами недавно вошедшего, но уже жаркого солнца.

Остаток утра и день прошли без приключений. Мишель отправился в библиотеку, где просидел до обеда. Наскоро пообедав сосисками со специями в таверне на окраине города, он вышел за городскую стену и долго бродил по полю, высматривая редкие пахучие травы. До дома он добрался только к закату. Магдалена уже нарядилась в изящное льняное платье с рукавами в сборку и была готова к выходу.

— Куда ты меня поведешь?

— О, достаточно лишь выйти на улицу. Зрелище состоится там.

Она не стала возражать. Они вышли под руку и остановились у края галереи. Улица была почти пуста. Мишель указал на северный край неба над крышами. Уже зажглись первые бледные звезды.

— Она появится оттуда. Это вопрос нескольких мгновений.

— Что появится?

— Нечто неопишное. Даже если я постараюсь тебе потом объяснить, ты все равно ничего не поймешь. Запасись терпением.

— А ты откуда узнал?

— Просто сделал расчеты. Мой прадед с отцовской стороны, Пьер де Санта-Мария, был знаменитым астрологом и оставил мне много книг. Рассчитать время появления хвостатых звезд нетрудно. Гораздо труднее истолковать. Но эти разговоры тебя не касаются.

Магдалена притихла, слегка надувшись. Она прижалась к руке Мишеля и, казалось, была счастлива, что он ее не отталкивает. Прошло еще немного времени, и со стороны соседнего квартала послышались пронзительные крики.

— Началось, — прошептал Мишель. — Сейчас ты увидишь наше небесное отражение. Боюсь, что оно будет ужасающим.

Он оказался прав. Небо вдруг озарилось из конца в конец, как днем, отливая красным, словно оно было залито потоками крови. И сразу же колоссальный огненный язык, похожий на огромного дракона, протянулся через весь небесный свод, загасив звезды. На улицу, громко крича, высыпала группа людей. Один из бежавших споткнулся, упал на колени и начал громко молиться. Две старухи на другой стороне улицы увидели его и тоже пали на колени, простерев руки ввысь. Из всех уголков Монпелье доносились крики.

Огненный дракон скользил по небу, и в его кровавых отсветах тонули звезды. Все замерли, ожидая услышать его громоподобный рев, но чудовище не издало ни звука. С него срывались снопы искр, и казалось, вот-вот вспыхнут апокалипсическим огнем крыши. Однако почти все искры гасли, не долетая до земли, кроме немногих, падавших где-то вдали и освещавших горизонт. Змееподобный болид не излучал тепла: он излучал страх.

Магдалена вся дрожала, прижавшись к Мишелю, но контроля над собой не теряла, и Мишель впервые испытал нечто вроде восхищения силой духа девушки.

— Это комета, — сказал он. — Ее появление предвещало изобилие эфемерид. К сожалению, это предвестие магнитной бури.

— И когда она пролетит? — спросила Магдалена дрожащим голосом.

— Еще немного, и небо прояснится, не бойся. — Он посмотрел на подругу и вдруг вздрогнул. — О боже! — вырвалось у него.

— Что случилось, Мишель? — обеспокоенно спросила Магдалена. — Почему ты так на меня смотришь?

Мишель не ответил. Он вглядывался в глаза девушки, которые вместо голубых стали красными — может быть, из-за ярко освещенного неба. Верный признак обреченности.

— Ты что, Мишель? Ты меня пугаешь! -

В голосе Магдалены звучала тоска.

Юноша не отвечал. Когда он поглядел на полыхавшие красным огнем радужки ее глаз, в его ушах зазвучали сбивчивые хриплые слова, сказанные кем-то или чем-то, что

скрывалось в темноте. Станный возбужденный голос произносил непонятные фразы, всхлипывая в конце каждой, однако возникало такое чувство, что он выносит приговор, не подлежащий обжалованию.

— Мишель, да скажешь ты наконец, что происходит?

Мишель очнулся. Галлюцинация исчезла, не оставив никакого следа, кроме болезненного, лихорадочного ощущения.

— Ничего, ничего особенного, — выдавил он из себя.

Глаза Магдалены снова стали синими, а огненное зарево на небе понемногу бледнело. Но то, что увидел Мишель, забыть было невозможно.

— Не волнуйся, — пробормотал он, — еще немного, и ночь прояснится.

Магдалена смотрела испуганно, понимая, что он что-то скрывает. А вокруг весь Монпелье стоял на коленях и молился, следя глазами за последними угасающими искрами драконьего хвоста.

КАЗЕМАТЫ ПАЛЕРМО

Со стороны бастионов, справа от прибрежной полосы приближалась процессия, которую многие часы ожидало население Палермо. Впереди, распевая псалмы, двигались священники и монахи нищенствующих орденов. Однако внимание толпы привлекали не они. Все взгляды сосредоточились на осужденных, то есть на тех, кто был заподозрен в ереси или в возвращении к иудаизму, а потом снова отрекся и вернулся в лоно церкви, зачастую не без помощи пыток.

Они шли колонной, с опущенными головами и походили на медленно разворачивающуюся желтую ленту. Осужденные были одеты в желтые рубахи, едва доходившие до колен, так называемые санбенито. На рубахи нашивали косые кресты или, если ересь доказана, изображения перевернутого пламени. Это означало, что осужденного пока не сожгли благодаря полному раскаянию и отречению от заблуждений, но угроза костра продолжает висеть над его головой, и достаточно одного неверного а... Каждого подследственного, выходящего из дома, обязали держать в зубах камень, и это создавало вокруг него пространство враждебности и отчуждения. По воскресеньям он должен был являться к мессе в санбенито.

Это была седьмая процедура, на которой присутствовал Молинас, поэтому он уже запомнил имена приговоренных: Донато ди Юрато да Спаккафумо, Анджела ди Костанцо да Шакка, Джованни Руссо да Минео и так далее. Все евреи, снова обратившиеся к своей религии после того, как приняли христианство. В Сицилии, как, кстати, и в Испании, довольно редки были случаи, когда на костер всходила *hachequera*, то есть ведьма. Инквизитор Агустин Камарго отдавал предпочтение процессам над *rejudaisados* (вернувшимися в иудаизм), которых в Сицилии называли неофитами, и над лютеранами, стараясь снискать расположение императора Карла V и верховного совета инквизиции в Авиле, во главе с могущественным кардиналом Альфонсо Манрике. По этой причине в Сицилии «зрелища», как здесь называли аутодафе, были все похожи друг на друга: возбужденные крики толпы, плач, стоны и столбы дыма, которые развеивал морской бриз.

Молинас скучал. Ему больше нравились процессы над ведьмами, которые зачастую поднимались на эшафот, выкрикивая непристойности, норовили сорвать с себя одежду или мочились от возбуждения и ужаса. Эти безумные зрелища вызывали у испанца чувство странного удовольствия, возникавшее от уверенности, что в этих женщинах Господь вместе с жизнью уничтожал следы активности своего вечного врага.

— Вот этот приговоренный, — шепнул ему на ухо Ланчилотто Галетти, чиновник, несмотря на свое низкое происхождение состоявший на службе лично у инквизитора Камарго.

Молинас взглянул в направлении, которое ему указали, и увидел человека с длинной седой бородой, хромая ковылявшего между двух стражников. Его обезображенное лицо

было залито слезами. Он вспомнил имя: Джованни ди Полино да Модика, крещеный еврей, который, по словам двух свидетелей, снова вернулся к своей вере. Его санбенито отличалось от остальных: на нем были вышиты черти, кидающие в адское пламя фигурки людей. Тот же рисунок красовался и на высокой митре,²⁵ которую в Испании называли *coza*.

Некоторые особо ревностные горожане, вооружившись факелами, слезли со зрительских мест. Стража даже не сделала вида, что пытается защитить приговоренного. Один из одержимых поднес горящий факел к бороде Джованни ди Полино, которая тут же вспыхнула. Осужденный резко вскрикнул и потянулся руками к лицу, но руки были связаны, да и тесный строй солдат не давал пошевелиться. Нижняя часть его лица в один миг превратилась в ужасную рану. Толпа громкими криками приветствовала такую прелюдию к сожжению.

Галетти покорило.

— Этого нельзя позволять, — пробормотал он, отводя взгляд.

Молинас пожал плечами.

— Это испанский обычай: поджигать бороды выкрестам, приговоренным к смерти.

— Когда-нибудь нас станут обвинять в бесполезной жестокости.

— Успокойся. Всегда найдутся историки, готовые либо отрицать, либо свести к минимуму все, что сейчас происходит. Время — враг памяти. В сущности, в этом наша сила.

Занятый своими мыслями, Молинас рассеянно следил за церемонией. Осужденные разместились на помосте как раз напротив него, поскольку он сидел в ложе, отведенной для представителей власти. Джованни ди Полино подвели к месту казни и привязали к столбу. Он по-прежнему стонал от ожогов, но все слабее и слабее. Еще к трем столбам были цепями прикованы полуразложившийся эксгумированный труп и два гротескных чучела. Они символизировали беглых преступников, приговоренных к казни заочно.

Священник церкви Сан-Доменико произнес гневную проповедь, всячески понося осужденных. Потом в жарком воздухе осени 1532 года, похожей на лето, разнеслась длинная сентенция, которую зачитал хриплым голосом нотариус. Честь поднести огонь к столбам выпала одному из двух приоров обители. Толпа приветствовала его овацией. Прошло какое-то время, прежде чем загорелся факел. Затем пламя охватило пропитанное маслом дерево. Осужденный, обезумев от боли, удивленно глядел на все происходящее, потом закричал нечеловеческим голосом. Все заволочло дымом, но было видно, как его тело судорожно дергается и корчится в огне. Крик затих.

Когда Джованни ди Полино превратился в обугленный расслоившийся скелет, не отличимый от чучел, что горели с ним рядом, Галетти повернулся к Молинасу, на этот раз повысив голос, чтобы перекричать торжествующие вопли толпы:

— Удивляюсь, почему вице-король не пожелал присутствовать, хотя сентенцию торжественно зачитали в первый раз в королевском дворце.

Молинас взглянул в добродушное лицо коллеги, обрамленное золотистыми кудряшками.

— Королевский дворец и есть источник всех недоразумений между инквизитором Камарго и вице-королем. Последнему хочется убрать нас и занять наше место. Кроме того, сицилийский парламент только и занят тем, что посылает Карлу Пятому ноты протеста, осуждающие действия инквизиции, которые они расценивают как насилие. Император оставляет их без внимания, а вице-король, наоборот, им сочувствует.

Галетти кивнул.

— Да, мне об этом рассказывали. Мотивом протеста являются известные привилегии, которыми располагаем мы, чиновники. Можно подумать, что мы заняты легким делом.

— Для одних это дело легкое, для других — нет, — ответил Молинас, смерив коллегу

²⁵ Митрой называли колпак, который надевали на головы приговоренных к костру еретиков. Он имитировал форму головного убора священников еретических церквей, в частности катаров. (*Прим. перев.*)

взглядом. — Что же до привилегий, то некоторые из нас их вовсе не имеют. А некоторым кажется, что служба в инквизиции — кратчайший путь в бароны.

— Что ты хочешь этим сказать? Смотри, как бы я...

— Да брось ты! — отозвался Молинас. Ему очень досаждал ветер, который переменял направление, ударив в ноздри запахом горелого мяса. — Я сказал то, что знаю сам, что знаешь ты и знают все.

И Молинас, не обращая внимания на возражения собеседника, направился по деревянной лесенке прочь с помоста. Он не взглянул ни на затухающий костер, ни на палачей, которые ждали удобного момента, чтобы снять обгорелый труп еврея с цепей, удерживающих его на прибитом к укосине столбе.

Он побрел вдоль бастионов, выходящих на море. Оказавшись на достаточном расстоянии от места казни, он вдохнул соленый воздух. Наконец-то он мог заняться тем, что действительно его заботило. Он вытащил из кармана донесение, которое получил непосредственно перед казнью, и расправил его дрожащими пальцами.

Чудовищную каллиграфию Магдалены не узнать было невозможно: буквы в ее послании, то крошечные, то огромные, расплзались неровными, корявыми строчками, пробелы между словами и вовсе отсутствовали. Но если это просто затрудняло чтение, то невероятное количество ошибок, фантастический синтаксис, фразы, написанные на провансальском диалекте, которые и без того невозможно было понять, превращали письмо в настоящий ребус. Однако Молинас запасся терпением и, подстелив под себя сложенный черный плащ, уселся на каменную ступеньку бастиона, принявшись за расшифровку донесения. Его внимание не отвлек даже парусник, приближающийся к порту под ликующие крики рыбаков. Ему пришлось повозиться с час, прежде чем прояснился смысл послания. Если убрать ошибки и несуразности, выглядело оно приблизительно так:

«Я понимаю, что сделала меньше, чем должна, и очень об этом сожалею, но после бракосочетания писать вам мне стало очень трудно. Как я уже рассказывала в предыдущем письме, Мишель де Нотрдам пожелал жениться на мне в Агене, где моих родителей очень уважают и где никто не знает о той жизни, которую я вела в последние годы. Он купил маленький домик и поселил меня там, а сам проводит большую часть времени в Монпелье, чтобы закончить учение. Он заставил меня поклясться, что в его отсутствие я не выйду из дома, поэтому даже еду мне приносят родители или сестры. Поначалу одиночество не очень меня тяготило, во многом потому, что Мишель, когда бывал дома, часто меня колотил, но не со зла, а чтобы научить меня, как быть хорошей женой. Он не злодей, но хочет, чтобы в обществе с ним считались, и боится, что я стану вести себя не так или что меня увидит кто-нибудь, кто знал меня до свадьбы. Теперь же я тяжелее переношу свое одиночество, потому что с тех пор, как я забеременела, Мишель не бьет меня и даже добр со мной, но требует, чтобы я и дома, и на людях говорила ему „вы“. Дома у меня только и утешения, что сестры да существо, которое должно родиться. Читать я не могу, и у меня нет бумаги, чтобы писать. Теперь вы понимаете, почему я не сдержала обещания писать вам по письму в неделю. И если мне удалось отправить это письмо, то только благодаря человеку, что приносит дрова. Он взял у своего родственника-писца несколько листов бумаги, гусиное перо и немного чернил».

Эта часть письма оставила Молинаса равнодушным. Главное заключалось в последней его части, которую он еле расшифровал, настолько неразборчиво и криво она была написана:

«Я готовлюсь стать матерью, и теперь я, порядочная женщина, обязана заниматься домом и не вижусь ни с кем, кроме мужа и родственников. У меня нет способа ни писать вам, ни сообщать вам о Мишеле, который приезжает только затем, чтобы узнать новости о будущем ребенке, и потом снова уезжает. Я не знаю, как он живет, какие книги читает, с какими друзьями видится. Когда я попробовала

его о чем-то спросить, он бросил на меня такой взгляд, что лучше бы поколотил, как в былые времена. Умоляю вас на коленях, так как знаю, что вы человек, преданный церкви, а значит, обладаете христианским милосердием: освободите меня от данного вам обещания и забудьте обо мне навсегда. Я была грешницей, но стану примерной матерью и самой верной из жен. Если Мишель задумает сделать что-либо противное нашей религии, я сумею переубедить его и заставить отказаться. Но здесь, в Агене, его считают добрым христианином и человеком добродетельным. Со слезами жду вашего письма, знака, что вы меня поняли и простили в вашей доброте. Я буду жить ради ребенка и забуду о себе ради него».

Молинас многократно перечитал конец письма, потом скомкал его и выбросил в море.

— Шлюха, — проворчал он. Ненависти в нем не было, он просто констатировал факт. — Ни одна богобоязненная женщина никогда не написала бы подобного.

Он поднялся, расправил плащ, накинул его на плечи и пешком отправился в город, злясь на пронзительные крики чаек над головой. Между тем парусник медленно приближался к порту, протискиваясь своей огромной массой между стоящими на рейде каравеллами.

Молинас ненавидел Палермо. Городу не доставало тех мрачных и драматичных тонов, которыми были насыщены жилища испанцев, где солнце всегда уступало место полутени. Здесь солнце было повсюду, и казалось, что оно приносит облегчение и бесчисленным нищим, и толпе портовых грузчиков, и вообще всем простолюдинам. Сицилийцы внушали ему отвращение. Хитрые, лживые, склочные, они все время шумно выражали чувства, которых не испытывали. Весь остров хвалился тем, что присоединился к Империи по собственной воле, однако при первой же возможности здесь вспыхивали кровавые беспорядки, угрожавшие Испании и ее институтам, а в первую очередь инквизиции.

Была бы на то воля Молинаса, Карлу V надлежало бы распустить сицилийский парламент, который только и делал, что жаловался на притеснения со стороны инквизиции, что подстрекало народ к неповиновению. Затем надо было бы предоставить более многочисленную армию в распоряжение вице-короля, который был менее сговорчив и расположен к спокойной жизни. Но он понимал, что ничего этого ему не добиться, тем более что император много делал для того, чтобы улучшить отношения с островитянами. Пустое занятие с такой предательской породой.

Грязные, но достаточно просторные улицы, полные торговцев, оборванцев и босоногой детворы, привели Молинаса к королевскому дворцу. Толпа собралась перед зданием, украшенным штандартом с вышитыми на нем шпагой, крестом и масличной ветвью, с круговой надписью: «Exurge domine et judica causam tuam».²⁶ Это относилось как к родственникам заключенных, томящихся в подземельях дворца, так и к чиновникам инквизиции со шпагами наперевес, которые вели себя агрессивно и нахально.

Привилегии Святой палаты позволяли ей содержать огромный штат, который год от года все разрастался. Поначалу фамилии вербовались из низших слоев общества: из ремесленников и даже из бродяг. Потом возможность носить оружие и наслаждаться прочими благами начала привлекать выходцев из буржуазии, в особенности нотариусов и торговцев, а затем и мелких дворян или тех, кто добивался дворянского звания. Поэтому случалось, что в свите прислужников инквизиции рядом с бывшим бандитом оказывался баронет, а опустившийся оборванец говорил «ты» адвокату.

Увидев Молинаса, площадь притихла, и все почтительно склонили головы. Теоретически испанец был им ровня, но все знали, что он эмиссар Великого инквизитора Манрике. Не удостоив горожан ответом на приветствие, он проследовал ко входу во дворец.

Пройдя мимо стражи, он вошел в просторный сыроватый коридор, миновал открытую дверь в зал, где для обсуждения какого-то случая собрались советники и квалификаторы, и

²⁶ «Воскресни, Господи, и суди твое дело». (лат.)

вошел в дверь, ведущую в подвальный этаж. Чтобы добраться до камер, надо было спуститься два марша лестницы, стиснутой текущими от сырости стенами. На поклоны солдат, которые привыкли к его присутствию, он ответил небрежным кивком. В его обычае было каждое утро спускаться в казематы и проверять, нет ли новых заключенных и не сознался ли кто из старых.

Он собирался уже справиться о новостях, как вдруг увидел перед камерой Ингастоне ло Порто, одного из немногих чиновников, кто не был ему противен. Тюремщик, гремя ключами, закрывал дверь камеры. Он направился к ло Порто и без лишних слов спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Я сопровождал заключенного, Джованни да Париджи, из Минео. Он выдавал себя за обращенного, но люди продолжали называть его рабби. Я уведомил об этом инквизитора Камарго, и он приказал его арестовать.

— Более чем справедливо. Он в чем-нибудь сознался?

— Его еще не допрашивали.

— А как вы дознались о нем?

— Он жил с женщиной, с некоей Перной, по прозвищу Жена Рабби. Это прозвище привлекло мое внимание, когда я проезжал через Минео. Я справился о ней, а потом, с соизволения доктора Камарго, арестовал сожителя.

Молинас энергично кивнул.

— Прекрасно. Женщину тоже арестовали?

Широколицый, коренастый, пышущий здоровьем Ингастоне слегка покраснел.

— Нет. С ней бесполезно возиться, да и вина ее только в том, что она жила с выкрестом, вернувшимся в свою веру.

— Ну конечно. — Молинас сопроводил свое утверждение сухим кивком головы, но в его голосе не чувствовалось язвительности. Скорее наоборот, то, что он присовокупил, было сказано тоном почти сердечного участия: — В нашем деле, друг мой, женщины весьма ценны, поскольку мы умеем их использовать. Они от природы пассивны, и это делает их идеальным инструментом. Обуздав их однажды, можно с легкостью подчинить мужчину, рядом с которым они находятся. Постарайтесь об этом не забывать.

Ингастоне кивнул, хотя и не понял, с чего бы это испанец стал размениваться на рекомендации и предостережения.

— Не позабуду, синьор. Ваши советы всегда очень ценны.

— Не сомневаюсь. Инквизиция примет во внимание ваше усердие. Велите арестовать эту Перну и поместите ее туда, где сожитель сможет услышать ее стоны. Доктор Камарго оценит вашу утонченность. Не забывайте, что баронат Хумантиновакантен. — Последнюю фразу Молинас бросил как бы невзначай, сделав вид, что не заметил искорки, быстро промелькнувшей в глазах коллеги. — А теперь я хотел бы допросить самого рабби. Вы позволите?

— О, конечно! — Ингастоне позвал тюремщика, отошедшего на почтительное расстояние, чтобы не слышать важной беседы. — Открой камеру и проводи туда господина.

Каземат, в котором содержали заключенного, представлял собой маленькую пещеру с низким сводом и более или менее выровненным полом. Сыро в пещере не было, но явно не хватало тепла. Легкого санбенито не доставало, чтобы согреться, и узник дрожал всем телом, скорчившись на соломе. Каземат освещала единственная свеча, закрепленная в нише.

Молинас взял свечу, поднес ее к лицу узника и увидел лоб с залысинами, два испуганных желтых глаза, крючковатый нос и курчавую черную бороду, спадающую на тощую грудь. Он слегка вздохнул и произнес с притворным сочувствием:

— Знай, что у тебя нет надежды. Только полное раскаяние и выдача других евреев, разделяющих твою веру, спасут тебя от карающей руки властей. Церковь умеет прощать тех, кто, одумавшись и сдав ей сообщников, выкажет свое раскаяние в измене.

— Но я добрый христианин! — сдавленным голосом запротестовал заключенный.

— Да полно, где это слыхано, чтобы доброго христианина называли рабби. Ты

еврейский священник.

Узник замотал головой:

— Меня называют рабби, потому что во Франции, где я родился, я преподавал язык и вероучение евреев. Но я преподавал их христианам испытанной веры, тем, кто убедил меня примкнуть к истинной церкви.

Молинас закрыл глаза.

— Ты соображаешь, что говоришь? Тебя еще подозревают только в том, что ты пытался отыскать прозелитов среди христиан. Как же мы можем тебя спасти, если твоя вина столь велика?

— Нет, нет! — Джованни да Париджи в знак невинности развел худые, как у скелета, руки. — Я никого не пытался обратить! Во Франции в те времена был большой интерес к обычаям евреев. Сам король Франциск Первый желал, чтобы его обучили Каббале, и вот многие ученые...

— Значит, ты каббалист. — Голос Молинаса становился все жестче. — Ты практикуешь магию, некромантию. Инквизитор Эймерих писал: нет еврея, который втайне не служил бы демонам и не пытался бы их вызывать.

— Прошу вас, дайте мне договорить! — Глаза узника наполнились слезами. — Я никакой не каббалист. Пользуясь интересом французов, я путешествовал из города в город, давая уроки еврейского языка. Я преподавал в Париже, Лионе, Авиньоне, Монпелье, Дижоне. Потом началась война, и поскольку я находился в Бургундии, которой угрожал Карл Пятый, я завербовался в армию и в итальянской кампании был рядом со своим королем. После поражения я попал в плен к испанцам, и они депортировали меня на Сицилию, где я попытался как-то наладить свою жизнь. Это все.

Молинас осторожно встал, стараясь, чтобы воск со свечи не капал на него. Свечу он поставил обратно в нишу.

— Может, какой-нибудь невежественный францисканец тебе и поверил бы. Но если ты думаешь обмануть меня, ты глубоко ошибаешься. — Он резко повернулся к соломенной подстилке. — Сначала ты говорил, что преподавал еврейский язык и доктрину. Какую доктрину, если не Каббалу? Ты сам утверждал, что это было интересно французам. А может, ты преподавал им заветы Талмуда, чтобы обратить их?

Теперь Джованни да Париджи заплакал в голос.

— Нет, клянусь вам! Единственное учение, которое я знаю, это гематрия. Ее я и преподавал.

— Гематрия? Это еще что такое? — удивленно спросил Молинас.

— Это искусство толковать слова посредством численного значения букв, из которых они состоят. Евреи пользуются гематрией, чтобы толковать Тору, Закон народа Израиля.

— Численное значение? Не понимаю.

Чтобы что-то сказать, узник вынужден был сплюнуть на пол мокроту, которая заполняла гортань.

— Есть такие слова, которые содержат важнейшие числа. Например, Митра или равнозначное ему Абраза...

Молинас подскочил, словно к нему прикоснулись раскаленным железом.

— Ты сказал — Абраза?

Джованни да Париджи удивленно посмотрел на него.

— Ну да. На самом деле это греческое слово Абракас.

— Итак, ты знаешь, что означает... — Молинасу никак не удавалось прикинуться спокойным. Голос его охрип от волнения, и он почти забыл, о чем говорил до этого.

— Да, конечно. Это очень просто.

Молинас снова подошел к подстилке. Сердце колотилось, и его трясло, как в лихорадке. Однако ему удалось произнести с надлежащей холодностью:

— Теперь слушай меня внимательно. Ты понятно объяснишь мне, что означает слово «Абракас» и все его возможные применения. Мне известно, что ты живешь с женщиной по

имени Перна. Я много раз видел, как муж и жена вместе всходили на костер, но иногда жену сжигали раньше мужа, чтобы его наказание было более полным. Если ты сейчас скажешь мне правду, Перна будет первой, кого ты спасешь, а потом и себя. Начинай, я слушаю.

Молинас провел в каземате почти час. Выйдя оттуда, он отправился на поиски инквизитора Камарго. Он перехватил его, когда тот возвращался с мессы.

— Ваше преосвященство, — порывисто сказал он, — прошу вас написать в Супрему, что вы более не нуждаетесь в моих услугах. Я непременно должен вернуться к своей первоначальной миссии.

— Это так срочно?

— Да.

— Хорошо. Следуйте за мной в кабинет.

РОЖАТЬ В МУКАХ

Мишель де Нотрдам сошел с повозки на главной площади Агена напротив собора Сен-Капре, придерживая обеими руками черную квадратную шапочку с красным помпоном. Он боялся, что ветер сорвет ее с головы. Вот уже много часов он не снимал эту шапочку — символ успеха, которым могли бы гордиться его предки. Он, отпрыск еврейского рода, обреченного на унижение, стал дипломированным медиком, следовательно, причислен к рангу влиятельных лиц! В ушах у него все еще звучал перезвон колоколов Монпелье, хвалебные речи Антуана Ромье и декана Грифиуса, приветственные крики студентов и бакалавров. Определенно 1533 год предвещал стать счастливейшим в его жизни.

Мишель шел к дому почти бегом, ловя на себе восхищенные взгляды прохожих, отчего он все больше гордился собой. На миг он решил никогда не снимать с головы шапочку, овеянную такой славой. Если в его фамильном гербе «Soli Deo» таилась загадка, если его предки вызывали к себе скептическое отношение (и он знал, насколько обоснованно), то головной убор, который он теперь носил, являлся неоспоримым свидетельством авторитета и компетенции. Если не перед ним самим, то перед его беретом обязаны были почтительно склонять голову.

Он нетерпеливо постучал в дверь двухэтажного домика, где в полной изоляции жила его супруга. Ему пришлось подождать, пока дверь открылась и на пороге появилась Магдалена с ребенком на руках. С минуту Мишель молча глядел на нее. После родов ее кожа сильно побелела, словно от нее отлила кровь, и золотистая россыпь веснушек, которые никак не соответствовали критериям красоты того времени, почти исчезла. Магдалена тяжело перенесла беременность, но ни капли не подурнела, и ее осунувшееся лицо по-прежнему озаряли сияющие синие глаза.

— Ну, что вы об этом скажете? — улыбаясь, спросил Мишель, указывая на шапочку.

— Ой, тебе... вам так идет!

Магдалена протянула губы, но он поцеловал сначала лобик сына, который беспорядочно шевелил ручонками, и только потом запечатлел легкий поцелуй на губах жены, почти сразу отстранившись.

— Вы приготовили что-нибудь поесть? — спросил он. — Я так спешил к вам, что отказался от ужина в Капельно.

Лоб Магдалены порозовел.

— Сказать по правде, я не ждала вас так быстро, но что-нибудь поесть найдется. Отдыхайте, я займусь ужином.

Впервые за весь день Мишель нахмурился.

— Муж вправе, вернувшись домой, рассчитывать на достойный ужин. Тем более в тот день, когда он защитил диплом.

Магдалена прошептала:

— Но как же я могла знать... Нет, вы правы. Заботы о ребенке поглощают меня целиком. И мне никто не помогает, кроме сестер, у которых свои дети. Поэтому я иногда и

забываю о своем долге.

— Не иногда, а часто. Слишком часто, — сурово отчеканил Мишель.

Магдалена опустила глаза, но раздражение уже овладело ее супругом. В такой радостный день она умудрилась-таки испортить ему настроение. Он почти вырвал ребенка из ее рук.

— Ступайте на кухню. Я подержу Рене. Только из любви к нему я не наказываю вас. Но знайте, что в следующий раз снисхождения не будет.

Магдалена исчезла в коридоре, а Мишель, качая ребенка, направился в кабинет. Мальчик был прехорошенький, вот только волосики отдавали рыжиной, в мать. Мишель предпочел бы, чтобы он больше походил на него. Он остро чувствовал сына частью себя самого, и когда тот попытался ухватиться ручонками за его бороду, Мишеля переполнила нежность.

Кабинет был обставлен очень просто: большой камин, письменный стол, скамья с ящиком, несколько стульев и диванчик. Книг не было. Свою небольшую библиотеку и все необходимое для письма Мишель держал в Монпелье. Он очень удивился, увидев на письменном столе чернильное пятно. Но на руках у него был ребенок, и он не придал особенного значения своему наблюдению.

Он поднял сынишку вверх, чтобы тот рассмеялся, и в этот момент в дверь постучали.

— Магдалена! — закричал он. — Пойдите посмотрите, кто там!

Спустя несколько мгновений Магдалена заглянула в кабинет.

— Там большой толстый человек, — объявила она, — одетый как принц. Он говорит, что пришел к вам засвидетельствовать почтение.

— Он назвал свое имя?

— Да, но оно такое трудное. Я ничего не разобрала. И вид у него очень важный.

— Возьмите ребенка, я сам посмотрю.

Мишель отдал матери маленького Рене и пошел через вестибюль к входной двери. Посетитель действительно производил впечатление: высоченный, крепкий, с коротко стриженными белокурыми волосами, квадратной бородой и свисающими по ее краям длинными усами. Лицо дополняли крупный нос и широкий лоб, обрамленный завитками волос. Судя по морщинам на лбу и складкам в углах рта, ему было лет пятьдесят, но выглядел он великолепно. Что в нем действительно поражало, так это одежда: бархатный плащ с горностаевой опушкой, шелковый воротник и кожаный жилет, усыпанный бриллиантами. Смотрелся он не то французским королем, не то ярмарочным паяцем.

Увидев Мишеля, гость снял шляпу, украшенную перьями, и склонился в низком поклоне на испанский манер.

— Я пришел засвидетельствовать свое почтение коллеге и знаменитому ученому, — проговорил он баритоном. — Позвольте представиться: Жюль Сезар де Ласкаль де Бурдонис, итальянец. На моем языке Джулио Чезаре делла Скала Деи Боргони. Но здесь меня для простоты называют Скалигер. Жюль Сезар Скалигер.

Мишель, слегка удивленный, склонил голову в ответ на приветствие.

— Вы случайно не приходите родственником знаменитым Скалигерам из Вероны?

— Именно так, брависсимо, — ответил итальянец с ослепительной улыбкой. — Я не хвальнось этим родством, так как принадлежу к скромной ветви рода. Вы, разумеется, получили мое письмо...

— Письмо? Какое письмо?

— То, что я отправил вам шесть месяцев тому назад. В письме я приглашал вас, знаменитого медика, поселиться в Агене, чтобы обогатить наше маленькое местное общество интеллектуалов. Вижу, что вы откликнулись на мое приглашение. Ваш выбор я приписываю своей настойчивости.

Пораженный Мишель отрицательно покачал головой.

— По правде говоря, я не получал никакого письма. И потом, простите, кто сообщил вам мое имя?

— Логичный вопрос, — одобрительно заметил Скалигер. — Вам, разумеется, известно, что ваш друг Франсуа Рабле, прежде чем поступить в университет в Монпелье, проживал здесь. Мы с Франсуа как братья. Конечно, у него репутация изрядного шалопая, а некоторые даже называют его вором, сводником и подлецом. Как бы там ни было, но пока он был в Агене, я постоянно слышал от него славословия в ваш адрес.

Мишель все больше и больше приходил в замешательство.

— Но позвольте, я ведь познакомился с Франсуа, когда он уже давно уехал из Агена!

— Ну так что же? — спросил Скалигер, нимало не смутившись. — Из этого только следует, что он был наслышан о вашей научной славе. Подумать только, а ведь его считали невеждой, чуть ли не слабоумным! Как суетны суждения света!

Мишель не нашелся что ответить. Он вдруг спохватился, что все еще держит гостя на пороге, нарушая все правила гостеприимства.

— Входите, прошу вас. Не могу пригласить вас к ужину, поскольку жена не ожидала меня так скоро, но мы можем побеседовать.

Услышав, что на приглашение к столу рассчитывать не приходится, Скалигер скорчил гримасу, но его подвижное лицо быстро обрело прежнее выражение, и он вошел в дом.

— Беседа — естественный способ общения высоких умов, — изрек он, потом прибавил тихо: — Но вино-то хоть у вас найдется?

— Думаю, найдется.

— О, не хлопочите, прошу вас. Я пью обычно один бокал, ну не более двух или трех. Здоровье не позволяет мне излишеств.

Мишель провел Скалигера в кабинет.

— Прошу, присядьте на диван, я сейчас принесу вина.

В смущении он отправился на кухню. Магдалена, держа на руках малыша, следила за сковородой, на которой тушились овощи.

— У нас есть вино? — спросил Мишель.

Она указала на несколько бутылок в темном углу.

— Есть немного Гипокраса. Желаете, чтобы я отнесла?

— Нет, вы занимайтесь ужином.

Мишель вернулся в кабинет с двумя бокалами вина. Один был наполнен наполовину, другой до краев. Полный он протянул Скалигеру.

— Вы пробовали Гипокрас? Это вино с сахаром и корицей.

— Прекрасный напиток, достойный всяческих похвал. Его я могу себе позволить на капельку больше, не опасаясь за здоровье кишечника. — Скалигер поднес бокал ко рту и с жадностью сделал глоток ароматной жидкости. — Превосходен, воистину превосходен. Неудивительно, что трубадуры воспевали достоинства этой смеси. А теперь она стала зельем аптекарей. Вы случайно фармакопеей не занимаетесь?

— Занимаюсь. Мой дед изготавливал лекарства, и у меня есть идея продолжить его дело в этом городе.

Скалигер одобрительно кивнул.

— Мудрое решение. Я сам время от времени увлекаюсь сбором лекарственных трав. Всем растениям в Провансе я даю латинские названия. Если я не совершу еще чего-нибудь стоящего, то этого будет достаточно, чтобы мое имя вошло в историю. — Он отправил в утробу еще один глоток, осушив бокал. — Ваша компетенция укрепляет меня в моем решении. Я беру вас под опеку и ничего не потребую взамен.

Мишель застыл с разинутым ртом.

— Под опеку? Что вы этим хотите сказать?

— Молодой ученый, поселившись в Агене, нуждается в покровительстве влиятельных особ, которые представили бы его в обществе и помогли снискать себе должное уважение. Представители рода делла Скала обычно отвергают подобные поручения, но вы, юноша, меня убедили. Выпьем за наш новый союз.

Сказав это, Скалигер протянул Мишелю пустой бокал и сделал большим пальцем левой

руки характерный жест — «налей!».

Мишель помедлил, потом вышел и вернулся с полным бокалом. Человек, сидящий напротив него, казался явным сумасбродом. Однако он прекрасно понимал, что открыть аптеку в незнакомом городе — дело нелегкое. На него ополчатся остальные аптекари и, вполне возможно, врачи. Вражда между аптекарями и врачами известна испокон веков. Сам он относился и к тому и к другому лагерю, но отнюдь не был уверен, что городской парламент примет во внимание это обстоятельство. Несмотря на всю свою эксцентричность, Скалигер, видимо, принадлежал к высшему обществу, о чем говорило его платье. В чужом городе дружба с таким человеком могла оказаться полезной.

На этот раз гость осушил бокал одним глотком и удовлетворенно вздохнул.

— Ах, как чувствуется целебная сила этого напитка! — блаженно воскликнул он. Потом ни с того ни с сего сменил тему разговора. — Сейчас мне нужны все силы. Я собираюсь в пух и прах разнести этого выскочку Эразма!

— Эразма?

— Да, Эразма Роттердамского. Этот мошенник пользуется шумной славой, а на самом деле он просто жулик и, с позволения сказать, старый пердун. Как только он прочтет пасквиль, который я сочиняю в его адрес, тут же помрет от разрыва сердца. Вот уж о ком плакать не стану. Если вы думаете, что...

Скалигер замолчал и встал с места. В дверях, как напоминание о том, что ужин готов, появилась Магдалена с ребенком на руках. Прежде чем он успел промолвить хоть слово, гость склонился в еще более почтительном поклоне. Потом бегом бросился к малышу и погладил по головке. Глаза его, однако, не отрывались от Магдалены.

— Какая красавица! Жаль, что веснушчатая. Это ваша жена? — спросил он Мишеля, стоявшего позади, и продолжал, не дожидаясь ответа: — Синьора, я тоже недавно женился и уверен, что вы подружитесь с моей супругой. В жизни не видел такого хорошенького младенца. Когда ожидаете следующего?

Магдалена смущенно улыбнулась.

— О, об этом пока рано думать. Надо, чтобы сначала подрос Рене.

— Синьора, у вас широкие бедра, созданные для многочисленного потомства. Как прошли роды? Болезненно?

Совсем смешавшись, Магдалена пробормотала:

— Да, я до сих пор чувствую себя усталой.

Скалигер покачал головой.

— Усталость пройдет, и в следующий раз у вас все получится гораздо легче. Знаете, сколько котят приносит кошка?

Фраза была настолько нелепа и неуместна, что Магдалена улыбнулась.

— Я повторяю, месье, мы должны сначала позаботиться о Рене.

— Похвальная забота, но ваш Рене нуждается в братишке или сестренке, с которыми он будет расти вместе. От своей жены я хочу по меньшей мере десяток детей и полагаю, что нет на свете более христианского желания.

Улыбка Магдалены угасла.

— Есть женщины, призванные к материнству, — учтиво сказала она. — Ваша супруга будет рада произвести вам большую семью.

— Каждая порядочная женщина призвана к материнству. — Это сказал уже не Скалигер, а Мишель, еле сдерживая гнев. Его серые глаза почернели, как головешки. — И вы, мадам, конечно, со мной согласны.

Магдалена, явно испугавшись, опустила голову.

— Да, конечно, согласна, — но, словно ободренная присутствием иностранца, отважилась прибавить: — Однако...

Тут Скалигер вдруг направился к выходу, как будто для того, чтобы супруга хозяина не сказала лишнего.

— Уже поздно, и мне пора. Я бы охотно выпил еще глоточек Гипокраса, который так

отменно массирует печень и кишечник. Но это в другой раз. Надеюсь, господин де Нотрдам с супругой окажут мне честь отужинать у меня в один из ближайших вечеров. Наш союз — дело решенное.

Занятый другими мыслями, Мишель смог только произнести:

— Позвольте проводить вас к выходу.

— Буду весьма признателен.

Когда он вернулся в комнату, Магдалена крепко прижимала к себе ребенка, словно этот жест любви мог помочь ей одолеть тоску. Она бросила на мужа робкий взгляд и с усилием улыбнулась.

— Мишель, ужин готов. Я пустила в дело все, что нашлось в доме. Думаю, результат удивит даже вас. Без специй, из одних овощей... Хорошо, что еще нашлось мясо... И мармелад, который вы сами приготовили несколько месяцев назад... Помните? Ваша страсть к мармеладу спасла ужин, который...

Мишель, не говоря ни слова, застыл на пороге со скрещенными руками. Гнев, охвативший его поначалу, остудил лед язвительности. Он дождался, пока смущенное лепетание жены захлебнется и затихнет, и спросил, нарочито холодно и медленно, словно произнося обвинительный приговор:

— Вы отдадите себе отчет, какие вещи вы говорили в присутствии иностранца? Вы якобы избегаете мысли о родах, ибо принадлежите к категории женщин, считающих их делом второстепенным. Я требую объяснений и надеюсь, что они будут убедительными.

Понадобилось время, прежде чем Магдалена смогла, не глядя на мужа, выдать из себя несколько слов:

— Вы меня не так поняли, или это я сама... — Ее голос упал до шепота. — Роды были очень болезненные. Еще слишком рано для меня, чтобы думать... Мне нужно немного времени. Совсем немного...

Мишель разглядывал ее так, будто бы их разделяла пропасть. И вдруг ему стало ясно, что надо делать. Он спросил себя, не таится ли подстрекатель такого решения в темном углу его души, но быстро отбросил сомнения. Нет, альтернативы не было. Он представил на миг, как Скалигер по всему городу рассказывает, что он, Мишель де Нотрдам, взял в жены женщину, которая сознательно не желает беременеть, как шлюха какая-нибудь. И исчезнет уважение, которого он так долго добивался, и его общественный статус упадет, не успев утвердиться. Перед ним снова появился призрак бывшего кошмара: всеми презираемый изгой, обреченный жить на задворках общества... Его охватила дрожь. Нет, другого выхода быть не могло.

— Я желаю, чтобы вы родили мне еще детей, — отчеканил он. — Полагаю, вы лучше меня знаете, что я намерен сделать.

Должно быть, он ошибся, потому что Магдалена крепче прижала к себе ребенка, словно пытаясь заслониться им, как щитом.

— Умоляю, не бейте меня, хотя бы пока. Я еще кормлю Рене, и у меня может пропасть молоко.

— Не имею ни малейшего намерения вас побить. Ступайте в спальню впереди меня.

Магдалена застыла в изумлении.

— Вы и вправду думаете о... — прошептала она, и слезы покатались у нее по щекам. В который уже раз она безуспешно попыталась улыбнуться. — Ужин готов. Может быть, после...

— Сейчас. В спальню, впереди меня. Сегодня вы понесете моего второго сына.

Магдалена застыла, как парализованная. Рене начал плакать, словно почувствовал драматизм ситуации. Мишель вырвал его из рук жены и осторожно усадил на диван, бегом проведя рукой по редким рыжеватым волосикам. Потом схватил отупевшую Магдалену и вытолкнул ее из комнаты. Не было надобности ее тащить, она покорно подчинялась, как будто сразу лишилась жизненных сил. Мишель испытывал странное чувство: власть, которую он имел над женой, возбуждала его почти так же, как любовь.

Он толкнул Магдалену на постель, не обращая внимания на сдавленный стон, слетевший с ее губ, и отдернул руку, потянувшуюся обнажить грудь. Магдалена кормила, и ласка могла причинить ей боль. Чтобы не прикасаться к груди, он обхватил ее за бедра и перевернул. Подняв ей юбку и рубашку, он спустил штаны. Через секунду он уже входил в нее, чувствуя грудью содрогания ее спины.

Кончив, он оставил ее на матрасе, без чувств и без движения. Потом побежал в кабинет, где плакал в одиночестве маленький Рене, и с нежностью взял его на руки.

АБРАЗАКС. ПРОПАСТЬ

Внезапно налетевший ветер поднял в пустыне песчаную бурю, заставляя демонов вздрагивать под чешуей. Нострадамус и трое его спутников с тревогой наблюдали за небом, которое содрогалось от неистовых пульсаций. Звезды то увеличивались, то уменьшались в размерах, созвездия меняли очертания.

— Что происходит? — спросил юный священник, самый эмоциональный из всех.

Нострадамус равнодушно махнул рукой.

— Для этих мест ничего необычного. Пропасть открывается.

Не успел он произнести эти слова, как песок стал на глазах кристаллизироваться и по равнине с шумом поползла огромная трещина.

Ее края быстро раздвигались, и через миг образовалась широкая расселина. Потрясенный демон распахнул перепончатые крылья и перелетел на край пропасти. Снова настала тишина.

Нострадамус подошел к краю и уверенно его перегнул, двигаясь по еле заметной тропинке, ведущей в глубину. Остальные после недолгих колебаний последовали за ним. Беспредельная воронка в скале разверзалась в грозную пустоту, чуть светящуюся по краям, а внутри окутанную непроглядной мглой. Из-под ног срывались камни, беззвучно исчезая в глубине. Внезапно пропасть затянуло густым темным туманом, и четверо путников уже ничего могли различить, кроме кромки стены под руками и слабо поблескивающей тропинки под ногами.

Им не было страшно, ибо здесь страх не имел смысла. Бояться, но чего? Смерти? Они и так отчасти были мертвы. Боли? Но в этом безмолвии не было вообще никаких телесных ощущений. И все же трое из них ощущали растущую тревогу, и если чего и боялись, так только того, что она продлится вечно.

Неизвестно, сколько прошло времени до того момента, когда туман начал рассеиваться. Расселина кончалась, и путники приближались к ее краю, за которым открывалось такое же звездное небо с теми же тремя солнцами. Только свет звезд был не таким ярким.

Нострадамус обернулся и указал на темный раструб, из которого они вышли. Он снова был направлен вниз.

— Смотрите. Если взглядеться внимательно, то за завесой тумана вы увидите, что мы оказались на другой стороне вселенной. Не всем дано это увидеть. Мы балансируем над временем.

Только женищина, обернувшись, бросила беглый взгляд назад.

— И правда! — воскликнула она. — На дне пропасти звездное небо! Мы думали, что спускаемся, а на самом деле поднимались к тому же месту!

— Все дело в том, что изменились наши ощущения, — проворчал человек в черном плаще. — Мы утратили всякую точку зрения.

Нострадамус подождал, пока они снова окажутся на поверхности недвижной и бескрайней равнины, потом ответил:

— Ошибаетесь. Мы ее не утратили. Отсюда мы можем наблюдать одновременно прошлое и будущее, как если бы это было настоящее.

— Что же это за точка зрения?

— Точка зрения Бога.

Космос всколыхнулся, как парус под ветром, и созвездия снова поменяли очертания.

ЭПИЛЕПСИЯ

Если бы Диего Доминго Молинас был способен испытывать нормальные человеческие чувства, он был бы счастлив снова оказаться в Южной Франции. В глубине души он любил теплые краски и вечный зной этих краев. Ему нравился серый камень деревень, покатые крыши домов, обилие родников. Здешняя панорама резко отличалась от мрачноватого однообразия его родного Арагона.

И все же рациональная часть его сознания была начеку и не позволяла поддаваться обаянию фривольности окружающего ландшафта, где все дышало беспричинным весельем. Явственный привкус греха чувствовался в жеманной архитектуре замков и домов знати, где садов было гораздо больше, чем башен, несмотря на постоянные войны.

Аген обладал множеством отрицательных характеристик. Прежде всего, среди христианских кварталов преспокойно существовала и процветала еврейская община. Затем гугеноты. В городе их было так много, что они влияли на городские общественные институты и, более того, протаскивали туда своих людей. Поэтому жарким летом 1534 года, привлекая внимание прохожих длинным черным плащом, Молинас въехал в Аген в мрачном расположении духа. Его карета катила по хорошо мощенным улицам Агена в направлении долины Виве, что находилась сразу за городом. Настроение его портилось все больше и больше: ему предстояла встреча с самым развязным господином беспечной Франции эпохи Валуа.

Оказавшись в назначенном месте, он вышел из кареты и немного помедлил в тени усыпанной ягодами черешни перед жилищем человека, которого искал. Жилище представляло собой изысканное палаццо, обнесенное оградой с эмблемой лестницы и окруженное большим садом, который террасами спускался к ручью Сен-Мартен де Фулойрон, пересекавшему долину. Все вместе смотрелось очень мило, и сад был ухожен, а вот ограда порыхлела от ржавчины; нетронутыми были только эмблемы, видимо, появившиеся совсем недавно. Казалось, здание держат не мощные стены, а плющ, зеленым плащом окутавший палаццо.

Молинас еще несколько мгновений осматривался, потом шагнул к калитке и потянул за цепочку колокольчика. Он не издал ни звука. Тогда испанец открыл одну из створок, только прикрытых, но не запертых, и направился к дому.

Видимо, лязг заржавевшего металла все же услышали, потому что, прежде чем он успел дойти до двери, она открылась. На крыльцо вышла старуха с усами над верхней губой и обильной растительностью на подбородке. Она прикрыла один глаз, но не потому, что хотела заговорщически подмигнуть, а потому, что этот глаз не видел.

— Синьор Скалигер и его супруга отдыхают, — отрезала она.

Молинас пожал плечами.

— Мне назначено, и именно на этот час.

Разбудите синьора Скалигера и скажите ему, что прибыл человек от его высокопреосвященства кардинала Антонио делла Ровере. Скажите также, что я жду всего несколько минут, потом буду вынужден уйти. Люди моей профессии не знают, что такое отдых.

Старая служанка застыла в изумлении. Почти наверняка она не поняла ничего, кроме имени кардинала. Затем она молча исчезла за дверью. Разглядывая изящную живую изгородь сада, простиравшегося у его ног, Молинас спрашивал себя, о чем может доложить хозяину такое существо.

Но он оказался излишне пессимистичен. Что бы она там ни доложила, результат был налицо. Скалигер с шумом возник на пороге.

— Господи, какая честь! — взревел итальянец во всю силу своих легких. — Гражданин

благородной Испании, да еще и друг кардинала делла Ровере! — Он в экстазе впился глазами в иностранца. — Ах, как сразу заметен испанский вкус! Носить черный плащ в такую жару! Оригинально, весьма оригинально! Пойду-ка и я разыщу свою старую медвежью шкуру и наброшу на плечи, чтобы соблюсти приличия!

Молинас выгнул бровь, задаваясь вопросом, не смеется ли над ним хозяин. И решил, что нет. Все, что он слышал об этом человеке, говорило о его склонности к глупым и бессмысленным выходкам.

— Кардинал делла Ровере просил меня приветствовать вас, — сказал он с поклоном. — Он вскоре вернется из Марсея.

— Да, я прочел его письмо. Вы встретили его там, в Марселе?

— Да, по дороге из Сицилии мы заходили в этот порт.

— Нам очень недостает его преосвященства. В Агене происходят ужасные вещи! Любой другой при таких словах понизил бы голос, а Скалигер, напротив, произносит их громогласно! Но прошу вас, проходите в дом. Здесь даже стены имеют уши.

Молинас подумал, что, если бы это было так, у стен давно лопнули бы барабанные перепонки. Дом стоял на отшибе, и вокруг не было никого, кроме кучера, который спокойно занимался лошадьми. Пожав плечами, он двинулся вслед за хозяином по длинному коридору, где слегка пахло плесенью, зато было полно изящных зеркал и на полу лежал дорогой ковер, местами слегка выцветший. Дойдя до деревянной лестницы, коридор сворачивал в гостиную.

Скалигер крикнул в лестничный проем:

— Одиетта! Как только будешь готова, спускайся! У нас важный гость! — Затем он посмотрел на Молинаса и спросил: — Не желаете ли отдать мне плащ?

— Нет, спасибо, мне не жарко.

— Ах, какой оригинал! Располагайтесь, я велю принести кагорского вина и грушевый конфитюр.

Пока Скалигер разыскивал экономку, чтобы отдать распоряжения, Молинас огляделся. Гостиная, залитая солнечным светом, проникавшим сюда через широкое окно, была обставлена с большим вкусом и даже с некоторой утонченностью. Вот только вся она была завалена книгами. Книги были повсюду: на полке камина, который, видимо, зажигали редко, на стульях, на столе, на полу возле дивана. Гору книг сурово венчала запыленная кираса XIII века с обломанным нарукавником.

Через некоторое время Скалигер вернулся и указал гостю на диван:

— Что же вы стоите, располагайтесь. — Безуспешно поискав свободный стул, он уселся на другой край дивана и возбужденно заговорил: — Я уже сказал, что в Агене происходят тревожные вещи. У нас есть свой университет, правда, небольшой. Открою вам, что многие преподаватели не скрывают восхищения... как вы думаете, кем?

— Не имею понятия.

— Эразмом! Эразмом Роттердамским! Этим липовым философом, этим содомитом, этим монстром, которого боготворят гугеноты! Ну, что вы на это скажете? Разве это не пугает?

Молинас пожал плечами.

— Может, и пугает. Но когда инквизиция попыталась запретить его работы, первым на их защиту встал ваш король, Франциск Первый. Как знать, может, он питает к Эразму безграничное почтение.

В ореховых глазах Скалигера зажегся недобрый коварный огонек.

— Долго это не продлится. Я только что отправил нашему суверену текст, где камня на камне не оставил от Эразма. Вот увидите, король Франциск тотчас же переменит мнение и отречется от этого осла. Да и с прошлого года в борьбу за правое дело вступил влиятельный союз. Не стану называть имен...

— Кого вы имеете в виду?

Молинасу этот разговор порядком наскучил, но он понимал, что собеседник ждет

именно такого вопроса.

— Не хочу называть имен, однако по последним моим сведениям могу смело сообщить, что речь идет о Екатерине Медичи, супруге герцога Генриха Орлеанского. Она добрая христианка и вот-вот получит мою рукопись...

Скалигер замолчал, ибо прибыли вино и конфитюры. И принесла их не усатая и бородастая старуха, а юная девушка, почти ребенок, одетая в голубое. Она с трудом удерживала тяжелую вазу.

— Умница, Одиетта, — сказал Скалигер. — Ты видишь перед собой знаменитого ученого и гуманиста Диего Абелардо Мендосу.

— Диего Доминго Молинаса, — поправил гость, ничуть не обижаясь.

Он встал, поклонился девушке и, взяв вазу из ее рук, поставил ее на низкий мраморный столик. Для этого ему пришлось сдвинуть в сторону книги, которыми тот был завален. В этот момент девушка подняла на него глаза, и Молинас был поражен увиденным. Два огромных черных зрачка, светясь изнутри, глядели не то наивно, не то загадочно. Но не ум зажигал глаза, а скорее удивление и любопытство. Такие глаза бывают у новорожденных. И, как у новорожденных, в них чувствовалась закрытость, отрешенность от внешнего мира: они словно отступали перед непостижимым.

Молинас заинтересовался и вгляделся внимательнее. Лицо Одиетты было настолько правильным, что казалось скорее невыразительным, чем красивым. Голубое платье никак не обрисовывало фигуру, да там и обрисовывать было нечего: за одеждой угадывалось плоская бестелесность подростка. Казалось невероятным, что к этому кокону можно испытывать какие-то чувства, кроме отвлеченной нежности. И тем более странно было представить себе, что это бесполое создание когда-нибудь станет матерью.

Скалигер, напротив, выглядел довольным: он не без гордости демонстрировал свое печальное сокровище.

— Синьор Рамирес, позвольте представить вам мою супругу, Одиетту де Рок-Лобейак. У нас тридцать четыре года разница, но это только лишний раз доказывает, что время — ничто в сравнении с силой мысли. Еще до того, как мы поженились, Одиетта была моей горячей сторонницей и скорее боевой подругой, чем возлюбленной. Ее религиозному пылу в католичестве мог бы позавидовать любой епископ. И конечно, как и я, она ненавидит гугенотов.

Если все сказанное и было правдой, католический пыл, по всей видимости, тщательно скрывали. Освободившись от подноса, девушка, похоже, не знала, что делать дальше, и с тоской поглядывала на дверь. Потом вдруг поднялась и вышла, словно повинуюсь отдаленному зову.

Скалигер предпочел не заметить удивления гостя и быстро сменил тему разговора.

— Его святейшество делла Ровере говорил мне, что вы желаете предпринять что-то вроде тура по Франции, на манер наших университетских выпускников.

— Да нет, это не совсем так, — ответил Молинас. — Видите ли, не будучи медиком, я очень интересуюсь медициной и фармакопеей, а также развитием этих наук. На этом поприще моя страна сильно отстала, да и Сицилия, где я провел последний год, не может похвастать выдающимися талантами, кроме, пожалуй, Джанфилиппо Инграссии. Тогда я решил перебраться во Францию и свести знакомство с вашими знаменитыми медиками.

— И прекрасно поступили! — Скалигер выпятил грудь. — Я не врач, но знаю о медицине больше, чем кто-либо в этих краях. И в фармакопее для меня нет ничего загадочного, хотя меня передергивает от одного вида кресс-салата. Это моя единственная слабость, и не вижу причин ее замалчивать.

Голос Молинаса сделался вкрадчивым.

— О, ваша доктрина прекрасно известна за границей. Но говорят, в Агене вы не единственная знаменитость. Если меня правильно информировали, здесь обитает еще ваш друг или последователь, который тоже весьма преуспел в медицине...

— Еще один великий врач? Не может быть, кроме меня, здесь таких нет.

— Я не имел в виду равного вам. Я говорю о человеке, для которого вы — учитель и наставник, о некоем Мишеле де Нотрдаме.

Скалигер поднял бровь.

— Ах да, Мишель... Он мой друг и часто заходит ко мне. Я помогаю ему, чем могу, но в его знаниях столько пробелов... Однако мне бы не хотелось дурно говорить о том, кто мне дорог, несмотря на всю свою ограниченность. Но позвольте, откуда вы узнали о существовании столь мрачной личности?

— Мне сообщили, что несколько месяцев тому назад вы с Нотрдамом задумали уехать отсюда, и представители городской знати явились к вам с богатыми дарами, умоляя остаться. На что вы в один голос заявили, что передаете все дары в пользу бедных и больных. Благороднейшее решение, тем более что на другой день народ устроил вам триумф. Это правда?

На лице Скалигера отразилось изумление пополам с негодованием.

— Чистое вранье! — воскликнул он. — Если бы я решил уехать, городской парламент объявил бы траур. И я доподлинно знаю, что горожане частенько подумывали о том, чтобы устроить мне триумф. Что же до подношений, то я ответил примерно так, как вам сказали. Но совершенно немыслимо, чтобы такому второстепенному персонажу, как Мишель де Нотрдам, готовились подобные почести. Мой друг, конечно, человек выдающийся, и я никому не выдам позорную тайну, которую он старательно скрывает.

— Что за тайна?

— Он из еврейской семьи. И лучше, чтобы об этом никто не знал, иначе его осудят. Несмотря на это, он исполнен доброй воли, и я часами рассказываю ему об итальянских городах, где побывал, о рецептах конфитюров, о способах борьбы с чумой. Не знаю, все ли он понимает, но дружба обязывает меня ничего не упускать из виду и повышать его культурный уровень.

— Очень великодушно с вашей стороны, — кивнул Молинас. — А чем он зарабатывает на жизнь?

— От случая к случаю практикует как аптекарь, пользуясь рецептами, которым я его научил. Но по большей части помогает Жану Широу, когда тот свободен от службы в Монпелье. Вы знаете Широу?

— Слышал. И что вы о нем думаете?

— Очень хорош, просто великолепен, если бы, по слухам, не был таким шалопаем и еретиком. В последнее время он обратился в гугенотскую веру, и это неудивительно, если принять во внимание его неуклонную деградацию. Вы, конечно, знаете, что в Монпелье он был наставником другого шалопаю, Франсуа Рабле.

— Никогда не слышал о таком.

— Тем лучше. Этот самый Рабле недавно опубликовал книгу, которая называется... погодите-ка... — Скалигер пошарил в нише, опасно раскачав железную арматуру. — Ага, вот она. «Пантагрюэль, король Дипсодов». Насмешка над всеми нашими знаниями. Я там открыто не упомянул, но прицел явно в меня.

— И вас можно узнать? — спросил Молинас, изнывая от скуки.

— Сказать по правде, нет. Хотя в главе «Как из пука Пантагрюэля образовалось множество крошечных мужчин, а из его глупости — множество крошечных женщин» можно усмотреть намек на меня и мою жену. Это явная провокация. Но я отвечу, ох как отвечу! Молинас подавил зевок.

— Не сомневаюсь. Но мы говорили о Мишеле де Нотрдаме. Он женат?

— Да, и на красавице. Но она нигде не показывается, живет затворницей, видимо, потому, что ждет второго ребенка. Может, он уже и родился, кто знает. Мишель никогда о ней не говорит. Типичное поведение рогоносца.

— Почему вы решили, что он рогоносец?

— Доказательств у меня нет, но все заставляет думать, что...

Фраза так и повисла в воздухе, прерванная резким криком, донесшимся со второго

этажа дома. Вниз по лестнице прогремели и, и в дверном проеме показалась голова служанки.

— У синьоры Одиетты опять припадок! — прокричала она, сжав ладонями щеки. — У нее идет слюна, она заговаривается, вся дергается, совсем как в прошлый раз!

Скалигер вскочил на ноги и с отчаянием поглядел на Молинаса.

— Если вы разбираетесь в медицине, пойдемте со мной, прошу вас! Моей жене плохо!

Они бегом поднялись по ступенькам. Короткий коридор вел в спальню, обитую красной материей. Большую часть комнаты занимало просторное ложе под балдахином того же цвета. Одиетта корчилась на покрывале и ритмично билась головой о подушку.

— У нее нервное заболевание, — объяснил Скалигер. — Его называют еще...

— Эпилепсия, — заключил за него Молинас. Он подошел к ложу и взглянул на губы девушки, по которым обильно текла слюна. Потом серьезно посмотрел на хозяина: — Не так давно вы называли себя медиком. Что вы предпринимаете в подобных случаях?

Вся эйфория Скалигера мигом улетучилась, пока он пытался удержать голову жены.

— Я... Сказать по правде... В круг моих знаний это не входит... — Он был бледен и заикался. Потом нашел приемлемый ответ: — Я ей даю траву, вот что. Да, я ей даю траву.

— Что за трава?

— Не знаю. Мне ее готовит... Мне ее готовит аптекарь.

— Случайно не Мишель де Нотрдам?

— Именно он.

— И где у вас эта трава?

— Вот она, — ответила тихо вошедшая в комнату служанка, указав на чашу на столике. — У нас ее называют ястребинка.

— Ястребиная трава? Никогда не слышал такого названия. — Молинас протянул руку. — Дайте-ка сюда.

Сняв крышку с чаши, испанец внимательно осмотрел содержимое, понюхал. Потом на сыпал щепоть мелко размолотой травы на ладонь и снова понюхал, с откровенной иронией покосившись на Скалигера.

— Вы в самом деле, не знаете, что это такое? Это знает каждый аптекарь.

Но Скалигер его не слышал. Судороги Одиетты усилились, и он изо всех сил старался ее удержать.

Молинас повернулся к служанке:

— Вы даете траву во время приступа? Это было бы очень странно.

Женщина покачала головой.

— Нет, когда мадам в таком состоянии, она ничего не может проглотить. Доктор Нотрдам считает, что трава способна предупредить и смягчать приступы, но не лечить их. Я даю госпоже настой каждый вечер.

— Любопытно... Настой пилозеллы внутрь при нервном заболевании... Никогда раньше не слышал... — пробормотал Молинас. Он повернулся к служанке: — Вы добавляете еще какие-нибудь травы?

— Нет, я ничего не добавляю. Настой готовит доктор Нотрдам.

Казалось, конвульсии Одиетты начали ослабевать, потом она вдруг громко вскрикнула, и по подбородку сбежал ручеек слюны. Видимо, горло ее очистилось, потому что она заговорила довольно ясным голосом:

— Дофин... Его утопит... утопит Себастьян... Свежая вода в стакане... Там и утонет... Несчастливая жизнь его озлобила. Смерть от воды...

Словно избавившись от груза, тело Одиетты обмякло. Припадок кончился. Скалигер расплакался и бросился целовать высокий бледный лоб жены. Служанка сложила руки и принялась молиться.

Молинас отошел от ложа, стряхнул с ладони остатки сухой травы и незаметно вышел вон.

ЯСТРЕБИНАЯ ТРАВА

Первые отголоски грядущих событий докатились до Агена в августе 1536 года. Стояла жара, холмы и луга пожелтели. По улицам города вдруг двинулась печальная и пугающая процессия. Многочисленные повозки жалобно скрипели под грузом домашней утвари. За ними шли крестьяне с босыми, сбитыми в кровь ногами; женщины тащили за собой ребятишек; раненые солдаты, чтобы не упасть, тяжело опирались на копья. Все они шли быстро, молча, не глядя по сторонам, словно стремились к какой-то далекой цели.

Магдалена, стоя у окна гостиной, качала новорожденную дочку, маленький Рене играл возле ее ног. Вдруг она вскрикнула:

— Мишель, идите посмотрите, творится что-то странное!

Спустя мгновение Мишель появился на пороге в сопровождении посетителя, с которым беседовал в кухне, где в кастрюлях варились фрукты для мармеладов.

— В чем дело?

— Взгляните сами.

Мишель подошел к окну вместе со своим гостем, очень худым человеком в элегантном платье из красного шелка.

— Похоже, это беженцы, — тревожно заметил он. — А вы что думаете, Филибер?

— Да, это, несомненно, беженцы, — ответил посетитель. — Вы, должно быть, в курсе того, что происходит на юге и во всем Провансе?

— Филибер, вы же знаете, что меня интересуют только наука и исследования. Политику я оставляю другим.

— Но бывают случаи, когда политика сама вас находит. Пример у вас перед глазами. — Он повернулся к Магдалене. — Прошу прощения, мадам, что затронул темы, скучные для женщин.

Может, это было скрытое приглашение покинуть комнату, но Магдалена не обратила внимания.

— О, мне вовсе не скучно, месье Саразен. Продолжайте и не тревожьтесь обо мне.

Слегка смешавшись, Саразен снова обернулся к Мишелю.

— Вам, конечно, известно, что нынче раз вворачивается решительная битва между нашим сувереном и императором Карлом Пятым. Наш полководец, герцог Монморанси, решил пожертвовать Провансом, чтобы завладеть Савойей и Пьемонтом. Посевы сожжены, многие деревни разрушены. Имперское войско дней десять как перешло через Альпы и обнаружило лишь выжженную землю. Теперь они осадили Марсель, Монпелье и другие крупные города. Провизии в деревнях не хватает, и захватчики отыгрываются на бедных крестьянах.

На этот раз Мишель не на шутку встревожился.

— Вы хотите сказать, что война приближается к нам?

— Нет, насколько мне известно, театр военных действий пока далеко. Однако нам надо ждать нашествия беженцев, которых сперва обобрал Монморанси, а теперь терзают набегимперской армии.

Мишель снова высунулся из окна. Печальной веренице беженцев не было видно конца. Жители Агена выходили на улицы и выносили им хлеб, вино и другую провизию. Те молча принимали подношения, одними глазами выражая благодарность. Многие женщины плакали, укрывшись за ставнями. Редкие крики: «Да здравствует Франция! Да здравствует король!», раздававшиеся в толпе, не вызывали в колонне беженцев никакого отклика. Для них голодные времена настали как раз в правление этого короля.

В тяжелой атмосфере нависшей беды голос Магдалены прозвучал удивительно нехотати:

— Как вы думаете, месье Саразен, если бы в городе оказался испанец, это было бы для него большим риском?

Мишель сердито обернулся к жене:

— Что вы мелете? Что вам до испанцев?

Удивленный Саразен ответил назидательно:

— Я полагаю, мадам, что сейчас эмоции в Агене накалены. Предполагаемый испанец рискует быть принятым за агента Карла Пятого, и в этом случае за последствия я не ручаюсь. Но я не знаю испанцев в этом городе.

— Не обращайтесь на нее внимания! — вскричал Мишель, гневно сверкнув глазами на жену. — Как и все женщины, она болтает, чтобы болтать. Мой друг Рабле правильно написал во второй книге «Пантагрюэля»: «Кажется, природа создала женщин в момент помрачения рассудка».

Легкая, шутливая фраза получилась у него обидной и презрительной. Явно смутившись, Саразен поспешил сменить тему:

— Надеюсь, что с Карлом Пятым в Прованс явятся только испанцы и брабантцы. Они свирепы, но не творят излишних жестокостей. А вот ландскнехты, которых он тащит за собой...

— Те, что девять лет назад разграбили Рим?

— Они самые. Они способны на ужасающие вещи. Там, где они побывали, не остается ни одного живого священника, ни одной девственницы, какого бы возраста она ни была. С ними идут когорты рабов, оторванных от семей и обреченных на бесславный конец.

Мишель приподнял бровь.

— Филибер, позвольте задать вам деликатный вопрос. Ландскнехты, которых вы клянете, все лютеране. Ни для кого не секрет, что вы исповедуете ту же веру. Как сочетается отвращение к ним с тем, что они ваши единоверцы?

Саразен провел рукой по эспаньолке, украшавшей его подбородок, и губы его приоткрылись в добродушной усмешке.

— Да полно, Мишель, что за вопрос? Вы убежденный католик, но, наверное, тоже осуждаете жестокости инквизиции. Ландскнехты жестоки не потому, что они лютеране, а потому, что их рекрутируют из диких и невежественных племен. Во все времена и повсеместно войско объединяло худших представителей общества, более того — худших из худших.

Уличный шум затих, и воцарилась тишина.

— Эти прошли, — сказал Мишель, глядя в окно. — Но думаю, достаточно быстро появятся новые.

— Боюсь, что так оно и будет, — вздохнул Саразен и указал на кухню. — Давайте лучше вернемся к рецептам конфитюров, в которые вы меня посвящали.

Остаток вечера они оба провели у плиты, потом Мишель проводил гостя до дверей. Опершись о косяк двери, он глубоко вздохнул и вернулся в гостиную. Магдалена уже зажгла висячую бронзовую лампу и вышивала, сидя на диване. Дети дремали, привалившись к ее бокам. Она была очень красива, но Мишель этого не заметил: он находился не в том расположении духа.

— Мадам, вы снова поставили меня в унижительное положение. Что вы о себе возомнили?

Она подняла на него свои синие глаза, и в них не отразилось ни страха, ни удивления.

— Мишель, вам не удастся...

— Зовите меня «господин».

— Как вам будет угодно. Господин, вам не удастся запугать меня. Вы столько раз меня били, что я уже счет потеряла, вы держали меня взаперти, вы запрещали мне все, что приходило вам в голову. Даже моя Присцилла, — она указала на спящую рядом новорожденную, — и та плод вашего насилия. Единственное, что вы можете, — это убить меня. Но запугать — никогда.

Мишель сглотнул, охваченный одновременно бешенством и чувством странного бессилия. Из этого противоречия родилась гневная фраза, которую он выпалил, задыхаясь:

— Я должен был это предвидеть! Жениться на шлюхе без приданого и пытаться

сделать из нее порядочную женщину всегда означает, что тебе отплатят дерзостью и ненавистью.

— Господин, вы прекрасно знали, кто я. А вот я не знала, кто вы. Куда делся тот студент, что презирал все условности? Вашу свободу погубило безмерное тщеславие и смехотворная жажда респектабельности!

— Где это слыхано, чтобы женщина так рассуждала! — заорал Мишель. Маленький Рене проснулся и захныкал. — Я изо всех сил старался наставить вас на путь праведной жизни! Я мазью из бычьей желчи вывел вам веснушки, чтобы вы выглядели как настоящая дама. Чтобы заставить вас родить, я вынужден был вас изнасиловать. В конце концов, я начинаю думать, что вы ведьма и по справедливости заслуживаете костра!

— Забавное обвинение в устах того, кто поит зельем жену Скалигера, чтобы заставить ее пророчествовать, и занимается фильтрацией мышины крови.

Обвинение было настолько серьезным, что Магдалена, видимо, поняв, что переборщила, опустила голову и взяла на руки Рене. Погладив его по голове, она постаралась утешить его, но у самой глаза были сухи.

У Мишеля перехватило дыхание.

— Шантаж! — просипел он потрясенно. — Вы пытаетесь меня шантажировать! И это после всего, что я для вас сделал!

— Из всего, что вы для меня сделали, я помню только тошнотворную мазь, при помощи которой вы пытались выбелить мне кожу, и побои. Я не хочу больше рожать вам детей! Если это вас бесчестит, можете меня убить. Думаю, вы на это способны.

Мишель пошатнулся и поднес руку ко лбу, но пальцы наткнулись на квадратную шапочку с красным помпоном. Он отшвырнул ее в сторону.

— Послушайте, — порывисто выдохнул он, — я хочу сказать вам одну вещь, которую никогда больше не повторю. Если вы и страдали, то представить себе не можете, сколько страдал я! — Он замолчал, потому что вдруг почувствовал странную влагу в углах глаз. Слезы? Он вытер глаза манжетой. Даже в миг наивысшей откровенности он не мог и не хотел позволить себе слабину. — Очень тяжело быть выходцем из еврейской семьи, пусть и принявшей христианство. И делать вид, что ничего не происходит, когда на твоих глазах унижают, избивают и убивают твоих соплеменников. И все это — при всеобщем одобрении. Видеть, как из стариков делают шутов, надевают на них дурацкие колпаки, как какой-нибудь мальчишка насильно бреет их на потеху своим приятелям! Та самая респектабельность, которую вы так поносите, становится единственным путем к спасению. Мало принять христианство: вся Испания пылает от костров, на которых жгут выкрестов. Надо пробить себе дорогу в науке или в коммерции, потому что все другие пути закрыты. Надо вести безупречную жизнь, чтобы не дать повода для пересудов. И еще надо выдумать себе знатных предков, нарисовать герб и добиться утверждения несуществующего генеалогического древа. Можете вы все это понять?!

Глаза Магдалены смотрели чуть мягче, но в них не было настоящего сочувствия. Мишелю стало не по себе. Слова же, которые он услышал, были для него просто непостижимы.

— Мишель, я всю жизнь прожила в унижении, и в этом мы близки. Быть женщиной без покровителей и знатной родни означает все время подвергаться произволу. Я не стану вдаваться в подробности: вы все равно не поймете. Но вот что я вам скажу: если явятся те самые ландскнехты, о которых вы говорили с месье Саразеном, кто будет больше бояться — вы или я? Подумайте об этом, и вы сразу поймете, что значит быть женщиной в этом жестоком мире. — В голосе Магдалены на миг появилась нотка нежности. — Ведь и вы знаете притчу о еврее и еврейке, что блуждают по свету, чтобы однажды встретиться и вместе принять искупление? Может, мы с вами на них похожи.

Магдалена совершила огромную ошибку: не надо было ей упоминать старинный еврейский миф. Мишель не выносил, если хоть что-нибудь отдавало иудаикой. Рука его потянулась к ремню, но застыла. Ему не хотелось сейчас бить жену, да это и было

бесполезно. Он выпятил грудь и сказал:

— Я добиваюсь только одного — почтения. Не того дутого и чванливого, что отличает знать, но настоящей, солидной респектабельности серьезных и трудолюбивых буржуа. Ни вы и никто другой не сможет мне в этом помешать. И если будет надо, я разведусь с вами и выгоню вас вон из дома вместе с детенышами.

Магдалена не отреагировала, только крепче прижала к себе правой рукой Рене, а левой спящую Присциллу. Мишель заметил ее движение и решил, что ему удалось, наконец, ее напугать. Он воспользовался моментом, чтобы задать вопрос, который вертелся на языке:

— Почему вы спросили Саразена, что случилось бы с испанцем, который тайно проник бы в город? Такой вопрос не мог быть простым капризом. Кого вы имели в виду?

— Никого, я спросила просто так, — ответила Магдалена. И вдруг смиренно добавила, повинувшись безотчетному импульсу: — Вы же знаете, что мы, женщины, подчиняемся луне и часто говорим что попало. Вы сами всегда были противником слишком ароматных напитков, которые тревожат наше лоно и побуждают нас фантазировать. Не ищите других причин, кроме простого женского бреда.

Мишель затрясся от ярости и с трудом удержался от желания своими руками задушить женщину, посмевшую над ним насмехаться.

— Вы за это заплатите! — сдавленно взвизгнул он. — О, вы заплатите! И не воображайте, что вам удастся от меня что-нибудь скрыть. От меня ничего не скроешь!

Он выскочил из комнаты, не заметив, что, едва он повернулся спиной, Магдалена наконец, дала волю слезам. Мишель был в состоянии лихорадочного возбуждения, тело плохо его слушалось. Он бросился наверх, спотыкаясь на ступеньках, проскочил спальню и влетел в маленькую потайную комнату. Оттуда вела приставная лестница на чердак. Пальцы тряслись, и он боялся сорваться, но с Божьей помощью вскарабкался. Освещенный единственным канделябром чердак помимо книг был заставлен чашами, колбами и мензурками. Мишель отодвинул тяжелый компас и схватил склянку с диародоном, порошком из красных роз, к которому добавил листья и рыльца *heratium pilosella* — ястребиной травы.

Было трудно удерживать дрожь в руках, и склянка дребезжала, пока он отсыпал из нее немного порошка в чашку и отливал из бутылки несколько капель настоя белены. Следовало бы все это перемешать, но у него не хватило терпения. Он влил в себя содержимое чашки и упал в кресло, обитое выцветшим бархатом.

После долгих экспериментов на Одиетте, произведенных под видом лечения от эпилепсии, он впервые пробовал напиток на себе. Он не стремился достичь Абразакса. Если верить зловещему Ульриху из Майнца, который передал ему рецепт зелья в конце той страшной ночи в Бордо, Абразакса достигали лишь те, кто был к этому предрасположен. Одно он знал наверняка: ему предстоит страшный опыт. Он начал мысленно считать, стараясь вызвать зрительный образ каждого числа: 1,2, 100, 1, 200, 1,60...

Появился первый симптом: обильное слюнотечение. Не в силах с ним справиться, Мишель открыл рот, чтобы вдохнуть, и слюна побежала по подбородку. Неистовые судороги, сначала редкие, потом все чаще и чаще, сотрясали его тело. Правая нога резко выпрямилась, сбросив туфлю, и ступня начала дергаться, словно ее то стягивали веревкой, то отпускали.

Потом стала дугой выгибаться спина. Мишель съехал с кресла, и оно свалилось на него. Он метался по полу, безуспешно пытаясь встать. Пальцы скрючило, как сухие ветки. Голову сдавила невыносимая боль, но через мгновение она прекратилась. В глазах помутилось, но сознание его не покинуло. Казалось, он сейчас вывернется наизнанку, ослепнет и умрет.

Однако, вопреки его ожиданиям, его охватило все возраставшее чувство полного блаженства. Зрение вернулось, но он видел только свет, ограниченный тонкими линиями тени. Эти линии переплетались, обозначая края видимого пространства. Потом они сплелись в круг, и Мишель словно заглянул в светящуюся трубу. Свет постепенно ослабевал, и он увидел кусочек звездного неба.

Потрясенный до глубины души, Нотрдам заметил летучих мышей, снующих на фоне звезд. Станные явления происходили на расстояниях, которые он не в силах был определить. С бешеной скоростью вертелись кровавые солнца, звездные рои закручивались в спирали, лениво проплывали туманности, взрываясь в пустоте. Какое-то нелепое, растекшееся во мраке существо жарко и неистово нашептывало ему непонятные слова, и этот несвязный сладострастный лепет словно растворил образ звездного неба и превратил его в привычную картину.

Это был его собственный дом, точнее, гостиная, из которой он только что выбежал. Жена вышивала, рядом с ней сидел Рене, а Присцилла спала в колыбели. Вдруг комнату закрыла черная тень: огромный ворон бил крыльями за окном. Увидев птицу, Магдалена вскрикнула и выронила вышивание.

На самом деле то был обман зрения: за окном стоял человек и стучал в стекло. Изображение увеличилось, и Мишель разглядел бледное лицо с тяжелыми веками. Внезапно вспыхнувшая молния озарила все багровым светом, и лицо исчезло. Потом фигура человека снова предстала перед его мысленным взором, но теперь Мишель видел его со спины: черный плащ, худое тело, длинные руки вцепились в стекло, словно когтями. Магдалена вскочила с дивана и подбежала к окну...

Теперь Мишель знал, кто был тот испанец, что мучил Магдалену. Таинственный незнакомец, который преследовал его столько лет, рылся в его книгах, а в незапамятные студенческие времена был жестоко избит друзьями Мишеля. Как же его звали? Диего... Диего что-то там... Столько лет прошло, разве вспомнишь...

Получив всю эту информацию, Мишель не прочь был бы вернуться в реальный мир. Но на его беду он не контролировал действие напитка. Еще Ульрих предупреждал его:

— Действие будет продолжаться и против твоей воли. Это та цена, которую мы платим за высшее знание.

Демон, притаившийся в темноте, перестал нашептывать ему на ухо, но Мишель не почувствовал облегчения. Он впал в болезненную каталепсию, и его тело каким-то омерзительным волокном, выходящим из затылка, соединилось с собственным двойником, который свободно кувыркался в пространстве, заглядывая в глубины космоса, недоступные человеку.

Наконец эта попытка закончилась. Мишель обнаружил, что лежит на чердачном полу, довольно далеко от опрокинутого кресла. Он ощупал себя: чувствительность возвращалась, мышечные судороги прекратились. Отчаянным усилием воли, сильно шатаясь, он поднялся на ноги. Голова болела, но боль быстро стихала.

Он с трудом поднял кресло и, задыхаясь, упал в него. Потом какое-то время не то засыпал, не то терял сознание, а когда окончательно проснулся, тело его слушалось, а разум был ясным, как никогда. Ничего не болело. Сердце отчаянно колотилось, но после таких переживаний это было неудивительно.

Теперь оставалось только спуститься к Магдалене и выкрикнуть ей в лицо имя, которое она так старалась скрыть. А может, и убить, если она сознается, что испанец — ее любовник.

Нет, пожалуй, убивать ее он не станет, ибо в тот же миг убьет и свое будущее. Он унизит ее, опозорит, а затем выгонит из дома, и она снова пойдет по тавернам, а потом и по самым непотребным заведениям.

Приняв решение, Мишель двинулся к люку, однако смутное беспокойство вернуло его обратно. Все увиденное стало исчезать, как исчезает сон после пробуждения, и он рисковал растерять отдельные фрагменты. Надо было запечатлеть их на бумаге, пока они окончательно не испарились. Но нельзя доверяться рассудку: чтобы видения приняли завершую форму, все рассудочное надо изначально отместить. Он подбежал к столу, стараясь сохранить в глубинах сознания ночные образы. В ушах снова зазвучало хриплое бормотание. Он пододвинул стул, вынул из чернильницы гусиное перо и записал то, что нашептывал незнакомый голос:

Voultour de nuict se cache sous Selin.

Наверное, он хотел написать Selene, луна, но рука повиновалась не его воле. Вышло что-то вроде первой строки стихотворения.

Коршун ночной под луною скрывается...

Он предоставил перу дописать дальше:

La rue l'?clair allume d'exsil?s
Mensonge horrible la sterile Magdel?ne
Com?te d'autrefios l'avait pr?dict?.

Молния освещает путь изгнанникам.
Ужасный обман бесплодной Магдалены,
Как когда-то предсказала комета.

Написав эти слова, он почувствовал, наконец, что свободен и снова владеет собой. Шепот стих. Мишель перечитал написанное. Главные черты видения были схвачены. Коршун, то есть испанец, затаившийся в ночи на той же дороге, где в тот вечер они видели вереницу беженцев. Магдалена, противница материнства, которая лгала неоднократно и настолько возмутительно, что комету, которую они вместе наблюдали пять лет назад, можно считать провозвестницей не только войн и катастроф, но и ее измены.

Мишель сложил листок вчетверо и спрятал в ящик. Потом поднялся, потушил свечи и пошел на свет, пробивавшийся сквозь щели люка. Он наслаждался мыслью о том, какое утонченное наказание он уготовит жене.

БЕГСТВО КОРШУНА

Самые пессимистические прогнозы сбывались один за другим. Войска Карла V продолжали оккупировать Прованс, но нехватка кулеврин²⁷ не позволяла с надлежащей скоростью брать осажденные города. Отряды наемников, состоявшие из испанцев, итальянцев и, наконец, из пресловутых ландскнехтов, шныряли по деревням, сея ужас, но не достигая никаких стратегических результатов. Кто знает, может, Карл V рассчитывал на воссоединение с другим имперским войском под командованием графа Нассау, которое с севера угрожало Парижу. Но осада слишком затянулась, и дух солдат был сломлен.

Прованс, как и предвидел герцог Монморанси, стал для имперских войск моральной западней. Некогда цветущие поля покрылись пеплом, лавки в брошенных селениях были удручающе пусты. Перебив бесчисленное число крестьян и изнасиловав женщин всех возрастов, войско Карла V было застигнуто врасплох начавшимся голодом. Правда, оставались еще монастыри, где укрывалось население, по всей видимости захватив с собой какую-то провизию. Но император, желая сохранить за собой славу доброго христианина и снискать расположение Папы Павла III, разослал своим наместникам строжайший указ не трогать монастырей и культовых сооружений. Даже ландскнехтам пришлось покориться, может, потому, что теперь в войске они составляли меньшинство. Если кто из них и выпаливал когда из аркебузы по монастырской стене, то только для того, чтобы напомнить сидельцам, что их смертный час всего лишь откладывается.

Как всегда, скопление полуголодных, грязных и плохо устроенных солдат способствовало вспышкам болезней. Все началось с золотухи, кишечных заболеваний,

²⁷ Кулеврина — вид оружия, пищаль. (Прим. перев.)

паразитов, лихорадки от дурной воды. А потом, в который уже раз, появилась и царица всех зараз — чума. Первыми с ней столкнулись жители Лангедока и областей, лежащих к северу, где находился и Аген. Именно эти места дали приют многочисленным беженцам из Прованса. Среди беженцев стали попадаться люди с пятнами зловонного гноя на коже, они бредили и совсем не держались на ногах. Зачастую больные падали на землю и тут же умирали, в последнем содрогании избавляясь от мучившего их озноба. Однажды в Аген заехала телега, нагруженная трупами. Возница давно умер по дороге, и испуганные, в пене, лошади мчали телегу куда глаза глядят. Тогда бальи велел закрыть городские ворота и беженцев больше не впускать.

Когда Диего Доминго Молинас узнал от Скалигера о том, что в городе объявлен карантин, он стал взвешивать все «за» и «против» такой ситуации.

— Ведь выехать можно? — озабоченно спросил он.

— Конечно, выехать можно, по крайней мере пока. Но тот, кто уедет, вернуться уже не сможет.

Молинас обдумал новость. Он уже с месяц гостил у Скалигера, а в Аген регулярно навещался в течение двух лет. Обычно он останавливался у кардинала делла Ровере, однако тот предпочел уехать из города после оккупации Прованса. Без особого энтузиазма Молинас поселился у Скалигера, сломив его сопротивление щедрым подарком, преподнесенным в качестве компенсации за беспокойство.

— Вы полагаете, что нынче Нотрдам нанесет вам визит? — спросил испанец.

Скалигер поморщился.

— Думаю, да, но это будет один из последних визитов. Я благодарен ему за то, что он своими настоями исцелил от эпилепсии мою жену. Однако я не выношу его дружбы с этим гугенотом Филибером Саразеном. Саразен славный малый и прекрасный аптекарь, но он еретик, достойный костра, и, как говорят, мохнатый осел в человеческом облике.

— Однако еще вчера вы говорили, что прочтите его в наставники своим детям, когда они подрастут.

— Ну да, я надеюсь, что со временем он вернется к истинной вере.

С каждым днем Молинасу было все труднее переносить бесконечные противоречия своего хозяина. Он предпочел сменить тему.

— Вы просмотрели рукопись, что я вам оставил?

— Ту, что называется «Arbor Mirabilis»?

— Кажется, других я вам не давал.

Скалигер развел руками.

— Я все еще знакомлюсь с ней. Это истинная загадка. Она написана на незнакомом языке, хотя алфавит наш. Ясно, что это шифр, но на первый взгляд — это язык другого мира, и он чужд и нашему, и всем другим языкам.

— А иллюстрации ни о чем вам не говорят?

— Они меня пугают. В первой части изображены растения, но если одни из них известны, другие не встречаются ни в одном из регионов познанного мира. Когда же в ней появляются человеческие фигуры, загадочность только возрастает. Здесь в рукопись включены какие-то заметки на арабском, которые невозможно расшифровать.

— Они-то меня и интересуют. Вы же говорили, что знаете арабский.

Молинас все более раздражался.

— Я его знаю, как и все западные и восточные языки, но почерк там замысловатый и очень мелкий. Мне кажется, что это вставки из другого автора, некоего Аль-Фараби.

— Вы знаете, кто это?

— Нет, и уж если я не знаю, то не знает никто. Нынче истинные гуманисты стали редкостью. Вам повезло, что вы встретили меня. Я из них лучший и, конечно, самый известный. Но мне нужно еще немного времени. Даже мои знания, столь обширные... О боже!

Скалигер бросился к открытому окну, высунул голову наружу и в ту же минуту

отпрянул, бледный и испуганный.

— Посмотрите! Посмотрите сами!

Молинас отказался:

— Вы же знаете, что я не могу показаться. Что там такое?

— По улице идут люди в белом, — прошептал Скалигер, — у них большие птичьи головы, длинные клювы и сверкающие глаза. Монстры! Ужасные монстры!

Молинас вскочил на ноги и все-таки осторожно выглянул в окно, стараясь остаться незамеченным.

— Это врачи и санитары, — раздраженно объяснил он. — Клювы — это респираторы, а блестящие глаза — стекла, вставленные в полотняные маски. Ими пользуются во время эпидемий. Понимаете, что это значит?

— Нет. Скажите вы.

— Это значит, что в Агене официально объявлена эпидемия чумы. Не пройдет и нескольких часов, как улицы будут заполнены трупами.

Скалигер вскрикнул. В этот момент раздался громкий стук в дверь. Итальянец разинул рот и всплеснул руками.

— Alarbres! Они уже здесь!

Молинас пожал плечами.

— Да нет же! Вы что, не узнаете стука? Это же ваш друг Нотрдам. Иду прятаться в обычное укрытие.

Скалигер в тревоге переплел и заломил пальцы.

— Как я могу ему открыть? Может, он уже зачумлен. Еще умрет здесь и всех заразит!

— Такие, как он, так просто не умирают. Не тратьте времени, спрячьте меня и ступайте открывать.

Повинуясь его приказам, Скалигер распахнул почти невидимую дверцу в стене за кирасой, пропустил Молинаса вперед и осторожно закрыл ее за гостем. Снова послышался стук в дверь. Скалигер пошел было открывать, но его опередила служанка, быстрыми шагами спустившаяся по лестнице. Через минуту ее голова просунулась в гостиную. Она, казалось, удивилась, застав хозяина одного.

— Там господин Мишель де Нотрдам. Он хочет поговорить с вами, — объявила она с одышкой.

Итальянец вздохнул.

— Ладно, пусть войдет.

Нотрдам шумно ворвался в гостиную, что было для него необычно.

— Господин Скалигер, вы знаете новости? — спросил он с ходу.

— Знаю. В городе чума.

— Да нет, я не об этом. Я только что получил потрясающее известие. Два дня назад скончался дофин.

В темноте своего чуланчика Молинас прильнул ухом к тонкой дверце. Сердце у него сильно заколотилось, и удары отдавались в висках. Он затаил дыхание, изо всех сил напрягая слух. Скалигер, казалось, больше удивился, чем огорчился.

— Это несчастье, большое несчастье, — сказал он так тихо, что Молинас скорее почувствовал его слова, чем услышал. — Такой верный монархии человек, как я, служивший в Италии господину Лотреку, должен скорбно склонить голову перед трагедией, которая...

— Вы меня не поняли! — прозвучал в чуланчике раздраженный голос Нотрдама. — Дофин умер, выпив стакан воды! И подозревают, что его отравил граф Себастьяно Монтекукколи!

— Да, но что все это может значить?

— Вы не помните? Ведь вы рассказывали, что два года назад после очередного приступа ваша жена говорила, что видела, как дофин тонул, и причиной его смерти назвала графа Себастьяно.

— А ведь вы правы! Во имя Господа, это чудо!

— Это не чудо! — ликовал Нотрдам. — Это подтверждение моих изысканий. Где теперь ваша жена?

— Она отдыхает наверху. Вы знаете, она снова беременна.

— Можете провести меня к ней?

— Да, но...

— Вот и прекрасно. Идемте.

Молинас подождал, пока двое выйдут из комнаты, и осторожно открыл дверь чуланчика. Услышав, что и на лестнице стихли, он выскользнул из своего укрытия, тщательно закрыв дверцу. Быстро и бесшумно миновав коридор, он открыл засов и вышел на улицу. Плащ он набросил так, чтобы нижняя часть лица была закрыта.

На залитой ярким солнцем улице разворачивалась сцена, напоминающая ночной кошмар. Врачи, медленно и неуклюже двигаясь в тяжелых кожаных жилетах, засовывали во все щели длинные трубки, из которых опрыскивали все подряд эссенциями алоэ и мускуса. В своих угловатых гротескных масках они походили на чудовищных кур, чем приводили в ужас и наводили панику на всех, кто глядел на них сквозь закрытые ставни. Прохожих не было, разве что пара беженцев, оставшихся без приюта, да дрожащий в лихорадке солдат, обнявший столб. В удушливом зловонном воздухе дребезжал далекий колокольчик. Может, это была повозка *alarbres*. Вскоре ему ответил мощным набатом колокол кафедрального собора.

Молинас двинулся по улице. Как он и ожидал, двое птицеподобных медиков преградили ему дорогу.

— Куда вы идете? — спросил тот, что был пониже ростом.

— К дому господина Мишеля де Нотрдама, аптекаря. Моей семье нужны мази.

Медик вздрогнул и обернулся к товарищу.

— Мишель живет здесь?

Тот кивнул.

— Да, а ты не знал? Он уже много лет как здесь поселился. А раньше здесь жил Франсуа Рабле.

Тот, что пониже ростом, поглядел на Молинаса.

— Кажется, где-то я вас видел, но могу и ошибаться. Послушайте, мэтр Широн, которого король назначил сюда магистратом здравоохранения, приказал всем сидеть по домам. Но если вы идете к Нотрдаму, мы не станем вас задерживать. Передайте ему, пожалуйста, что в городе два его старых друга — Гийом Рондле и Франсуа Робине, и они будут рады его видеть.

Молинас мысленно поблагодарил ворот плаща, который скрыл от этих двоих, как дернулся его кадык. Рондле он помнил прекрасно, а вот образ Робине стерся из памяти. Судя по росту, это мог быть самый высокий из тех парней, что избили его много лет назад в Монпелье. Он слегка поклонился и пробормотал:

— Благодарю вас, господа, от имени жены и детей. Не премину передать ваш привет.

И быстро за ал прочь.

Он слишком хорошо знал, где живет Нотрдам. Теперь сбоку к скромному, но богато украшенному палаццо прилепилась крытая тентом деревянная постройка. Маленькая вывеска на греческом, выведенная готическим шрифтом, гласила: «*Apotheke*», и сбоку была пририсована змея. За накрытой скатертью стойкой, где стояли мензурки, чашки и вазочки, никого не было.

Улица была пуста, только несколько прованских беженцев, не обращая внимания на эпидемию, делили свой скудный обед. А чуть поодаль солдаты, вернувшиеся с войны, уже без тесных шлемов, но еще в кольчугах, сидели на лавке возле брошенной прачечной и галдели, передавая друг другу фьяску с вином. Молинас направился прямо к главному входу в жилище Нотрдама и дважды постучал дверным молоточком. Прошло несколько минут, потом женский голос спросил:

— Кто там?

— Это я, Магдалена, быстро открой.

За дверью явно возникло замешательство, потом снова раздался голос:

— Сейчас вернется муж. Вы же не хотите, чтобы он застал вас здесь?

— Нет, скоро он не вернется. Открывай и не упрямься!

Послышалось звяканье запоров, и дверь открылась.

Молинас по-хозяйски прошел через прохладный и влажный вестибюль. Только подойдя к лестнице, ведущей в кабинет, он оглянулся на Магдалену, державшую за руки детей. Мальчик был побойчее, а девочка цеплялась за мать. Магдалена была все еще очень красива, если не считать неровной, порченной кожи. Красное пятно на правой щеке было явным следом недавней пощечины, трещины на коже говорили о частом использовании абразивной косметики.

Молинас указал на кабинет.

— Пойдем, устроимся там. И будет лучше, если ты отошлешь детей спать.

Магдалена покачала головой.

— Нет, в это время они не заснут, и скоро мне надо кормить Присциллу. У меня нет ни кормилицы, ни женщины, которая помогала бы за ними присматривать.

— Мишель скуп на расходы?

— Это не его вина. Он совсем недавно открыл аптеку, и она приносит мало дохода.

Молинас вошел в кабинет и с хозяйским видом уселся в кресло у окна. Магдалена устроилась на диване, взяв на руки Присциллу, а Рене играл рядом на коврике.

Молинас пристально разглядывал Магдалену, пытаясь ее смутить. Поняв, что его усилия напрасны, он резко бросил:

— Я уже давно не получал твоих отчетов. Счет молчанию идет уже на месяцы.

— Хорошо еще, что я могла писать вам, пока вы были на Сицилии. Мишель не позволяет мне писать и не дает бумаги и перьев. — Голос Магдалены звучал с уверенностью, которая раньше была бы просто немыслима. — В конце концов, вы приезжаете так часто, что переписка теряет смысл. Не понимаю, чего вы беситесь. Вы давно могли бы покончить с Мишелем, если бы захотели.

Молинас вздохнул.

— На самом деле Нотрдам меня мало интересует. Я ищу признаки тайного заговора против христианства. Ищу следы новой церкви, гораздо более опасной, чем церковь гугенотов, потому что она пересматривает положение человека в мироздании. Ты ничего не слышала от Мишеля о церкви иллюминатов?

— Ничего. Вы уже много раз спрашивали.

— А об Ульрихе из Магонсы?

— Я уже говорила вам, что это имя он иногда повторяет по ночам, когда ему снятся кошмары. Похоже, оно вызывает безграничный ужас.

— А я уверен, что Ульрих был его наставником. Именно до него я надеюсь добраться через Мишеля. Нет в Европе уголка, где иллюминаты не оставили бы следов своей деятельности, направленной против царства Христова. Потому-то Великий инквизитор Испании и уполномочил меня являться сюда время от времени. — Молинас слишком поздно заметил, что пытается оправдать свои действия перед женщиной. Он закусил губу и попытался отвлечь внимание Магдалены единственным возможным способом: — Я вижу, твой Мишель продолжает тебя бить?

Магдалена машинально поднесла руку к щеке и смущенно пробормотала:

— Теперь гораздо реже. Не так, как раньше. Правда, нельзя сказать, что он стал ко мне добрее, когда я родила ему детей. — Она протянула руку и положила ее на хрупкое плечико девочки, сидевшей у нее на коленях. — Но он не упрекает меня больше за то, что у меня не было приданого. Он прекрасный отец.

— Но отвратительный муж. — Молинас сложил руки. Наступал решающий момент задуманного им разговора, который надо было провести осторожно и логично. — Послушай, Магдалена. Мы с тобой уже давно работаем вместе. Поначалу я держал тебя шантажом. И я

себя не виню, ибо поступал так во имя Господа и дела, которому служу. Но с тех пор, как ты вышла замуж за Нотрдама, я понял, что тебя удерживают возле меня не только угрозы. Есть еще два мотива, и они гораздо сильнее.

— Какие? — спросила пораженная Магдалена.

— Во-первых, потребность в жизни более яркой и полной событиями, чем твоя грустная повседневность. Мишель держит тебя взаперти, как индюшку в клетке или как наседку. Я тебе ненавистен, но я в какой-то мере позволяю тебе разнообразить серое убожество жизни. Я заставляю тебя участвовать в игре, выходящей за эти скучные стены. Уже, по крайней мере, год ты почти любезна со мной. И не говори, что я неправильно назвал первый мотив.

— Я и не говорю, — опустил голову, тихо прошептала Магдалена.

— Но есть и еще мотив. — Довольный первым успехом, Молинас постарался не выдать радость от предвкушения второго. — Может, Мишель и любит тебя, но держит в подчинении, как вещь, которая принадлежит только ему. Он не разрешает тебе даже ходить в церковь по воскресеньям. Кроме того, ты страшишься боли, разрывающей чрево, а он хочет, чтобы ты рожала ему детей одного за другим. Совсем как эта тупоумная кукла, жена Скалигера. Не считая уже того, что Мишель всегда находит повод побить тебя и отказывает тебе в любом развлечении, если только оно не кончается родами. Тебя насилуют во всем — вот что хуже всего.

Случись это несколькими годами раньше, Магдалена расплакалась бы. Теперь же она глядела на испанца ясными и сухими глазами.

— Допустим, все это так. Что вы предлагаете?

— Стать не пассивным сотрудником, а действующим агентом инквизиции! Опереться на самую могущественную силу христианства и отомстить! Мы будем уже не хозяин и служанка, а брат и сестра в нашей миссии. Мы разоблачим Мишеля де Нотрдама и выведем на чистую воду его дьявольские замыслы и связи с проклятыми иллюминатами! Уничтожить человека, который бьет и унижает тебя. Освободить тебя и твоих детей от мучителя и не подчиняться больше его воле. В общем, ты поняла... Что скажешь?

Наступило короткое молчание, потом, вместо ответа, Магдалена спросила:

— Что я должна делать?

— Ничего, кроме того, что уже делаешь, но с большей отдачей. Мне нужны сведения о Саразене, с которым так дружен твой муж. Мне нужны описания всех трав и мазей, которые он держит в лаборатории на чердаке. Я должен знать названия всех новых текстов, которые он изучает. Кстати, вспоминает он о той книге, что я у него забрал?

— Все время. Наверное, там содержалось что-то очень важное.

— Так... В общем, ты понимаешь, чего я добиваюсь от тебя. Согласна?

Магдалена нахмурила лоб, немного помолчала и кивнула:

— Согласна.

— Очень хорошо. — Молинас был в восторге, и, наверное, эйфория, вызванная осознанием своей полной победы, подтолкнула его произнести слова, которых он и сам от себя не ожидал: — А теперь покажи.

— Что?

— Сама знаешь, уже показывала.

Магдалена застыла, приоткрыв рот, щеки ее зарделись, а глаза блеснули холодно и враждебно. Она крепко прижала к себе дочь и ближе придвинула сына.

— Я уже не та, что прежде, — решительно прошипела она. — Я мать, и вы не можете требовать от меня таких вещей.

Молинас понял, что неизвестный демон заставил его совершить непоправимую ошибку. Капли пота выступили у него на лбу. Он попытался выправить ситуацию, но оправдание получилось еще более неуклюжим:

— Прости, я не хотел говорить того, что сказал... Дьявол овладел мною, сам не знаю как... Я не хотел тебя понуждать, я хотел... Я думал, ты это делаешь по доброй воле...

— По доброй воле?! — Негодование захлестнуло Магдалену. Она схватила дочь и бросилась к окну. — Помогите! В моем доме испанец! — закричала она, свесившись на улицу.

Молинас в испуге вскочил.

— Что ты делаешь? Учти, что...

С улицы раздался сиплый от вина голос:

— В чем дело, мадам?

— Здесь испанский солдат! — орала Магдалена. — Из войска Карла Пятого! Он хочет меня изнасиловать!

Снаружи раздался рев. Молинас, яростно вскрикнув, бросился к выходу. Оказавшись на улице, он увидел, что за ним гонятся беженцы и солдаты. Испанец попытался вытащить из-под плаща шпагу, но она выскользнула из руки и со звоном покатилась по мостовой.

Что есть духу помчался он к площади, откуда выезжала повозка, груженная трупами. Плащ сковывал движения, и он безуспешно пытался сбросить его на бегу. В этот момент булыжник ударил его по затылку.

Молинас всем телом рухнул вперед, кровь из разбитого носа залила лицо. Сквозь шум в ушах он различил победные крики преследователей и звон чумного набата.

ПРЕЛЮДИЯ К ТРАГЕДИИ

Заседание городского парламента Агена, обычно нудное и скучное, нынче проходило необыкновенно оживленно. Скамьи на хорах церкви Святого Петра, где проходило заседание, скрипели под парламентариями, увлеченными жаркой дискуссией. Бальи, сидящий в центре, с трудом сдерживал страсти и поминутно обращался к сидевшему рядом с ним мэтру Жану Широу, который был приглашен на заседание как назначенный королевским указом главный магистрат по здравоохранению в регионе, включая Лангедок и Гасконь. Время от времени он поворачивался в другую сторону, утихомиривая казначея и хранителя ключей Агена Жюля Сезара Скалигера. Тот либо горестно и гневно молчал, либо разражался бранью в адрес парламентариев, по большей части напрасно.

Мишель де Нотрдам явился с опозданием, поправляя на голове шапочку с красным помпоном. Заметив свободное место, он уселся, сдерживая дыхание. Широ сидел как раз напротив. Мишель приветствовал его жестом. Тот, казалось, его не признал, но знакомой шапочкой заинтересовался. Впрочем, скоро его взгляд скользнул в другую сторону.

Один из присутствующих вскочил на ноги и порывисто заговорил:

— Знаете, почему здесь нет никого из знати? Потому что, едва услышав о чуме, они укрылись в своих замках! И снова нам, нотаблям и горожанам, приходится, с риском для жизни, брать на себя заботу о судьбе города!

Бальи развел руками.

— Так всегда было и всегда будет. Что поделаешь?

— Что поделаешь? — Парламентарий ожесточился. — Я вам скажу что. Настанет день, и мы перестанем работать на паразитов-аристократов, лишенных гражданского чувства и занятых только своими аморальными забавами! Что изменилось в Агене с их отъездом? Ничего. Мы даже не заметили. И если они уберутся навсегда, мы сможем сами управлять городом, как нынче!

Мишеля такой разговор смутил и обеспокоил. Не то чтобы он был совсем неубедителен, но сильно отдавал нападением на монархию. На счастье, спорщика оборвал коллега из глубины хоров:

— Замолчи! Ты рассуждаешь как гугенот!

Завязалась перепалка. По крайней мере четверо из присутствующих были гугеноты. В теории они считались вне закона уже года два и подлежали казни колесованием, но число их было таково, что почти на всей территории Франции свирепый закон о еретиках от 11 января 1535 года оставался законом на бумаге.

Потому-то некоторые из парламентариев ответили негодованием. Однако бальи нашел слова, которые успокоили всех:

— Господа, в городе чума! Может, вы об этом позабыли? Чума!

Неожиданно стало тихо. Воспользовавшись кратким мигом порядка, бальи обратился к мэтру Широну:

— Господин главный магистрат, не соблаговолите ли разъяснить нам ситуацию?

Медик поднялся со скамьи и обвел аудиторию суровым взглядом.

— Я буду краток. Мертвых пока относительно немного, но заболевших множество. Могу предвидеть, что завтра придется похоронить человек пятьдесят, а в последующие дни ситуация ухудшится. Мы принимаем все известные нам меры гигиены, но город обречен.

По хорам пробежала дрожь. Лысый старик, судя по черному платью, нотариус или адвокат, покачал головой.

— Мы принимаем слишком много беженцев. Давно известно, что вслед за войной приходит чума. Весь Прованс заражен. Беженец стал ходячей опасностью для себя и других.

Широн поднял палец.

— Приказ давать приют беженцам исходит от самого его величества Франциска Первого, — проскандировал он. — От себя добавлю, что это акт христианского милосердия. Ни Аген, ни другие города вдоль по течению Гаронны не могут считать себя свободными от выполнения указа.

— Браво, прекрасно сказано! — Молодой священник по имени Михаэлис, видимо пришедший на заседание парламента как представитель духовенства, восторженно раскинул руки. — Друзья, прежде чем винить во всем несчастных, бегущих от голода и тягот войны, подумайте о более надежной гипотезе. Нам известно, что в городе есть императорские лазутчики. А не кажется ли вам логичным предположить, что это они заражают город чумой, чтобы ослабить нас и облегчить имперским войскам оккупацию наших земель?

Аудитория обменялась растерянными взглядами.

— Лазутчики? Какие лазутчики? — спросил кто-то.

Бальи поднялся с места.

— Падре Михаэлис прав. В это воскресенье был арестован испанец, личность которого никто не смог опознать. Мои гвардейцы вовремя его спасли, иначе провансальские солдаты наверняка убили бы его. Теперь он заключен в камеру, но так плох, что я не смог его допросить.

Скалигер побледнел.

— А где его схватили? — спросил он дрожащим голосом.

— В доме одной молодой дамы, куда он вломился, чтобы совершить насилие, — объяснил бальи. Потом воскликнул: — О, да я вижу здесь ее мужа! Месье Нотрдам, расскажите, что случилось с вашей бесстрашной супругой?

Мишель, насупившийся при упоминании об испанце, внезапно вздрогнул. В этот вечер его не было дома. Он часа два провел у жены Скалигера, потом Саразен пригласил его поужинать. По дороге он узнал о созыве городского парламента и помчался сюда. Но никогда в жизни он не сознался бы в том, что ничего не знает.

— Прошу прощения, господин бальи, но мне тяжело говорить о таком ужасном событии.

— Мишель де Нотрдам! Теперь я вас узнаю! — вскричал, засветившись улыбкой, мэтр Широн. Он обернулся к советникам: — Господа! В это трудное время вы получили настоящий подарок судьбы. Этому молодому врачу шесть лет назад удалось ликвидировать очаг чумной инфекции в Монпелье. Я назначаю его своим помощником и прошу вас всячески ему содействовать.

В других обстоятельствах Мишель был бы польщен такой честью. Но сейчас его мысли были заняты женой и тем видением на чердаке, в котором с ней разговаривал человек в черном плаще. Почти машинально он наклонил голову.

— Я к вашим услугам.

Бальи выглядел довольным.

— Месье Нотрдам известен в городе как прекрасный аптекарь и человек безупречного поведения. Все мы будем рады его врачебной деятельности. Не так ли?

Все согласились, кроме Скалигера, который был явно раздосадован.

— Господин бальи, мэтр Широн, ваш выбор разумен и уместен. Но я полагаю, что рядом с месье Нотрдамом должен находиться человек, более опытный и сведущий в медицинской науке, объединяющей теорию с гуманностью.

— Вы имеете в виду кого-то конкретно? — спросил Широн.

— Если бы мне не препятствовала скромность, я предложил бы себя. Не думаю, что дружище Нотрдам знаком с книгой Джероламо Кардано «De malo medendi uso»,²⁸ которую мне только что прислали из Венеции. Она едва вышла из печати...

— Это такая ценная книга?

— О нет, в ней столько ошибок, что ничего не разобрать. И этот Кардано кажется просто придурком. Однако...

Широн сухо взмахнул рукой.

— Я не нуждаюсь в других помощниках, кроме месье Нотрдама. А теперь, если позволите, я должен с ним побеседовать.

Он сошел по ступенькам и сделал Мишелю знак следовать за ним. Они миновали алтарь и оказались в нефе, заполненном каким-то пахучим дымком. Священник в связи с эпидемией и заседанием парламента подмешал к традиционным воскурениям алоэ и еще какие-то вещества. В результате в нефе стало нечем дышать.

— Подадите мне руку? — спросил Широн, когда они поравнялись с чашей со святой водой. — Рабле тогда объяснил мне, какова была ваша роль в победе над эпидемией в Монпелье. Я мог бы наградить вас титулом *conseruator pestis*,²⁹ а также небольшим наделом.

Держа шапочку в руке, Мишель низко поклонился, продемонстрировав намечающуюся лысину.

— Я охотно буду помогать вам, мэтр, и без официального назначения. Теперь же прошу отпустить меня домой. Вы слышали, что произошло с моей женой.

— Да-да, конечно, вы сейчас ей нужны, — кивнул Широн. — Идите, увидимся здесь же завтра утром.

Мишель перекрестился и быстро вышел. Аген опустел, сквозь закрытые ставни доносились стоны больных и детский плач. Вдалеке раздавался колокольный звон и похабные песни *alarbres*, которые могли выполнять свою ужасную работу, только крепко выпив. Их ряды постоянно пополнялись вернувшимися солдатами.

Мишель заметил, что у круглой луны, висящей посреди беззвездного неба, появился красноватый оттенок. Это было дурное предзнаменование. Природная склонность к пессимизму, свойственная всем рожденным под знаком Сатурна, у него усиливалась мрачными мыслями загнанной жертвы. Испанец объявился в его доме! Насчет его личности сомнений не было. Видение, которое посетило его под действием ястребиной травы, было достаточно недвусмысленно. Он не мог понять одного только: зачем было испанцу насиловать Магдалену, чтобы сделать сообщницей.

Слезы навернулись Мишелю на глаза. Магдалена стала его крестом, вечным препятствием к осуществлению всех честолюбивых планов. Однако он все время оказывался постыдно слабее ее. В день видения он избил ее почти до беспамятства, но она не только ни в чем не созналась, но объявила, что он бредит, и даже посмеялась над ним. Ее давно следовало выгнать из дома, чтобы она подохла в каком-нибудь лупанарии. Но что скажут

²⁸ «Опыт врачевания болезней». (лат.)

²⁹ Хранящий от чумы. (лат.)

горожане? Его сочтут рогатым, а ей станут сочувствовать! И все его достоинство исчезнет, капля за каплей.

Когда он увидел свой дом и вывеску аптеки, скупые слезы превратились в безудержный плач. Эта жалкая лавчонка, поднятая с таким трудом, стала для него первым шагом к самостоятельности. Он был вынужден заниматься аптекарством, чтобы не возбуждать зависти местных врачей, всегда готовых напомнить ему о его происхождении. Он знал наверняка, что между собой они называли его *recutitus*, постыдным прозвищем, которое закрепилось за евреями, хирургическим путем убиравшими последствия обрезания. И при этом делали вид, что не замечают его католического рвення. Уже одно то, что он в изоляции, помогало избежать зависти. И вот теперь эта история с женой...

Он вытер манжетой глаза и нос, нашарил в кармане ключи от дома, но от нервного напряжения стал колотить в дверь кулаками. Не прошло и нескольких мгновений, как Магдалена открыла дверь, и он тут же набросился на нее. Схватив за горло, он прижал ее к стенке вестибюля, толкнув с такой силой, что подсвечник выпал из ее рук. Теперь только тусклая лампа освещала вестибюль.

— Как его зовут? — проревел Мишель, усиливая хватку.

Магдалена закашлялась и сиплым голосом еле слышно произнесла:

— Его зовут... Диего... Диего Доминго... Молинас.

— Ну и в добрый час. Он твой любовник?

Не похоже, чтобы Магдалена всерьез испугалась, хотя и была сильно встревожена.

— Нет... Нет... Он пытался... Причинить мне зло...

— Причинить тебе зло? Будто я тебя не знаю! — Мишель придвинул свое лицо к лицу жены. — Ты скажешь мне все, правда? Отвечай! Правда?

Магдалена, казалось, приготовилась сопротивляться, но в этот момент сверху раздался детский плач.

— Да, я все скажу, — прошептала она.

Мишель отпустил ее и втолкнул перед собой в гостиную. На пороге она обернулась и умоляюще на него взглянула.

— Позвольте мне сходить за детьми. Я не могу оставить их одних.

Он мотнул головой.

— Это твои дети. Учитывая твоё поведение, у меня нет никаких доказательств, что они мои. Успокойся, много времени это не займет. — Он зажег свечу от висевший над столом лампы и, держа ее в руке, подошел к жене, сжавшейся в комок на диване. — Диего Доминго Молинас... — пробормотал он. — Так кто же он?

Магдалена ответила без обиняков:

— Агент инквизиции Испании. Фамильо, как он себя называет.

Мишель вздрогнул.

— Испанская инквизиция! Что же им от нас надо?

— Молинас уверен, что ты занимаешься некромантией и приходишь из семьи колдунов.

— Вот оно что! Все нелепые истории моего отца, которые он сочинял, чтобы облагородить прошлое семьи, теперь обернулись против меня. — Мишель размышлял вслух, и лоб его прорезали морщины. В глубине души он понимал, что главное обвинение может быть гораздо серьезнее, но не хотел об этом даже думать. Он снова наклонился к жене. — Как давно ты с ним общаешься?

— О, еще с тех пор, как вы были студентом.

— И ты говоришь это без малейшего стыда, словно это обычное дело!

— Постарайтесь меня понять. Для меня рассказать вам все означает освободиться от тяжкого груза.

Мишелю пришлось отвести взгляд. В глазах Магдалены не было ни любви, ни покорности, ни раскаяния. В них только вспыхивало беспокойство, когда сверху доносился непрекращающийся детский плач. Мишель провел рукой по лбу, покрытому каплями пота.

— Постарайся не врать. Ты была его любовницей?

— Нет, никогда.

— Но ты шпионила за мной!

— Вот это правда. Он меня шантажировал, угрожал донести как на ведьму.

Мишель пожал плечами.

— Нынче во Франции ведьм почти не жгут. Инквизиция занята лютеранами, и ведьмы не идут с ними в сравнение.

— Несколько лет назад все было по-другому.

— Времена изменились, ты хорошо это понимаешь. Однако ты продолжала шпионить за мной. Зачем?

Магдалена была абсолютно спокойна, словно собственная дальнейшая судьба ее не волновала.

— Да, это правда, — сказала она.

— Но почему? Дай ответ, чтобы я понял причину.

Она ответила с неожиданной горячностью:

— Потому что, хоть Молинас и мерзкая тварь, он все-таки гораздо лучше вас!

Мишель словно получил сильный удар под ложечку. Чуть не выронив подсвечник, он рухнул на другой конец дивана и долго не мог вымолвить ни слова. Потом дыхание вернулось к нему.

— Неужели я тебе так ненавистен, шлюха?

— Ненавистны. Наш брак принес мне только унижения и побои. Сотрудничая с Молинасом, я мстила за себя, хотя он и змея в человеческом облике.

Воцарилось долгое молчание. Такое долгое, что даже дети наверху затихли, задохнувшись темнотой и собственным страхом. Мишель сидел, упершись локтями в колени и стиснув руками голову. Потом поднял глаза.

— Магдалена, — впервые за долгие годы он назвал жену по имени. — Знаешь, что я сделаю с тобой?

Она повела плечами.

— Наверное, убьете. Сначала побьете или изнасилуете, а потом все равно убьете. Этого требует ваша обожаемая респектабельность.

Обращение на «вы», оставшееся только у нее, теперь подчеркивало дистанцию, сверкая отточенной холодной сталью.

Мишель оторопел. Он смотрел на жену, словно увидев ее впервые. Длинные распущенные волосы были по-прежнему великолепны, как и глаза необычной синевы. Но лицо, с которого он свел веснушки, избороздили морщины, вокруг глаз залегли тени. Рот, который раньше все время улыбался, обвела глубокая скорбная складка.

Однако времени на сантименты не было. Мишель поднялся с видом властным и решительным.

— Ты приписываешь мне намерения бандита, и это только доказывает твою лживость. Но у тебя есть еще возможность оправдаться, если ответишь искренне: принимала ли ты участие в краже рукописи или нет?

Магдалена с удивлением развела руками.

— Нет. В то время мы еще не были знакомы, разве вы не помните?

— Однако ты прекрасно понимаешь, о чем идет речь. Теперь рукопись у Молинаса?

— Думаю, да. Он то и дело упоминал ее как предмет, сбивший вас с пути истинного.

— И ты знаешь, что он там нашел интересного?

— Нет... Но он все время повторял одно слово, которое, наверное, было для него мучительной загадкой.

— Что за слово?

— Абра... Абразакс.

Мишель разразился такими неистовыми проклятиями, что, находясь он в Тулузе, его бы сразу приговорили к позорному столбу. Он вскочил на ноги и указал пальцем на жену:

— Я не стану тебя ни бить, ни насиловать.

С этой минуты я с тобой развелся. Пойди заberi своих детенышей и ступай вон из моего дома. Я не желаю тебя больше видеть.

Ее била дрожь, но она и бровью не повела. Сглотнув, она тихо сказала:

— Теперь ночь, я не знаю, куда идти. Прошу вас, дайте мне остаться до утра. Обещаю, что на рассвете навсегда покину ваш дом.

— Нет, уходи сейчас. Ты оскверняешь мое жилище.

Мишель стоял, наклонив голову, и не шелохнулся, когда Магдалена устало вышла, потом вернулась с узлом вещей, на ходу одевая детей. Он спросил себя, как бы он поступил, если бы она все-таки попросила прощения, но отогнал эту мысль прочь. Теперь ему надо было сосредоточиться на другом: как объяснить горожанам изгнание своего семейства. Ясно, что он потеряет расположение многих из них, если заведет разговор о неверности жены и своем сомнительном отцовстве. Что же придумать, чтобы себя не скомпрометировать?

Он так углубился в эти мысли, что вовсе не заметил бы Магдалены, если бы не плачущие дети. С детьми на руках и с узлом вещей она брела к выходу. Мишель отвернулся, по-прежнему низко наклонив голову. Раздалось бряцанье дверной щеколды, потом порыв ветра захлопнул дверь.

С улицы донесся колокольчик чумной телеги, медленно катившей под разудалые песни пьяных *alarbres*. Мишель подошел к одному из окон, выходивших на освещенную луной улицу. Магдалена шаталась, еле удерживая на руках детей и узел с вещами. Она сделала несколько неверных шагов и затопталась на месте, не зная, куда пойти. Дорогу ей преградила телега *alarbres*.

Один из них свесился к Магдалене и что-то прокричал. Слов Мишель не расслышал, но догадался, что речь шла о шутливом и развязном предложении подвезти. К его удивлению, Магдалена кивнула. В мгновение ока движения *alarbres* изменились: двое поднимали детей, третий — узел с вещами, главный подал руку Магдалене и что-то сказал. Видимо, предупреждал не прикасаться к телам больных и умирающих. Она, казалось, его не поняла и повалилась между больными, увлекая за собой детей.

Немыслимая тоска охватила Мишеля. Он попытался открыть окно и предупредить жену, но руки дрожали, и ему не удавалось поднять шпингалеты. А когда наконец удалось, телега уже укатила, громыхая по булыжной мостовой.

Этот звук был непереносим. Мишель рванулся на чердак в поисках ястребиной травы, испытывая отчаянную потребность хоть на короткий миг забыться, уйти из этой реальности.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

В Агене не было настоящей тюрьмы, поэтому избитого, окровавленного Молинаса заперли в подвале одной из таверн с дурной репутацией. Как только двое солдат из службы бальи приволокли пленника и бросили его на пол импровизированной камеры, наместник по уголовным делам, меняла по имени Серро, усмехнувшись, указал на единственное окошко, через которое в подвал проходил воздух.

— Не стройте себе иллюзий! Решетка только кажется слабой, но вам ее не перепилить и не выломать. — Видя, что пленник не шевелится, он добавил: — В обычное время суд состоялся бы в несколько часов и вас приговорили бы к смерти. Теперь в городе чума, поэтому не удастся быстро собрать трибунал. Приготовьтесь ждать долго и не скулите! Может, для вас это и к лучшему.

Молинас еще долго оставался на полу, лицом к сырому потолку. Сырость немного успокаивала боль. Потом он очень осторожно попытался встать на четвереньки, и после многих попыток это ему удалось. Раны болели и сочились кровью. Так, стоя на четвереньках, он стал просить прощения у Бога за то, что снова позволил демону плоти одолеть себя и тем самым помешал делу борьбы с загадочной сектой иллюминатов. Молился он, как и всегда, долго, лихорадочно, дрожа всем телом. Однако вестготский Христос, который, по его

понятиям, был посредником между ним и Творцом, по всей видимости, был настроен враждебно, хотя по его лицу ничего нельзя было понять.

Молинас догадался, что от него требуют покаяния, равного совершенному греху. Возможно, и смерти, к которой его приговорят, будет недостаточно, а может, небо готовит ему иную судьбу. Неимоверным усилием он поднялся на ноги и, шатаясь, подошел к окну. У него больше не было плаща, жилет из черного бархата изорвался в клочья, а плотно облегающие панталоны были в крови. Скучный свет, проникавший сквозь решетку, позволил ему разглядеть свои свежие раны. Наверное, на спине их было не меньше.

Он осмотрелся. В подвале стояли бочки, и одна из них, совсем разошедшаяся, была стянута ржавым обручем. Хромая, кое-как добрался до этой бочки и осмотрел ее. Не без усилий ему удалось выдернуть длинный витой гвоздь. Гвоздь оказался весьма кстати.

Оставалось решить, что делать дальше. Логичнее всего было бы себя оскотить. Может, вестготский Христос этого и требовал, как некогда потребовал от Оригена. Молинас соблазнился было этой идеей, но быстро ее отверг. Такое тяжелое испытание могло вызвать летальное кровотечение, а если бы он и выжил, то наверняка остался бы во власти своих врагов.

Надо было придумать что-нибудь не менее болезненное, но не ведущее к греху самоубийства.

Он развернулся к окну и левой рукой отодвинул ткань над глубокой раной на животе. Края раны еще не сошлись, но кровь начала сворачиваться в густую бурю массу. Стиснув зубы, он быстрым, точным движением провел гвоздем по краю раны. Нечеловеческая боль пронизала тело, и свежая кровь, хлынув из-под спекшейся, залила живот.

Он нащупал еще одну рану, на груди, и повторил операцию. На этот раз ему не удалось сдержать крика. Когда он терял сознание, ему показалось, что угловатое лицо Христа сложилось в благосклонную улыбку.

Очнувшись от невыносимой боли и хорошо знакомого запаха паленого мяса. Рискнув свернуть себе челюсти, он заорал что было силы. Человек, сидевший над ним, резко отвел от раны кусок раскаленного железа, который держал пинцетом, и отбросил его.

— Готово, — послышался голос, — раны обезврежены. Не будь это полной чушью, я бы сказал, что он сам пытался их инфицировать.

Лихорадочные глаза Молинаса различили в темноте подвала еще двоих людей. Он едва видел их сквозь слезы боли, но слова, сказанные одним из них, расслышал хорошо:

— У нас и без того дел по горло, а мы теряем время с этим бедолагой. Если бы мы оставили его подыхать, никто бы не заплакал. Что тебе до него, Мишель?

— А ты его не узнаешь, Гийом? Это тот самый испанец, которого мы отделали палками в Монпелье.

Мишель де Нотрдам! Голос, несомненно, принадлежал ему. А второй, должно быть, Гийом Рондле... Голова у Молинаса вдруг совершенно прояснилась, и ясность эта затмила собою боль, которая волнами накатывала на него. Третий, самый высокий, был, конечно, Франсуа Робине. Он попал в руки своих заклятых врагов!

— И правда, это он. Ну и досталось же ему! Вроде он приходит в себя. Еще несколько минут, и мы сможем его кое о чем спросить.

— Нет, я сам им займусь, — ответил Нотрдам. — У меня с ним старые счеты. Заберите с собой железо и угли. Я догоню вас, как только смогу.

Молинас увидел, как Робине положил руку на плечо друга.

— А не опасно оставаться с ним наедине?

— Нет, ты же сам видишь, он не в состоянии мне навредить. И потом, наместник дал мне дворян для охраны: они тут неподалеку, на улице. Идите, я долго не задержусь.

Новая острая боль заставила Молинаса сомкнуть веки, и он не видел, как вышли двое медиков, но услышал, как цепочка, на которой был подвешен тазик с углями, забрякала уже на лестнице. Он чувствовал полное согласие с самим собой. Принятое мучение очистило и тело, и душу. Теперь он мог со сладострастием отдаться волнам искупительной боли.

— Не притворяйся, что ты без сознания, — жестко сказал Нотрдам. — Ты в здравом уме, как змея, которой оторвали кончик хвоста.

Отвлекшись от своей боли, Молинас открыл глаза.

— Да, я в сознании, но мне нечего вам сказать. Убирайтесь.

Первые слова дались ему с трудом, но последнее легко слетело с губ.

Нотрдам нахмурился.

— Может, я только что спас тебе жизнь. Но благодарность твоя мне не нужна. Единственное, что я хочу, это узнать, зачем ты преследуешь меня столько времени с упорством разозленного пса.

— Вы ничего не знаете и ничего не узнаете обо мне. Оставьте меня.

Сухие губы Нотрдама скривились в усмешке.

— Говоришь, ничего о тебе не знаю? Ошибаешься. Твое имя Диего Доминго Молинас, ты подданный Карла Пятого и фамилья испанской инквизиции. Ты годами преследовал меня и использовал для слежки мою жену. Ты украл у меня рукопись и возвел на меня гору обвинений, основанных на самой неприкрытой лжи. Как видишь, ты напрасно отказываешься говорить.

Несмотря на новые приступы боли, Молинас улыбнулся про себя. Ему надо было узнать, до каких пределов простирается информация, известная Нотрдаму, и теперь картина складывалась. Магдалена открыла мужу многое, но не все. Чтобы выудить из Мишеля как можно больше сведений, Молинас воспользовался не совсем невинным приемом.

— Святому трибуналу, которому я подчиняюсь, ведомо, что вы колдун, продавшийся демону, посвященный в тайны черной магии Ульрихом из Майнца во время эпидемии чумы в Бордо.

Нотрдам вздрогнул.

— Тебе это известно? — воскликнул он, потом, побледнев, сглотнул и не сразу пришел в себя. Обретя дар речи, он пробормотал дрожащим голосом: — Если ты располагаешь такой информацией, так узнай, что я уже отказался от прошлого. Я вовсе не прислужник демона и Ульриха не видел уже десять лет. У меня нет ничего общего ни с ним, ни с другими колдунами.

— Ложь! — огрызнулся Молинас. — Вы происходите из рода астрологов и колдунов! В Испании, откуда родом ваше семейство, вам уже долгие годы уготован процесс. Мы не забываем обвиняемых вашего ранга.

По измученному лицу Нотрдама пробежала тень удивления.

— Да никто из моих предков никогда не был в Испании! Все это выдумки отца... — Внезапно он заметил, что от обвинения перешел к защите, и тут же сменил тон: — Хватит! Ты, верно, придал слишком большое значение ошибкам моей молодости и явно переоценил опасность, которую я представляю. Излишне тебе возражать, тем более что ты скоро умрешь. Я убедил наместника и бальи судить тебя завтра, несмотря на эпидемию. Прижигание, которое тебе сделали, — только прелюдия к тем мукам, что ждут тебя. Ты разрушил мою жизнь и мою семью, и, Бог меня прости, я буду рад твоей смерти. Разве только... — Нотрдам сделал хорошо рассчитанную паузу. — Разве только ты скажешь мне, куда спрятал украденную рукопись. Кто дал тебе приют в Агене? Подозреваю, что рукопись у него в доме. Ну, говори, и я попытаюсь замолвить за тебя слово.

Молинас приподнял угол верхней губы.

— Вы намекаете на «Arbor Mirabilis»? На заметки этого сарацина Аль-Фараби? Ваш интерес говорит о том, что вы вовсе не порвали с Ульрихом, как пытаетесь меня убедить.

И тут Нотрдам впервые по-настоящему испугался.

— А ты что об этом знаешь? — спросил он глухо. — Ты хочешь сказать, что расшифровал...

Его прервало появление наместника Серро в сопровождении солдат.

— На счастье, население не знает, что этого испанца содержат здесь, — сказал он, спускаясь по ступенькам. — Его обвиняют в распространении чумы. Говорят, видели, как он

по ночам обмакивал платок, смоченный зараженной сывороткой, в источники воды. Весь Аген просит его выдачи.

Нотрдам указал на пленника.

— Берите его, господин наместник, он ваш. Выдайте его населению безо всяких сожалений. Несколько минут беседы с ним убедили меня, что он действительно повинен в эпидемии.

Молинас вздрогнул. Он ожидал чего угодно, но не такого поворота событий. Неужели колдун снова от него ускользнул? Благословенный Господом план уничтожения этого человека рухнул! Нет, не может быть! Должен же существовать какой-то выход! Боль, мучившая его, перестала быть наслаждением и снова превратилась просто в боль.

Серро удовлетворенно кивнул.

— Услышать эти слова от такого уважаемого человека, как вы, месье Нотрдам, все равно что услышать приговор трибунала. Конечно, я должен проконсультироваться с бальи, но думаю, что наилучшим решением будет выдать иностранца народу, который давно уже гудит у магистратуры в нетерпении свершить акт правосудия. Следуйте за мной, бальи будет рад вас видеть.

В отчаянно работавшем мозгу Молинаса всплыла подсказка, похоже, единственного пути к спасению.

— Да здравствует Лютер! — заорал он что было сил, с трудом выталкивая воздух из отбитых легких. — Смерть Папе и его прихвостням! Лютер приказал умертвить их, заразив чумой, и я выполняю его приказ! Во Франции не останется в живых ни одного католика!

Наместник, уже начавший подниматься по ступенькам, удивленно обернулся.

— Это еще что за новости? При чем тут Лютер?

Не менее удивленный Нотрдам удержал его за рукав.

— Подозреваю, что в словах этой змеи кроется ловушка. Я вовсе не убежден, что он лютеранин, иначе...

Молинас поднял палец.

— Скоро кончится тирания коррумпированной церкви-паразита! Сотни таких, как я, во всех уголках Франции будут сеять чуму, чтобы покончить с Великой Блудницей! Армагеддон, очищение! Предадим огню рассадницу греха, землю Франции!

Наместник был потрясен.

— Боже мой! Да это дикий зверь! И где-то действуют еще такие же? — Он попытался успокоиться, но безуспешно. — Но этот случай выходит за пределы обычного правосудия. Мы должны передать его в инквизицию Тулузы!

И тут Нотрдама осенило. Он схватил наместника за руку.

— Нет! Он как раз этого и добивается! Чтобы его передали инквизиции! Он сам работает на инквизицию!

— Лютер прав, пора покончить с проституцией церкви! — орал Молинас. — И ваш король Франциск должен покориться! Настало время отмщения для гугенотов, и чума станет их инструментом!

— Вы слышали? Он угрожает даже королю! — воскликнул наместник, раздраженно отстраняясь от Нотрдама. — Решать, конечно, будет бальи, но это заговор против власти! Надо, чтобы этим еретиком занялась компетентная магистратура!

— Да неужели вы не понимаете, что это трюк? — вскричал Нотрдам. — Чума не щадит и гугенотов! Этот тип просто боится толпы и нашего суда. Он никакой не еретик и никогда им не был!

Молинас заметил колебание на лице наместника. Надо было еще добавить.

— Саразен показал мне дома папистов, подлежащих суровой каре, — просипел он. — Не успеет пройти и недели, как все они умрут. Потом чума сломит сопротивление Марселя, и северные братья-лютеране повторят «римский мешок». А потом и сам король Франциск падет под ударами моих друзей, если он уже не умер!

Наместник побледнел, как мертвец, его солдаты тоже были выбиты из колеи.

— Он знает Саразена и знает, что тот принадлежит к гугенотам. Нет, за всем этим стоит нечто ужасное, тут надо разбираться. Дело идет о спасении нашего суверена и несчастного Прованса. — Он поднялся по последним ступенькам. — Месье Нотрдам, следуйте за мной, вам нельзя здесь оставаться!

— Неужели вы не понимаете, что он несет чушь? — Нотрдам был в отчаянии. — С каких это пор Карл Пятый стал лютеранином? Что же до Саразена...

Наместник покачал головой.

— Изложите свои соображения бальи. Мой долг — немедленно ему доложить. Пойдемте, не заставляйте меня терять время. — Он обернулся к одному из солдат. — Пойди и приведи всех своих товарищей, кого сможешь найти.

Толпа не должна добираться до подвала. Этот тип нужен мне живым.

Нотрдам вздохнул и пошел за магистратом. У порога он обернулся. На бескровном лице Молинаса играла мерзкая дьявольская усмешка. В этот момент стража загородила видимость, захлопнула дверь и закрыла ее на ключ.

Молинас остался один. Охватившая его на миг радость вылилась в короткий сухой смешок. Но раны и ожоги быстро напомнили о себе. Нестерпимая боль заполнила тело, затуманив сознание. Он рухнул на иол, заливаясь кровью, и стал извиваться, как червь, чтобы не впасть в беспамятство. Мозг повиновался, но ценой нечеловеческой боли, криком вырвавшейся из горла.

Он застыл, пытаясь вспомнить хоть какую-нибудь молитву, но на ум приходили всего два-три слова. Потом, к своему удивлению, он снова услышал голос Нотрдама. На этот раз голос шел из окна и говорящий казался очень взволнованным.

Окошко было далеко от того места, где лежал Молинас. Движимый любопытством, испанец пополз на животе, толкаясь локтями и коленями и пытаясь добраться до луча света. Каждое движение сопровождали спазмы жестокой боли, но усилия его были вознаграждены. Он ясно и отчетливо услышал разговор.

— Мишель, пойдем с нами, — говорил голос, который Молинас распознал как голос Рондле. — Дорогой тебе человек заразился чумой и теперь умирает.

— Дорогой мне человек? Но кто?

— Конечно, прошло много лет с тех пор, как мы видели ее в последний раз... Но мы с Робине убеждены, что это Магдалена, твоя жена.

Молинас подскочил. Нотрдам вскрикнул:

— Но этого не может быть! Вчера вечером она уехала из города вместе с детьми...

— Если это была она... я не уверен... она согласилась проехать часть пути на повозке alarbres. Контакт с больными и умершими... Сам понимаешь. Alarbres и рассказали мне... Она сошла с повозки уже в лихорадке.

— А... дети? — заикаясь, спросил Нотрдам.

— Они все время были при ней. Двое. Малышка уже умерла, а мальчик умирает рядом с матерью.

До ушей Молинаса донеслось глухое рыдание, потом хриплый голос Нотрдама произнес:

— Проводите меня к ней, прошу вас! Я не хотел...

— Чего не хотел? — спросил Робине.

Рондле вмешался:

— Оставь, Франсуа. Пойдем, Мишель, это недалеко.

Когда голоса стихли, Молинас перевернулся на спину. Несмотря на лихорадку, а может, благодаря ей мозг работал интенсивно и четко. Исчезновение Магдалены было бы ему очень на руку. Главный свидетель уходил со сцены. Из груди Молинаса вырвался вздох облегчения. Нет, не перевернута еще страница книги Божественного провидения. Все кусочки мозаики встали на свои места. Ради этого стоило принять такую жестокую и спасительную муку.

АГОНИЯ

Услышав слова друзей, Мишель бегом кинулся к лазарету, так что остальные еле за ним поспевали. Он обливался потом под жарким солнцем, висевшим над Агеном. Ему надо было добраться до лазарета раньше, чем случится непоправимое.

Теперь город имел явные черты поразивших его трагических событий. На опустевших улицах попадались только телеги *alarbres* да собаки, ищущие, чем бы поживиться. Поживы было предостаточно. Казалось, все горожане — лавочники и нищие, аристократы и священники, — прежде чем покинуть жилища и отправиться куда глаза глядят, спешили выбросить на улицу все, вплоть до орудий труда. Вот штука дорогой ткани, брошенная на палку; вот пивное заведение с перевернутой стойкой — в опрокинутых фьясках блестят еще капли жидкости. Дарохранительница валяется в сточной канаве, темной от чернил, вытекших из разбитых чернильниц писаря. Вероятнее всего, что нечистые на руку солдаты или воры-профессионалы в первые же дни эпидемии забрались в жилища умирающих, а потом и сами умерли после таких грабежей. Только *alarbres* казались неуязвимыми и — уже с утра под хмельком — то и дело пересекали сцену в спектакле, который разыгрывала смерть.

В Агене имелся свой лазарет, укрытый за мощными стенами, но больных скопилось столько, что матрасы стали класть прямо на траву перед зданием. Часть из них была закрыта тентом, а часть располагалась на солнце. На открытом воздухе невыносимый запах гнойных язв рассеивался быстрее, а лучи солнца служили бальзамом для больных, которых бил непрерывный озноб.

Растерянный Мишель бросился к травяной поляне, но навстречу ему попался сердитый Широн.

— Где вы шляетесь? — накинулся он на Мишеля. — Так-то вы мне помогаете?

Робине подошел к светилу.

— Среди больных его жена, — шепнул он.

Смущенный Широн отступил.

— Сожалею, месье Нотрдам. Конечно, позаботьтесь о ней. Если я могу вам помочь...

Они двинулись вдоль матрасов, на каждом из которых разыгрывалась своя трагедия. Дети, покрытые чумными бубонами, прижимались к матерям, лица которых изменились до неузнаваемости; бок о бок в ожидании смерти лежали супруги; сильные мужчины, не веря в болезнь, ощупывали грудь руками, а из-под пальцев сочились потоки зловонного гноя. Среди этого кошмара, как призраки, бродили медики с птичьими головами и стеклянными глазами. Движения их были замедленны из-за тяжелых кожаных жилетов.

— Мы пришли. Она под этим тентом, — сказал Робине, который показывал дорогу.

Поначалу Мишель заметил только широкую спину человека, склонившегося над чем-то, завернутым в тряпку. Услышав и, он с недовольным видом обернулся. Распахнутая белая рубаха обнажала мощный торс, среди густой растительности на груди поблескивала золотая цепь, которая одинаково могла бы принадлежать и рыцарю, и прелату.

— Можешь идти, добрый человек, — сказал ему Робине. — У тебя нет больше причины здесь оставаться. Пришел муж.

— А, это и есть муж? — взревел гигант, выпрямившись во весь рост перед Мишелем. — Слушай, парень, я каналья и того не отрицаю. Но ты в тысячу раз меня хуже. Ты самый отвратительный из убийц и сам это знаешь, правда?

Рондле тронул его за руку.

— Ладно, иди. Ты и так сделал больше, чем должен был. — Он подождал, пока тот отвернется, потом шепнул Мишелю: — Это тот самый *alarbre*, который вчера вечером подобрал твою жену. Если это действительно она...

Это была она. Завернутая в тряпье, переодетая в рубаху, которая не могла скрыть жуткие темные пятна под мышками, она была по-прежнему прекрасна. Она крепко прижимала к себе Рене, но, похоже, мальчик уже не дышал. Видимо, врачи оставили ей

ребенка из чистого милосердия.

— Будет лучше, если мы тебя с ней оставим, — прошептал Рондле. — Мы будем рядом.

Подай знак, если понадобится помощь.

Этой минуты Мишель боялся больше всего. Магдалена подняла на него блестящие от лихорадки синие глаза и долго вглядывалась, словно силясь понять, кто это. С ее губ слетел сиплый шепот, никому не адресованный:

— Где моя девочка? Почему ее у меня отобрали?

На Мишеля постепенно сходило просветление. Он с радостью убежал бы далеко отсюда, но понимал, что не сможет. Он глядел на завернутое в тряпку тело, которое столько раз бил и насиловал, подчиняя, как вещь, своим желаниям. Он старался думать о той Магдалене, что шпионила за ним и предавала его, но ничего не получалось: все обвинения утекали, как песок между пальцев. Теперь же ему предстояло то, что пугало больше всего: заговорить с ней.

— Ты поправишься, Магдалена, я уверен, ты поправишься.

Она прищурилась, стараясь пристальнее взглянуть в говорившего.

— Мишель? — сказала она наконец, борясь со спазмом, сводившим губы. — Это ты?

— Это я. — В горле застрял комок, и Мишель закашлялся, не сразу обретя дар речи. —

Поверь, сейчас я охотно обменял бы свою жизнь на твою.

Ответ Магдалены был абсолютно неожиданным.

— Ты бы лучше поменялся жизнью с Присциллой. Ее унесли совсем недавно. Наверное, она умерла.

Он содрогнулся и не нашел ничего лучше, чем продолжить вранье.

— Нет, нет, она жива, наша девочка жива!

— Вчера она не была нашей, она была только моей. Как и Рене. Но боюсь, он тоже умер.

Мишель был потрясен. Он ожидал слез, упреков, на худой конец, болезненного безразличия, но поведение Магдалены не укладывалось ни в одну схему. Может, это от жара? Надо было ей помочь.

— Послушай, — сказал он взволнованно. — Я знаю, что очень виноват перед тобой и всю жизнь буду искупать свою вину. Но ты должна выздороветь. Я верю, мы будем счастливы вместе. Мы должны быть счастливы! У меня есть средства от чумы, известные только мне. Я пойду домой и принесу...

— Нет, не уходи.

В словах, сказанных сдавленным голосом, прозвучала страстная настойчивость. Слезы заволокли глаза Мишеля, в носу защипало и захлюпало. Он нашел руки жены, сжимавшие трупик ребенка, и нежно их погладил.

— Я знаю, ты поправишься, многие поправляются!

Магдалена, казалось, не слышала его.

— Не уходи, — повторила она, встряхнув рыжими волосами. — Неопознанные трупы сбрасывают в общие могилы. Я хочу, чтобы меня похоронили в собственной могиле, и моих детей тоже. Ты один можешь гарантировать опознание. Я бы хотела, чтобы и Присцилла была здесь, но боюсь, ее уже похоронили.

Мишель впал в безграничное отчаяние. Он словно к стенке обращался: его не слышали. Сдерживая слезы, он обрушился на виновника своих бед:

— Это все Молинас! Если бы эта змея не вползла в нашу жизнь, как мы были бы счастливы! Этот человек — настоящий Вельзевул, зло во плоти!

Магдалена дернулась всем телом, может, от приступа озноба. Рене выскользнул из ее рук и остался лежать на земле — маленькое тихое тельце. Но она ничего не заметила и продолжала прижимать к себе пустые руки. По запекшимся губам вдруг пробежала усмешка.

— Как все странно в жизни! — прошептала она. — Молинас казался последним негодяем, а в этой комедии получился лучшим. Он использовал меня, веря, что делает благое

дело. Он пользовался моим телом, но ни разу ко мне не прикоснулся: ему просто надо было избавиться от наваждения, которое мучило его. Он знает, что такое быть мышью, и думаю, страдает от этого. И в глубине души первый себя за это презирает. И не добивается никакой респектабельности.

Мишель не понял. А если бы и понял, то отогнал бы от себя эту мысль, все списав на лихорадочный бред. В здравом уме ни одна женщина не смогла бы произнести таких сложных и дерзких фраз. Он перестал плакать и подозвал к себе Рондле, облаченного в кожаный жилет, увенчанный «курью головой». Тот сразу подошел.

— Что случилось?

Нагнувшись над Рене, он попытался приподнять его голову, но тут же выпустил, и она снова упала.

Мишель указал на Магдалену.

— Можно перенести ее ко мне в дом? Я сам буду за ней ухаживать...

— Конечно. Указом бальи это, правда, запрещено, но я уверен, что мэтр Широн...

— Я не хочу к нему в дом, — сказала Магдалена дрожащим, но решительным голосом. Она смотрела в пустоту, а руки ее были сложены под грудью так, словно все еще держали ребенка. Она, казалось, уже ничего не видела и не чувствовала, но разум оставался ясным, и болезнь только обостряла эту таинственную просветленность. — Я не хочу к нему в дом, — повторила она. — Его дом был тюрьмой.

Заметив смущение Мишеля, Рондле сказал:

— Подумайте хорошенько, мадам. Вы же знаете, что ваш муж — талантливый врач и он вылечил многих зачумленных. Ваша судьба в руках Господа.

И тут Магдалена еще раз всех удивила.

— Лучше уж руки Господа, чем руки респектабельного господина.

Рондле пристально взглянул в лицо Мишеля.

— Наверное, это была очень умная женщина.

— О да. — Мишель стиснул руки. Однако отчаяние не помешало ему прибавить: — Хотя и очень низкого происхождения.

В этот момент Магдалена хрипло вскрикнула. Должно быть, к ней вернулась чувствительность, и она поняла, что руки пусты.

— А где Рене? Его вы тоже куда-то унесли?

Рондле склонился над матрасом.

— К несчастью, мадам, Рене больше нет. — Он не решался прикоснуться к лежащему на земле тельцу: боялся, что мать его увидит. — Обещаю, что его похоронят по-христиански.

— Тогда у меня больше никого нет. Если бы сестры были живы, они пришли бы сюда. Мне осталось только самой умереть.

— Где священник? Не может быть, чтобы тут не было священника! — спохватился Мишель. Эта странная сцена была ему невыносима, и он изо всех сил пытался втиснуть ее пусть в трагическую, но понятную ему рамку. — Кто отправляет таинства на этом поле? Рондле собрался было ответить, но Магдалена тихо перебила его:

— Священники были моими первыми любовниками. Мне тогда исполнилось одиннадцать... Не хочу, чтобы они же стали последними.

— Хватит! Не богохульствуй! — Мишель наклонился и с усилием поднял на руки хрупкое тело, не обращая внимания на резкий запах гниения. Он с вызовом обернулся к Рондле и подходящему к ним Робине, тоже одетому в кожаный жилет. — Я забираю ее, — сказал он решительно.

Уходя, он явственно слышал голоса друзей.

— У меня нет слов, — прошептал Рондле. — Не знаю, кто эта женщина — ангел или дьявол.

— Ангелы и дьяволы одной породы, — философски заметил Робине. — Пойдем, у нас еще много больных.

При выходе из лазарета, с мукой прижимая к себе жену, Мишель увидел, что ему

навстречу движется еще одна «курья голова». Когда существо сняло маску, он узнал Филибера Саразена. Нос его раздулся от вставленных в ноздри ватных шариков с дезинфицирующими растворами. Мишель с облегчением рванулся ему навстречу.

— Филибер, нет ли какой телеги? Я должен отвезти Магдалену домой.

— Здесь телеги есть только у *alarbres*. Хотя я могу для тебя поискать... — Он вдруг осекся, подошел к Магдалене, обвисшей на руках Мишеля, и приподнял ей лицо. — А ты уверен, что она еще дышит? — неожиданно резко спросил он.

— Конечно. Еще минуту назад... — Ужасное подозрение пронизало мозг Мишеля. Тело, которое он прижимал к груди, больше не горело в лихорадке. — Она не могла умереть... Чума не протекает так быстро.

Саразен мрачно положил руку на сердце Магдалены и тут же отдернул.

— Опусти ее на землю, Мишель. Магдалены больше нет.

Мишель сдавленно вскрикнул и крепче прижал жену к груди, словно ограждая от опасности. Руки ощутили холод, которого он раньше не замечал.

Саразен покачал головой.

— Положи ее на землю. Ты добрый христианин и знаешь, что она продолжает жить в ином мире. Тебе же остается только мужаться.

Мишель снова заплакал, но на этот раз повиновался. Он осторожно опустил тело Магдалены на землю. Слезы бежали по его лицу и бороде. Он упал на колени, нежно провел рукой по лбу жены, поправил на ней рубашку.

— Иди домой, Мишель, — медленно и тяжело сказал Саразен. — Я о ней позабочусь. Найду священника. Ее похоронят, как положено.

Смысл его слов не сразу дошел до смятенного разума Мишеля. В последний раз проведя рукой по рыжим волосам — единственному, что напоминало о прежней Магдалене, — он медленно поднялся и прошептал:

— Она хотела, чтобы ее похоронили вместе с детьми... Нашими детьми.

— Я сделаю все, чтобы их найти. Иди домой.

Мишель, как во сне, побрел к центру города. У него было такое чувство, что оторвался кусок его плоти, его жизни, его надежд. В глубине души он сознавал, что чувство это было ему внове. Он оплакивал мертвых детей, которых вовсе не любил живыми, связывая их появление на свет с бесчестным поведением жены. В его сознании зашевелилась недобрая мысль: а ведь и Магдалена могла относиться к нему точно так же. Он любил ее по-своему, но считал причиной всех своих бед. И разве не он прогнал ее? Он сжалился над ней в смертный час, но жалость была только для вида. Нет, он сделал все правильно. Ее упрямое неповиновение выходило за рамки всех приличий. Не говоря уже о том, что она шпионила за ним.

Однако, как он ни старался, ему не удавалось повернуть мысли в этом направлении. Узы религии и обычаев вдруг ослабли. Он молил Бога, чтобы тот дал ему силы избавиться от слез и страданий. Но слезы так и катились по щекам. Может, это яркое полуденное солнце било в глаза... Это неприлично, уговаривал он себя. И вдруг понял: в его борьбу за собственную респектабельность все еще вмешивалась посторонняя злая сила.

Эта сила имела ненавистное имя: Молинас! И с этой минуты Мишель уже не мог думать ни о чем другом. Это Молинас вторгся в его жизнь, искушал Магдалену, заставлял его совершать нелепые поступки. Он должен понести кару, и нечего ждать вердикта ни церковного, ни светского правосудия. Испанец все равно вывернется. Как тогда, в лазарете, он испытал огромное облегчение от возможности назвать по имени козла отпущения, отмести все сомнения, разрешить противоречия. Поэтому, хотя в душе и звучали отголоски угрызений совести, плакать Мишель перестал.

Добравшись до центра города, он направился к ратуше, надеясь застать там толпу, требующую казнить иностранца. Он бы сам повел горожан к подвалу, где сидела пойманная крыса. Однако обилие похоронных повозок быстро заставило людей сообразить, что собираться в толпы небезопасно. Площадь была пуста, и в ратуше, похоже, тоже никого не

было. Может, бальи вслед за аристократами отправился в загородный замок? И гвардейцы все куда-то подевались...

Мишель понял, что выбора нет и ему придется защищать свою честь в одиночку. И никто не осмелится его в этом винить. Он побрел среди домиков из серого камня с разрушенными стенами, перешагивая через валяющуюся на мостовой домашнюю утварь. Наконец ему попала на глаза нужная вещь: кинжал ландскнехта, *cinquedeas*,³⁰ как его называли, потому что у основания он был шириной в пять пальцев. Должно быть, это редкое оружие завез в Аген какой-нибудь разбойник или вернувшийся солдат.

Он поднял кинжал и спрятал его за жилет. Не успел он оправить платье, как ему пришлось вжаться в стену: мимо пролетела запряженная четверкой лошадей черная карета, подпрыгивая на валявшихся повсюду вещах. Вероятно, какой-то запоздавший аристократ спешил прочь из города. Оторвавшись от стены, Мишель поправил складки на рубашке, чтобы кинжал не торчал наружу, и направился к кабачку, подвал которого служил арестантской камерой.

Подойдя, он увидел, что какой-то распаренный от жары солдат запирает двери на замок.

— Подождите! — закричал Мишель. — Мне надо повидаться с заключенным!

— С каким еще заключенным?

— С испанцем, которого заперли в подвале.

Солдат — тощий молодой парень — снял с головы раскаленный шлем.

— Поздно пришли. Его увезли отсюда.

— Увезли? Кто увез?

— Ни больше, ни меньше, как сам кардинал делла Ровере, которого в Агене давненько не видели. Кажись, явился по поручению инквизиции Тулузы. Да его карета должна была попасться вам навстречу: черная, без опознавательных знаков.

У Мишеля перехватило дыхание.

— А вы не знаете, где наместник? Мне очень срочно надо с ним поговорить.

— Он сидел в карете с кардиналом и заключенным. — Солдат ухмыльнулся, обнажив гнилые, наполовину выбитые зубы. — Если вы одна из жертв испанца, успокойтесь. Его так отделали, что смотреть жалко. Кровь так и капала, пока его тащили в карету. И потом, инквизиция не жалуется тех, кто попал к ней в лапы. Не хотел бы я оказаться на месте этого иностранца.

Ничего не ответив, Мишель повернулся и пошел прочь. Некоторое время спустя он выбросил кинжал в пыль сухой сточной канавы, спугнув сонное гнездо скорпионов.

Потеря личного козла отпущения произвела действие, которого он опасался. В памяти всплыл образ умирающей Магдалены, ее глаза, влажные, бесконечно далекие.

И он почувствовал неодолимую потребность в дозе пиллозеллы.

ПЯТЫЙ ИНКВИЗИТОР

Молодой доминиканец оставил Диего Доминго Молинаса под аркадой монастыря Сан-Томмазо, кишевшего фамилии, и удалился. Ждать пришлось недолго.

— Главный прокурор сейчас вас примет, — объявил священник. — Постарайтесь не занять слишком много времени.

— Но я должен видеть Великого инквизитора! — запротестовал Молинас. — Я подчиняюсь только ему!

Доминиканец приподнял бровь.

— Вы, должно быть, давно не были в Испании?

— Да, года два.

³⁰ Cinquedeas (*ит.*) — дословно: пять пальцев, пятерня. (*Прим. ред.*)

— И когда вы в последний раз виделись с Его Святейшеством кардиналом Манрике?

— Лет пять тому назад.

— С тех пор многое изменилось. — Монах указал на распахнутую дверь, украшенную по бокам гербами правящего дома. — Не угодно ли следовать за мной?

Они вошли в просторный зал со стрельчатыми сводами, когда-то служивший трапезной. Теперь он был заставлен длинными столами с кипами бумаг. Человек двадцать писцов скрипели гусиными перьями, переписывая протоколы и мандаты, и тут же запечатывали их вместе с предписаниями для рассылки во все районы Европы и Америки. Два нотариуса, расположившись на возвышении, заверяли работу писцов и разъясняли им непонятные места.

В запутанных лабиринтах основанного самим Торквемадой монастыря Сан-Томмазо, снабженного тремя внутренними дворами, размещался один из самых мощных бюрократических центров Европы. В том была и заслуга Альфонсо Манрике, формально кардинала Севильи, а реально Пятого Великого инквизитора и ангела-хранителя Супремы. С 1523 года, приняв эту должность, он удерживал сложную структуру испанской инквизиции, включая и заморские ее филиалы, в состоянии устойчивого равновесия, своевременно предупреждая все кризисы, которые угрожали ее существованию. Теперь, в 1538 году, инквизиция благодаря своей необычайной разветвленности составляла конкуренцию короне. Она опиралась на тысячи агентов, верность которых подтверждали свидетельства о чистоте крови, и имела глаза и уши во всех сферах повседневной жизни Испании, включая и преступное сообщество, именуемое Притонным братством (*Hermanidad de la Garduna*).

Из зала, куда вошел Молинас, вели двери в изолированные кабинеты. В один из них его и провели. Доминиканец представил его в нескольких словах:

— Господин прокурор, вот человек, который утверждает, что он личный фамильо Великого инквизитора.

Затем он почтительно удалился.

За письменным столом сидел оливково-смуглый человек лет пятидесяти. Заостренные черты лица и абсолютно лысый череп странно сочетались с тонкими напыженными усиками и длинной, до пояса, ухоженной бородой. Черные, глубоко посаженные глаза окружали длинные, как у женщины, ресницы.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, — сказал он любезно, но слегка суетливо.

Поскольку стульев не было, Молинас расценил реплику как приглашение подойти поближе к столу, что он и сделал. Из разделенного колонкой окна за спиной генерального прокурора открывался очаровательный пейзаж, но свет, падавший из окна, рассеивался в густой пыли, которая летела с многочисленных папок с бумагами, заполнявших шкафы.

— Я понимаю, что не гожусь вам в собеседники, господин Молинас, но пятеро членов Супремы и президент Фернандо Вальдес в данный момент находятся на совещании, которое продлится все утро, — с улыбкой объяснил прокурор. — К тому же сегодня пятница, и сессия продлится до вечера.

Молинас склонился в полупоклоне.

— Для того что я имею сообщить, возможно, лучше подойдет общественный обвинитель, чем представитель Супремы. Однако все свои отчеты я обычно напрямую посылал Великому инквизитору.

— Вижу, вижу, — ответил прокурор, перелистывая лежащие перед ним бумаги. — Мне переслали ваше дело... Вот сертификат чистоты крови. В числе ваших предков нет евреев или, упаси Боже, сарацинов. Превосходно. Вот указ о вашем назначении, за подписью инквизитора Адриано... Кажется, все в порядке. Разрешите взглянуть на ваш curriculum³¹

Прошло еще несколько минут, которые Молинас провел, следя за полетом воронов за окном.

³¹ Curriculum (*лат.*) — послужной список, краткая биография. (*Прим. перев.*)

Вдруг прокурор громко воскликнул:

— Вот! И в этом весь Манрике! Вы годы просидели во Франции. За счет королевской власти, между прочим. И все для чего?

Чтобы выследить одного-единственного колдуна. Кроме некромантов, у нас проблем нет!

Молинас, нахмурившись, подался вперед.

— Разве инквизиция больше не занимается колдовством? Я остался верен эдикту Манрике от двадцать второго февраля тысяча пятьсот двадцать восьмого года.

— Я не это имел в виду, — поправился прокурор. — Просто мы должны заниматься более конкретными проблемами. Бездарными иудеями, которые притворяются христианами, последователями Лютера, проповедующими повсюду свою гнусную доктрину, забытыми ересями, которые снова поднимают голову. И если мы и должны тратить фонды, то никак не на охоту за одним колдуном.

— А я вам говорю, что этот колдун вовсе не одинок. От него и его последователей исходит такая угроза христианству, о какой вы и не догадываетесь. — Молинас выпрямился во весь рост, сердито забросив за плечи черный плащ. — Я пошел на невообразимые жертвы, чтобы завершить свою миссию. Мое тело — сплошная рана. И я имею право на достойного собеседника. Я прошу, я требую встречи с Великим инквизитором Манрике.

— Манрике, Манрике... Друг мой, вы действительно ничего не знаете? — Теперь прокурор говорил осторожно, словно боясь вызвать раздражение. — Если вы успокоитесь, я все вам объясню.

— Я спокоен.

— Уже по крайней мере с тысяча пятьсот тридцать четвертого года авторитет кардинала Манрике сильно упал и он не выезжает из Севильи. Его подпись под документами Супремы — чистая формальность. — Прокурор слегка понизил голос. — В тысяча пятьсот двадцать девятом году, когда Карл Пятый находился в Италии, желая провозгласить себя императором, Манрике добивался, чтобы его кузен женился на юной наследнице графов Валенсийских, и сделал так, что других претендентов отвергли. Когда в тысяча пятьсот тридцать третьем году Карл вернулся в Испанию, он был вне себя от гнева. На следующий год он велел Манрике отправиться в Севилью и жить там безвыездно.

У Молинаса перехватило дыхание. Он воспринимал служение инквизиции как искупительную миссию, далекую от всяких низменных понятий. В нем он видел освобождение от своих слабостей, от одолевавших его мерзостных мыслей, от того ужасающего убожества, которым было отмечено каждое его деяние. Согласиться с тем, что человека с незапятнанной репутацией, Великого инквизитора, обвинили в попытке склонить инквизицию к продажным действиям, было все равно что лишить себя оправдания собственных действий.

— Кто же управляет испанской инквизицией? — спросил он неуверенно. — Президент Супремы?

Прокурор усмехнулся.

— Вальдес? О нет! Он занимается особо важными вопросами, а не всеми подряд.

— Тогда кто же?

— Ответить нелегко. Однако если речь зашла о ключевой персоне, от которой исходят два распоряжения из трех, то я могу назвать аббата Фернандо Ниньо, секретаря Супремы.

Это было уже слишком! Вся структура испанской инквизиции, покрывавшая добрую треть Европы и обе Америки, в руках невежественного болвана, едва обученного ремеслу писца! И этому ничтожеству Молинас теперь обречен подчиняться... Даже подумать страшно. Он не сразу пришел в себя от такого известия, но потом решил, что ему все равно нужен кто-то, способный его выслушать со знанием дела. Он выпятил грудь.

— Хорошо. Я хочу говорить с аббатом Ниньо. И безотлагательно.

— Я уже сказал вам, что Супрема на совещании, — ответил прокурор с легкомысленным жестом. — Может быть, если вы придете завтра вечером...

— Я должен видеть его сейчас. И предупреждаю: тот, кто мешает инквизиции, рискует... да вы это знаете не хуже меня, — заключил Молинас, указав на толстый том, лежащий на столе.

Прокурор быстро взглянул на книгу. Это было «Руководство инквизитора Николаса Эймериха», каталонского доминиканца, жившего двумя веками раньше. Он сильно вздрогнул.

— Я попробую его предупредить, — сказал он поспешно, поднимаясь со стула. — Но учтите, если ваш вопрос не столь серьезен, если аббат рассердится...

— Я отвечу за свои действия. А вы отвечайте за свои.

Без дальнейших комментариев прокурор встал из-за стола и выбежал вон. На этот раз ждать пришлось довольно долго. Молинас без зазрения совести принялся рыться в ящиках стола, спокойно читая бумаги, касающиеся его самого. Когда прокурор вернулся, Молинас развязно положил на стол рукопись и обернулся к нему. Общественный обвинитель поклонился в сторону выхода.

— Пожалуйста сюда, эччелленца. Вот фамилья, который просил о встрече с вами.

Вновь прибывший был так высок ростом, что, входя, должен был нагнуться. Его почтенный возраст выдавали только мешки под глазами, сами же глаза живо и ясно глядели из-под кустистых бровей. Волосы, борода и усы были густыми и черными, седина проступала только под подбородком. На высокий, без морщин лоб падала непокорная прядь. Из-под белого воротника приходского священника выглядывала длинная тонкая шея, и такими же длинными и тонкими были пальцы рук.

— Господин прокурор, — сказал он вежливо, — уступите мне, пожалуйста, ваш кабинет.

Обвинитель явно не ожидал, что его выставят, но сделал вид, что ничего не произошло.

— Эччелленца, вам не надо об этом просить. Бумаги господина Молинаса у меня на столе. Там же аттестат о чистоте крови.

Секретарь Супремы улыбнулся.

— О, сеньор Молинас мой давний знакомец, хотя, возможно, об этом не знает. Я освобожу вам кабинет, как только мы закончим.

Было видно, что прокурор надеялся на приглашение остаться, но возражать не стал и с поклоном закрыл за собой дверь.

Оставшись наедине с Молинасом, дон Фернандо Ниньо уселся напротив него, скрестив на груди руки.

— Вы, наверное, спрашиваете себя, почему я назвал вас старым знакомцем?

— В самом деле...

— Дело в том, что все ваши донесения кардиналу Манрике попадали в мои руки. Вы об этом знали?

— Нет.

— Я так и думал. Тем не менее я в курсе всех ваших дел вплоть до прошлого года. Я знаю, что вы находились в Южной Франции во время ужасной эпидемии чумы, что вас обвинили в распространении заразы и что от смерти вас спасли кардинал Агена Галаццо делла Ровере и инквизитор Тулузы, предоставивший вам убежище. А потом депеша Папы Павла Третьего возвратила вам свободу. Все так?

— Все так, эччелленца, — кивнув, ответил Молинас.

— Видите ли, инквизиция переживает трудные времена, — объяснил секретарь своим тихим, чуть гортанным голосом. — Император, в сущности, обезглавил ее, не заметив, что тем самым рискует уничтожить фактор, необходимый для сплоченности его владений. Супрема, Верховный совет инквизиции, из органа совещательного должна трансформироваться в орган карательный, фактически заменив собой Великого инквизитора. Принимая во внимание, что епископы, из которых состоит совет, заняты своими делами, мне досталась сложная задача всех организовать. Практически Пятым инквизитором являюсь именно я. — Он переплел изящные пальцы над подбородком. — Я говорю вам все это не

ради хвастовства, а ради того, чтобы вы поняли, как обстоят дела. Если несколько лет тому назад мы могли послать фамилию по интересующему нас следу, то теперь мы не можем себе это позволить. Поэтому я должен просить вас продолжить вашу службу здесь: в Авиле, Мадриде, Севилье или в наших владениях за морем. Где вам будет угодно. Но не во Франции, где уже имеются инквизиторы, отвечающие перед Святым престолом.

Молинасу очень понравился искренний тон Фернандо Ниньо и его обходительные манеры, но он не желал отказываться от цели, которой посвятил столько лет жизни.

Он горячо заговорил, рассчитывая на мощный интеллект собеседника.

— Сеньор, учитывая, что вы читали мои донесения, вы знаете, что Мишель де Нотрдам, или Мигель де Ностра Дама, или Мигель де Санта Мария...

— Вы же сами писали, что его испанское происхождение весьма сомнительно.

— Да, однако следы, приведшие к нему, я обнаружил здесь, а точнее, на Сицилии. Прошу вас, позвольте мне продолжить. — Не встретив возражений, Молинас вновь заговорил: — Для вас нет сомнений, что Мишель де Нотрдам практикует магические искусства и интересуется астрологией, алхимией и прочими опасными дисциплинами. Он утверждает, что от них отказался, но я не верю. Однако он не из тех некромантов, что призывают демонов, причиняя вред только своей душе. Он далеко распространил свое влияние, ведомый настоящим сатанистом. Он достиг власти, способной расшатать сами основы человеческой жизни, он почти бросил вызов Богу и установленному Им порядку вещей.

Ниньо покачал головой.

— Не темните со мной. Кто этот сатанист, на которого вы намекаете?

— Ульрих из Майнца. Именно он инициировал Нотрдама в оккультные науки.

— Я читал о нем в ваших донесениях. Но какую невиданную власть передал этот Ульрих своему ученику? Судя по вашим отчетам, Нотрдам — личность весьма посредственная. Он склонен к самолюбованию, он раб видимости.

— На первый взгляд это так. Но помните, что говорит Блаженный Августин об измерении времени? «Мы измеряем время, но не раньше, чем оно настанет, пока не пройдет, и не то, что не имеет протяженности, в общем, не то время, которое определено границами. Значит, мы не можем измерить ни прошлое, ни настоящее, ни будущее, ни то, что проходит. Однако время мы измеряем». Знаете ответ?

— Да. Согласно Августину, время измеряет душа, ибо в ней содержится память о прошлом.

— Именно! «Как можно сократить или уничтожить будущее, которого еще нет, как можно растянуть прошлое, которого уже нет, где, если не в мозгу, где время разворачивается, могут сосуществовать все три формы?» И эти три формы — прошлое, настоящее и будущее — сосуществуют благодаря тому, что есть некто, еще до начала времен давший им первотолчок. Бог! В начале был Бог!

Фернандо Ниньо выглядел очень заинтересованным и смущенным.

— Прошу вас, вернемся к Нотрдаму. Каковы же его дарования?

Молинас намеренно выдержал драматическую паузу. Потом сказал, чеканя каждое слово:

— Дарование одно, но очень серьезное. Он обладает способностью разрушать барьеры времени для себя и для других. Он умеет входить туда, где время не имеет измерения, где прошлое, настоящее и будущее существуют как единое целое и их можно наблюдать все сразу. Эта сфера чужда душе и недостижима для человека, ею владеет только Бог. Она запретна, ибо в ней слова в начале теряют всякий смысл.

— Но во все эпохи существовали прорицатели или те, кого считали прорицателями.

— Да, но прорицатели — жулики, а пророки обретали свой дар лишь на мгновение, по воле Божьей. Но ничтожный человек, Нотрдам, продвинулся дальше. Ему удалось сдвинуть барьеры времени не по милости Божьей и не благодаря вмешательству демонов, а с помощью особой техники. А если это так, то технику можно передать другим. Понимаете,

как велика опасность?

Вместо ответа секретарь Супремы спросил:

— У вас есть доказательства этих способностей Нотрдама?

— Кроме того, что мне сообщала его жена, умершая от чумы два года назад, мне известен только один случай, когда метод Нотрдама привел к успешным результатам. Одна юная дама в Агене, лечением которой он занимался, с удивительной точностью предсказала гибель дофина Франции. Потом оказалось, что совпали все детали.

— Это было детальное предсказание? Вот уж поистине удивительно.

— Нет, скорее аллегория, как обычно бывает в снах. Но все основные элементы того, что должно было случиться, были налицо.

Фернандо Ниньо вздохнул.

— Сеньор Молинас, ежегодно делаются сотни, если не тысячи предсказаний. Есть даже альманахи пророчеств, и они с успехом продаются. Одно точное предсказание уравнивают мириады ошибочных или вовсе бредовых. Чтобы считать вашего Нотрдама реальной опасностью для всего христианства, мне нужны более веские доказательства.

Молинас, хоть и устал от долгого стояния на ногах, вытянулся во весь свой невеликий рост.

— Вот доказательство, которое вы требуете. Вы слышали когда-нибудь слово Абразакс?

Священник, казалось, был поражен.

— Слышал. И что дальше?

— Весь секрет Ульриха из Майнца и Мишеля де Нотрдама заключается в этом слове. И что хуже всего, результаты их практики доступны людям разного происхождения. В том числе и тем отверженным евреям, которых вы... то есть Великий инквизитор Манрике или Супрема... сжигаете повсюду.

— Отчего вы так злы на Нотрдама, а не на его наставника?

— Оттого что Ульрих из Майнца находится в Азии и потому практически недостижим. Но я уверен, что рано или поздно он станет искать контактов с любимым учеником. Это делает Нотрдама ключевой фигурой.

— Отдельно взятый человек не может поставить церковь под угрозу.

— Но целая религия может. Ульрих положил начало собственной секте, секте иллюминатов. Она называет себя церковью и повсюду имеет ответвления. Однако только Нотрдам имел у себя на хранении «Arbor Mirabilis», священный текст еретиков. Только он знает шифр и умеет им пользоваться. Теперь вам ясен смысл моей миссии?

Фернандо Ниньо, на этот раз живо заинтересованный, откинулся на спинку стула и положил руки на крышку стола.

— Сеньор Молинас, я жду, чтобы вы мне разъяснили значение слова «Абразакс» и рассказали что-нибудь еще об иллюминатах. Если вы убедите меня в существовании серьезной опасности, я снова поддержу вашу миссию и постараюсь найти необходимые средства. По крайней мере, пока не закончится период междувластия и новый Великий инквизитор не сменит теперешнего. Если же вы меня не убедите, вам придется смириться с отзывом или с чем-нибудь похуже. А теперь говорите, я вас слушаю.

Молинас кивнул и глубоко вздохнул.

— Все восходит к арабскому мыслителю, известному под именем Аль-Фараби. Но уже до него...

Когда наступила ночь, Молинас и Фернандо Ниньо все еще беседовали.

РАССЛЕДОВАНИЕ

Открывая свою лавчонку, прилепившуюся к строению из дерева и кирпича, Мишель увидел несущуюся с большой скоростью карету, отделанную серебром, со слугой на запятках. Слуга придерживал рукой берет, чтобы его не снесло ветром. Нотрдам не придал

значения увиденному. Уже год он жил в состоянии пустоты и безразличия. Чума покинула Аген, войска Карла V оставили неприступный Прованс, разграбив все, что можно было разграбить. Ему было все равно. Каждый раз, входя в дом, он чувствовал, как остро не хватает ему жены и детей.

Поначалу он решил уехать в Орваль, в отдаленное аббатство, ставшее почти легендарным убежищем страждущих душ. Потом оставил эту идею, так как, с позиций разума и существующих приличий, ему не в чем было себя винить. Разве можно считать виной суровое обращение с женой, которую подкупили, чтобы она за ним шпионила, и которая отличалась непокорностью во всем, включая самые щекотливые аспекты жизни? И общественное мнение, и собственный рассудок говорили «нет». Он был скорее жертва, чем преступник. Удалиться в известный монастырь для покаяния означало бы признать себя виновным в преступлении, которого не совершал. Кроме того, в Орвале он должен будет прекратить свои исследования и заняться вместе с монахами изготовлением знаменитого пива. Ему это было надо? Разумеется, нет.

Его грызла тоска, питавшая все мысли о побеге. Он принимался плакать, потом с бешенством вытирал слезы, безуспешно пытаясь вновь обрести бывшее бесстрашие. Дом казался ему пугающе пустым и враждебным. Работа тоже приносила страдание. Он почти полностью оставил ремесло медика, да и в аптеке продавал одну только косметику для пустых, скушающих дам. Как не похожи они были на Магдалену, такую умную, яркую, живую...

Каждый раз, когда им овладевали эти тоскливые мысли, Мишель прибегал к ястребиной траве, вызывая у себя припадок эпилепсии и забываясь в судорогах. Он знал, что это опасно. Сумрачный учитель, который его инициировал и чье имя он старался не вспоминать, предупреждал его:

— Кто слишком часто посещает владения Абразакса, поселяется там навсегда. И тогда прошлое, настоящее и будущее перемешиваются в нем, превращаясь в непрерывный страшный сон. Мы желаем быть богами, но боги должны обладать знанием. Бог без знания подобен демону, он пленник собственного ада.

Однако Мишель так остро нуждался в забвении, что горький смысл этих слов его больше не сдерживал. При первой же возможности он принимался готовить свое зелье, в котором белена все больше преобладала над пилозеллой. А потом, пока тело его корчило в судорогах, путешествовал по странным мирам, то размытым, то слишком ярким, по мирам, висевшим над звездными безднами, которыми человечество во все времена могло любоваться лишь издали. И каждый раз скрытое во мраке жуткое существо комментировало увиденные им зрелища. Оно было так реально, что Мишелю казалось, будто он ощущает его рядом даже наяву, стоило спуститься ночи и наступить тишине. Именно в такие моменты исчезала тоска. И в сравнении с ними все прочие дневные часы теряли всякий интерес.

Мишель забросил лечение эпилепсии у Одиетты, вечно беременной госпожи Скалигер. На этот раз выбор оказался не за ним. Капризный Жюль Сезар, занятый нынче сочинением пасквиля в адрес итальянского врача Джироламо Кардано («Я изведу его, как извел Эразма», — не уставал он повторять), невзлюбил Мишеля. Шестидесятилетний «гуманист» косо смотрел на его дружбу с гугенотом Филибером Саразеном. По мнению Скалигера, Мишель был скептиком, скрытым атеистом и грошовым колдуном. Потом он, наоборот, объявил его «евреем, обращенным для видимости», обрезанным, перекроенным и тому подобное. В те времена подобные инсинуации представляли серьезную опасность.

Фактически исключенный из городского парламента из-за неприязни взбалмошного хранителя ключей, лишенный медицинской практики из-за зависти коллег и собственного мучительного бессилия, потерявший всякую надежду на респектабельность из-за сплетен по поводу покойной жены, Мишель переживал один из самых тяжелых периодов своей жизни. Аптека кое-как выживала за счет кремов для агенских дам да конфитюров, которые он готовил с завидной пунктуальностью. Но все это было не то, в чем он нуждался.

Нотрдам расставлял на полке баночки с имбирным конфитюром для повышения

потенции, который пользовался повышенным спросом, когда увидел вошедшего Саразена. Тот был мрачен и озабочен.

— Знаешь, кто приехал в город? — спросил он друга.

— Нет. Расскажи.

— Помнишь, что произошло семь лет назад в долине Апт?

— Тогда я был еще студентом в Монпелье.

— Сейчас расскажу. В долине жили еретики-вальденсы, те самые, что теперь обитают на склонах горы Люберон. Инквизитор Иоанн Римский неожиданно напал на них. Долину опустошили, десятки вальденсов убили, многих, и мужчин, и женщин, невзирая на возраст, пытали с особой жестокостью.

Мишель пожал плечами.

— Не думай, что ты меня тронул. Я не питаю симпатии к фанатикам.

Тень улыбки появилась на тонком лице Саразена.

— Я, наверное, тоже подпадаю под это определение. — Улыбка быстро погасла. — Никогда не знал, что ты такой друг инквизиции. Вроде бы до сих пор у тебя с ней были связаны малоприятные воспоминания.

— Ты говоришь о простом фамильо, да к тому же об испанце. Нельзя быть католиком и не разбираться в институтах церкви. Если инквизиция берет кого-то на мушку, она знает, что делает.

— Ты убежден?

— Абсолютно.

— Тогда тебе лучше сразу пойти и представиться Иоанну Римскому, потому что он приехал ради тебя.

Саразен, сам того не желая, говорил резко и грубовато. Удар попал в цель. Мишель был настолько потрясен, что не мог вымолвить ни слова. Потом с трудом прошептал:

— Ты в этом уверен?

— Да, приятель. Едва выйдя из кареты, он спросил о тебе. И знаешь, кто ждал его перед епископством?

Мишель отрицательно затряс головой, испуганно вытаращив глаза.

— Эта змея, Жюль Сезар Скалигер. Теперь понимаешь? Ты и впрямь в опасности.

Мишель понял сказанное слишком хорошо, и у него сжалось горло. Он прекрасно знал, что инквизиция Тулузы, средневековый пережиток, ни в какое сравнение не идущий с испанской следственной машиной, имела весьма ограниченную власть. Французский король ее не поддерживал, несмотря на ее свирепые декреты против гугенотов. Из ненависти к Карлу V он даже поощрял лютеран, которые множились во вражеской империи. Он дошел до того, что замирился с турками и позволил кораблям старого корсара Барбароссы войти в порт Марселя.

При таком положении вещей Тулуза едва прозябала. Папа Павел V, обеспокоенный протестантской экспансией, центр распространения которой переместился в Женеву, подумывал учредить собственную инквизицию и пренебрегал разрозненными очагами прежней. Единственное, что могли сделать доминиканцы в Тулузе, это наплотить указы, которым, по сути, никто не подчинялся.

Однако в плане моральном приговора инквизиции было достаточно, чтобы исключить человека из католического общества, а значит, из общества порядочных людей. И многим было ясно, что рано или поздно произойдет столкновение между гугенотами, теперь превратившимися в кальвинистов, и силами, преданными Папе. Избиение вальденсов в Апте внимательные наблюдатели расценили как первую генеральную репетицию кровавого спектакля катастрофического масштаба.

Предвидя грядущую расправу, жуткие сцены которой ему рисовала ястребиная трава, Мишель трепетал от мысли, что его насильно причислят к слабым и беспорядочным рядам гугенотов и еретиков. Тогда его крах будет неминуем и придется сожалеть даже о теперешней нищете.

— В чем состоит главное обвинение против меня? — спросил он, стараясь справиться с нижней губой, которую свело судорогой. — Ты знаешь?

— Боюсь, что да. — Саразен снова невесело улыбнулся. — Если я хорошо знаю Скалигера, то главным обвинением будет знакомство со мной, известным кальвинистом. Отягчающим обстоятельством будет попытка передать мне свои знания.

Первой рефлекторной реакцией Мишеля было оглянуться по сторонам и выяснить, не следит ли кто за их беседой. Потом мелькнула мысль отослать Саразена подальше, но он расценил ее как аморальную, да и к тому же такой поступок мог бы его дискредитировать. Наилучшим выходом из положения ему показался тот, что подсказал сам Саразен.

— Я иду к Иоанну Римскому, — заявил он, выходя из-за стойки. Он вдруг ощутил прилив смелости и решил твердо стоять на своем. — Поговорю с ним начистоту и докажу ложность всех обвинений.

Саразен поднял бровь.

— Осторожно, Мишель. Инквизитор не так глуп. Он обязательно к чему-нибудь прицепится, хотя бы для того, чтобы оправдать расходы на миссию.

— Я тоже не дурак. И сила моя в том, что мне нечего скрывать.

Саразен слегка вздохнул.

— Может, ты и прав. Надеюсь, ты мне расскажешь, как беседовал с инквизитором.

Спустя полчаса, собравшись с духом, Мишель поднимался по лестнице епископского дворца. Он не удостоил взглядом отлученного, который, сидя на пороге своей палатки, разбитой в тени фасада обители, просил милостыню. Мишель подошел к входной двери, и первый, кто попался ему на глаза, был низенький доминиканец с венчиком седых волос вокруг бритого черепа и непокорным чубчиком надо лбом.

— Мне надо поговорить с братом Иоанном Римским, — сказал Мишель, нервно бегая глазами по дворцовому дворику. — Это очень срочно.

— Иоанн Римский — это я. Зачем вам нужно со мной говорить?

У Мишеля перехватило дыхание. Он вытянул руки по швам, чтобы скрыть охватившую их дрожь.

— Мне известно, что вы намерены меня допросить, — небрежно бросил он.

Доминиканец ответил более чем логично:

— Вот как? А позвольте узнать, кто информировал вас о моих намерениях?

Вопрос, заданный самым вежливым тоном, таил в себе массу ловушек. Если Мишель скажет правду, он подтвердит свои связи с гугенотом. Если отделается общими фразами, получится, что он отклоняется от истины. Если промямлит что-то вроде «я слышал, как об этом говорили...», его могут заподозрить в сговоре с силами, которые, явно в преступных интересах, следят за инквизитором. Только теперь он понял, в какое скользкое положение попал, и проклял Саразена, втравившего его в эту историю. Но надо было что-то отвечать. Молчание могло показаться более подозрительным, чем любой ответ.

— Меня информировал гугенот Филибер Саразен, — прошептал он неожиданно. — И я явился, чтобы заявить о его ереси и заговорах.

Не успел он это произнести, как понял всю серьезность совершенного доноса. Но что он мог сделать? Главной причиной щекотливости создавшейся ситуации было именно безбожие Саразена. По сути дела, этот дурак сам нарвался. Он ведь никогда не скрывал своей веры и своей неприязни к папству. Может, его имя и так было известно инквизитору. Да, но... Мишель все равно чувствовал себя скверно.

Иоанн Римский отреагировал странно. В его черных, глубоко посаженных глазах сверкнул огонек понимания, словно все метания аптекаря были ему известны, но он не принял их в расчет. Когда же он заговорил, в его голосе не было ни понимания, ни презрения, ни вообще каких-либо эмоций. Он был лишен всякого выражения.

— Донести о заблуждении — долг каждого доброго христианина. Как ваше имя?

Мишель чуть не сказал. Но вдруг понял, что в этом случае пути назад уже не будет. Он уже выдал инквизитору имя друга, и с этого момента он должен был перейти из статуса

доверителя в статус свидетеля обвинения. Для Иоанна Римского это пустая формальность, для него — тяжелейший выбор. А если ему устроят очную ставку с Филибером? Обычно имя свидетеля не разглашается, но наперед знать невозможно. Очной ставки он не выдержит. С другой стороны, как ему еще доказать свою непричастность к заблуждениям Саразена, если не стать обвинителем? И ему придется биться в сетях, которые будут стягиваться все туже, и не будет средства выпутаться. Оставался один выход, правда, безумный и бредовый, но другого не было.

— Простите, простите меня, — смущенно пробормотал он. — Я, видно, не к тому обратился. Думаю, что...

Он не закончил фразу и бросился прочь, рискуя кубарем скатиться по ступенькам.

Он бегом пересек площадь, возбуждая живое любопытство зевак, которые, собравшись в тени, наслаждались тем, что чума и все страхи позади. Так он домчался до своего дома и до все еще открытой аптеки. В этот миг квадратная шапочка, с которой он не расставался, слетела с головы и покатила в пыль. Он аккуратно поднял ее и отряхнул рукавом.

И только тогда он понял, что пропал. Такая шапочка во всем городе была только у него. Иоанн РИМСКИЙ без труда сможет узнать его имя. Вопрос часа, может, двух, И его вызовут к инквизитору, теперь уже официально. С этой минуты любая неловкость будет истолкована против него. Его ожидали пытки, дыба и галлоны влитой в горло воды.

Оставалось только бежать. Но это легко сказать, да трудно сделать. Войдя в дом, он ощутил, как его бьет лихорадка. Богу было угодно, чтобы он поднялся на чердак, где хранились все плоды его исследований, от косметических кремов до наркотических пряностей, с помощью которых он достигал Абразакса. Он перевернул флаконы, перебил бутылки, а из тех сосудов, что не бились, высыпал прямо на пол все порошки. Потом спустился на мерный этаж и вошел в гостиную, служившую также библиотекой. Все здесь напоминало о Магдалене, еще цела была колыбель, качавшая обоих его детей. Он раскидал было стопку книг, но быстро понял, что на полный разгром уйдет весь вечер. Иоанн Римский как раз успеет выяснить, кто он такой, и пришлет за ним. Надо было найти более радикальный выход.

Он взял с камина огниво, поднес его к редчайшему экземпляру «Turba Philosophorum»³² и высек искру. Старый пергамент быстро вспыхнул. Он бросил книгу поверх остальных и выбежал из комнаты. Прежде чем покинуть свое жилище, он стащил с себя слишком широкую тогу и остался в жилете и панталонах. Потом достал из шкафа мешок с флоринами, пристегнул к поясу и тогда уже вышел из дому.

На улице, согретой последними лучами вечернего солнца, не было прохожих. Из окна его дома поднималась тонкая струйка черного дыма. Только когда он добрался до окраины Агена и остановился у городских стен, он увидел, обернувшись, высокое пламя пожара. Найдя пролом в стене, сделанный то ли ребятишками, то ли беспощадным временем, он, задыхаясь, вылез наружу и зашагал по тропинке прочь.

Мишель знал, что никогда в жизни не вернется больше в Аген, и от этой мысли ему вдруг стало легче. Годы, проведенные в этом городе, были годами унижений и поражений. А также подлости. Теперь он мог себе в этом сознаться, совершив последнюю из них, да еще так неуклюже. На его совести три предательства: по отношению к жене, к детям и к другу. Если бы он не был добрым христианином, он бы убил себя, и это стало бы единственным средством заглушить угрызения совести. Однако это не было достойным выходом. Оставалось только искупление.

Лишь уединение поможет ему очиститься. Магдалена, Саразен, Скалигер — эти имена надо забыть. Надо начать новую жизнь. Он должен найти корень своих слабостей, выявить их причину, понять, как от них избавиться, чтобы стать посланцем добра, а не зла. Ему

³² В разных переводах — «Ассамблея философов» или «Спор философов» — текст, рассказывающий о собрании учеников Гермеса, организованном Пифагором. (Прим. ред.)

необходимы дисциплина и уравновешенность. Он не должен больше прибегать к наркотикам, чтобы забыть о своих невзгодах. Он никогда ни над кем не позволит себе насилия, как бы оправданно и заслуженно оно ни было. И нечего питать подобные амбиции. И ради бога, никаких женщин! Но если наиболее последовательные из монахов могут соблюдать обет чистоты всю жизнь, то он будет твердо следовать ему до того момента, пока не обзаведется настоящей семьей, которая станет венцом трудного пути восстановления чести.

Он долго шел по пышным цветущим полям, залитым солнцем, по холмам, покрытым виноградниками. Проголодавшись, он отправился на поиски какой-нибудь деревни, но в этих краях, похоже, попадались только отдельные мызы. И как раз в тот миг, когда он уже решил купить что-нибудь съестное у крестьян, он услышал за спиной тархтение двуколки, запряженной одной лошадью, с кучером и седоком. Коляска обогнала его, обдав пылью, но вскоре остановилась. Пассажир прыгнул на землю.

Это был невысокий элегантный человек в черном бархатном костюме, мало подходящем для жаркой погоды. Он, улыбаясь, двинулся навстречу Мишелю.

— Ваша шапочка совсем засыпана пылью, но я сразу узнал головной убор выпускника медицинского факультета в Монпелье. Вы ведь медик, не так ли?

— Да, — ответил погруженный в свои мысли Мишель.

— И куда направляетесь, простите за любопытство?

— На север.

— А, так вы периодевт? — воскликнул новый знакомец. Периодевтами называли медиков, путешествовавших по городам, предлагая свои услуги и попутно пополняя багаж своих знаний. — Послушайте, я направляюсь в Бордо. Если нам по дороге, могу предложить вам место в моем экипаже.

— Да, но я не знаю, с кем имею честь...

— Ах да, я же еще не представился. Мое имя Леонар Бандой, аптекарь из Бордо.

Мишель радостно вздрогнул. Леонар Бандой, известный как очень успешный аптекарь, обладал культурой, которой завидовали даже врачи, и был прямым поставщиком королевского двора. Мишель поклонился.

— Я с радостью приму приглашение, сударь, очень вам благодарен. Мое имя Нотр... — как это было принято среди солидных ученых. — Нострадамус.

— Нострадамус, — с довольным видом повторил Бандой. — Прекрасное имя, из тех, что приносят удачу.

Мишель чувствовал, что вместе с новым именем перед ним могут открыться иные перспективы. Нельзя терять такую возможность. Впервые за долгие годы в нем забрезжила надежда на спокойную жизнь. И он изо всех сил за нее ухватился.

— Я еду с вами, сударь, — сказал он и снова поклонился. — Я как раз направляюсь в Бордо.

ВИЗИТАДОР

Иоанн Римский подождал, пока слуги накроют на стол. Трапеза мало походила на аристократическую, хотя и была разнообразнее привычного для простого люда меню. Была подана отварная телятина и ветчина, обильно сдобренные специями, салат из бобов, репчатого лука и лука-порея под горчичным соусом и молодое деревенское вино. Церковному сословию излишества не подобали. Похоже, что Диего Доминго Молинас сел за стол без аппетита. Он предложил блюдо гостю, потом отрезал себе кусочек телятины и рассеянно уронил его на тарелку. Только тогда Иоанн Римский счел уместным заговорить с ним.

— Моя миссия здесь окончена. Я в Агене уже восемь месяцев, и меня ждут другие дела. Недалеко отсюда, на горе Люберон, вальденсы под знаменем богохульства основали свое маленькое царство. Когда мне доложили о вашем прибытии, я решил, что вы

заинтересовались ими. Они ведь есть и в Испании, правда? Молинас вяло откусил кусочек мяса и, почти не жуя, проглотил.

— Нет, или их присутствие незаметно. Наша основная проблема — евреи-выкресты или те, кто называет себя обращенными в христианство. Старые ереси все погибли: мы либо истребили их, либо они исчезли естественным путем.

— А новые ереси? Лютеране и кальвинисты?

— Их экспансия весьма ограничена. Видите ли, падре, у нас инквизиция имеет эмиссаров во всех крупных городах и пользуется расположением императорской семьи. Поэтому при помощи светских властей любое проявление неповиновения можно выявить в зародыше и вмешаться со всей необходимой строгостью.

Иоанн Римский осушил бокал вина и сказал:

— Завидую вашей оперативности. Его святейшество Павел Третий намеревается распространить испанскую модель на весь христианский мир. Только так удастся остановить экспансию гугенотов.

Молинас поднял бровь.

— Оперативность, которой вы восхищаетесь, работает только на уровне видимых, явных ересей. Потому я и сказал вам, что обращенные продолжают оставаться нашей проблемой. Еврейское вероломство меняет кожу, как змея, понуждая нас в общественной жизни взрывать его изнутри. Изгнать евреев из Испании недостаточно. Дня не проходит, чтобы мы не вывели на чистую воду какого-нибудь из тех, кто изо всех сил старается доказать свою приверженность христианству, а тайком отправляет обряды своего народа.

— Мишель де Нотрдам, который не дает нам покоя, тоже ведь еврей.

— Да, но я охочусь за ним много лет вовсе не по этой причине. Слышали ли вы когда-нибудь имя Ульриха из Майнца?

Глазки доминиканца, и без того маленькие, совсем закрылись.

— Конечно. Это довольно известный философ. Он принял участие в кампании монаха Тетцеля против Лютера. К несчастью, кампания провалилась.

— И больше вы ничего о нем не знаете?

Иоанн Римский несколько минут молчал, пристально глядя на собеседника. Он, казалось, спрашивал себя, до какой степени можно ему доверять. Наконец он сказал:

— Мне говорили, что он вроде бы стал некромантом. Это верно?

— Верно, — подтвердил Молинас. Он отложил нож, оперся кончиками пальцев о столешницу и откинулся на спинку стула. — Да будет вам известно, что Ульрих из Майнца был также знаменитым врачом. В тысяча пятьсот двадцать седьмом году в Бордо вспыхнула опустошительная эпидемия чумы. Петр Авелинский, начальник чумного лазарета, послал за Ульрихом. Тот приехал в город под именем Петера Ван Гога, а в помощники себе выбрал юного студента-медика. Угадайте, кого?

— Нотрдама?

— Именно. Поначалу их деятельность ничем не выделялась. Затем двадцать четвертого декабря тысяча пятьсот двадцать седьмого года Ульрих вызвал Нотрдама и остальных своих последователей в капеллу Сен-Мишель. Никто не знает, что произошло в капелле той ночью. Церковный служака впоследствии рассказал о том, что на полу капеллы был начертан круг со звездой в центре и надписями на еврейском по краям. Магический пентакль. Группа эта оставалась в капелле несколько часов, проводя леденящие душу опыты. На следующее утро потрясенные юноши вышли на свет божий. У одного из них на плече были вырезаны две линии, образующие крест. Это был символ новой церкви, которую они называли церковью иллюминатов.

Иоанн Римский никак не отозвался. Он был занят ветчиной в уксусе, источавшей нежнейший аромат. Если бы потолок трапезной не был так высок, а наружные балки не затеняли полукруглые окна, первое весеннее солнышко еще больше раздражило бы его аппетит. Но здесь, внизу, света было маловато, и к тому же тайные заботы умеряли жадность доминиканца.

— Давайте начистоту, господин Молинас. У вас есть веские доказательства того, о чем вы говорите?

— Серьезнейшие.

— Выходит, Нотрдам — адепт новой религии.

— Более того. Ульрих считал его своим лучшим учеником и доверил ему на хранение тайную рукопись под названием «Arbor Mirabilis». Она составляет основу учения новой церкви.

— Вы видели манускрипт?

— Копия, принадлежавшая Нотрдаму, находится у меня. Но она закодирована.

Иоанн Римский нахмурился.

— За месяцы, что я провел в Агене, мне удалось выявить нескольких еретиков. Я велел арестовать некоего Жана Бернеда и приговорил к изгнанию Жана де Помье. Преподаватель Селла и наставник Д'Аллар предпочли бежать в Испанию, несмотря на то, что имели сильные связи. Я даже начал следствие против падре Марка Ришара, настоятеля монастыря Сен-Реми. Но ни один из них, подчеркиваю, ни один не назвал Нотрдама в числе своих последователей. Все они говорили о нем как об убежденном, почти фанатичном католике.

Молинас начал раздражаться.

— Нотрдам не гугенот. Секта, в которой он состоит, — сборище колдунов. Естественно, он об этом не распространялся.

Иоанн Римский зацепил вилкой кусочек ветчины и положил к себе на тарелку.

— И, тем не менее, его поведение безупречно. Может, речь идет об ошибках молодости?

— Ошибки молодости, говорите? — прошипел Молинас, потеряв терпение. — Продаться дьяволу? Простите, но мне кажется, вы позабыли, что долг инквизиции — пресекать в зародыше любые сатанинские проявления, каковы бы они ни были. И доказательства здесь не нужны, достаточно косвенных улик.

Эта пылкая фраза отвлекла Иоанна Римского от еды. Он посмотрел на Молинаса с явным уважением.

— Согласен с вами, — пробормотал он. — Что вы хотите, чтобы я сделал?

— О, я не волен давать вам распоряжения, — ответил Молинас, выказывая притворное смирение. — Нынче утром вы говорили, что встречались с Нотрдамом лично. Это действительно так?

— Да. Это было прошлым летом, когда я только что приехал в Аген. Нотрдам явился ко мне, чтобы донести на своего друга-гугенота, Филибера Саразена. О Нотрдаме мне говорил Жюль Сезар Скалигер, но, по-моему, Скалигер немного не в себе. Однако мое расследование никого из них не коснулось.

— И как вы поступили с Нотрдамом?

— Никак. Он умчался, выкрикивая какие-то бессвязные слова. Потом я узнал, что он уехал из города, спалив собственный дом. Возможно, это было следствием потрясения: ведь у него умерли от чумы жена и дети.

— Вы допросили Саразена?

— Не успел. На другой день он бежал в Женеву. Наверное, испугался костра или разорения. — Иоанн Римский отодвинул от себя тарелку. — Господин Молинас, я ответил на все ваши вопросы. Позвольте и мне задать вам несколько.

Молинас кивнул:

— Я к вашим услугам, падре. Спрашивайте.

— Первый вопрос, возможно, прозвучит провокационно, но я не имею злого умысла. Вы помните, как два года назад в этом городе вас арестовали по обвинению в распространении чумы? Некоторые из ваших обвинителей умерли, некоторые вас позабыли. Но кто-то, возможно, и помнит. А вы разгуливаете по городу в своем черном плаще, как ни в чем не бывало. Вы не боитесь, что вас узнают?

— Если бы я боялся, я не занимался бы своим ремеслом.

— Ладно, вопрос второй. Вы преследуете Нотрдама с упорством, выходящим за рамки разумного. За какими еще колдунами вы гонялись по всей Европе? Думаю, таких нет. И полагаю, что никто из ваших коллег никогда не занимался ничем подобным. Я понимаю, ваша истинная цель — Ульрих из Майнца. Что же такого опасного в доктрине Ульриха?

Молинас ожидал подобного вопроса. Когда его задал секретарь Супремы, он ответил прямо, как того требовал долг. Но Иоанн Римский принадлежал к другой ветви инквизиции.

— Если гугеноты служат дьяволу, то иллюминаты — его прямое порождение, — сказал он сухо. — И в этом состоит их конкретное могущество. Не спрашивайте какое.

Если Иоанн Римский и был поражен, то виду не подал. Он потянулся за салатом и, заметив в дверях слугу, сделал ему знак принести еще графин вина. Только после этого он взглянул на собеседника.

— И больше вы ничего не можете мне сообщить?

— Сожалею, но нет.

— Тогда чего вы от меня хотите? Учтите, что вы простой фамильо.

— Уже нет. Теперь я визитадор. Это инспектор, имеющий право взять на себя обязанности испанского инквизитора, с которыми тот не справился.

— Здесь мы не в Испании. Повторяю вопрос. Чего вы от меня хотите?

Молинас решил не обращать внимания на явную враждебность инквизитора.

— Сейчас скажу. Прежде всего мне необходим официальный мандат французской инквизиции. Нет, не беспокойтесь, мое содержание останется за инквизицией Испании. Однако грамота кардинала делла Ровере, благодаря которой вы меня любезно приняли, гарантирует мне свободное передвижение по французской территории, но не обеспечивает содействия церковных властей. Таким образом, я должен каждый раз объяснять, кто я и чем занимаюсь, как, например, вам. Инвеститура Тулузы позволила бы мне беспрепятственно выполнять свою миссию.

— Я должен поговорить с главным инквизитором, Матье Ори. Какова вторая просьба?

— О, проще не бывает. Вы, падре, без сомнения, получаете сведения о Нотрдаме. Хотелось бы знать, где он находится. На какое-то время я потерял его след.

Иоанн Римский небрежно взмахнул рукой, в которой был зажат нож.

— Это я могу сказать вам сразу. Он в Бордо.

— И чем занимается?

— У меня не слишком свежие сведения. Думаю, изготавливает мармелад, косметику и прочую ерунду. Он работает в лавке Леонара Бандона, знаменитого аптекаря, что обеспечило ему дружбу многих состоятельных людей.

— Полагаю, евреев?

Иоанн Римский подождал, пока слуга поставит на стол очередной графин с вином и уйдет.

— Нет. Я лично знаю Шарля Сениньюса, Жана Таррага, адвоката Жана Трейе. Все они добрые христиане и добропорядочные буржуа. Вы, испанцы, просто помешаны на евреях.

— На то есть веские причины. В ваших донесениях говорится, что у него есть отношения с какой-нибудь женщиной?

— С какой-нибудь одной? Нет. Он, конечно, посещает веселые дома, как и все. — Иоанн Римский пожал плечами. — Поймите меня, господин Молинас. Даже после того, что вы рассказали мне об иллюминатах, ваш маг мне мало интересен. Учтите, что гугеноты множатся день ото дня, а вальденсы настолько обнаглели, что открыто отправляют свои обряды. Я попытаюсь достать вам документ, о котором вы просите, но большего сделать не смогу. Я не вправе расходовать все силы на поимку одного человека.

— Человек один, но имя ему легион. — Мрачно проговорив эти слова, Молинас резко встал из-за стола. — Извините, падре, я должен вернуться к своим обязанностям. Вы знаете, где найти меня, когда получите мандат из Тулузы.

Под слегка оторопелыми взглядами инквизитора и прислуги Молинас вышел из комнаты. Он пересек вестибюль дворца, но на улицу не вышел. Свернув в коридор,

украшенный фламандскими гобеленами, он оказался перед дверью из неструганого дерева, слегка контрастирующей с роскошью общего убранства дворца. С разрешения кардинала Галаццо делла Ровере у него была здесь своя комната, которая позволяла не показываться на людях и выходить в город только по ночам. Это подвальное помещение смотрелось нарядно, хотя и скромно, на стенах не проступала сырость.

Молинас спустился по лестнице в прихожую, освещенную двумя окнами, открыл едва притворенную дверь комнаты и сбросил плащ. Сидевшая на кровати женщина поднялась на ноги. Она была еще молода и красива, но начавшая расплываться фигура говорила о будущей тучности, и морщинки в углах глаз выдавали неминуемое наступление зрелости.

— Вы заставили меня прождать два часа! — запротестовала девушка. — Колокол прозвонил дважды. Я чуть не заснула.

Молинас улыбнулся, скривившись, как все люди, не привычные к проявлениям сердечности.

— Прошу прощения, но я не мог прийти раньше. В конце концов, Жюмель, я позвал тебя в твоих же интересах.

Девушка скорчила изящную гримаску.

— Теперь меня никто не зовет Жюмель. Я Анна, Анна Понсард. Для друзей — Анни.

— Я знаю, Анни. Об одном твоём старом друге я и хочу с тобой поговорить. И о том, как тебе разбогатеть.

Лицо девушки разгладилось.

— Я бы не пришла сюда, если бы вы вместе с запиской не прислали мне кошелек. Должно быть, у вас много денег. Только не понимаю, зачем вам надо было встречаться со мной во дворце этих паршивых попов, да еще в склепе.

Комната и вправду была мрачновата. Вся мебель, помимо кровати, состояла из двух стульев, рундучка и придвинутого к окну стола. Стену целиком занимало громадное распятие, грубо вырезанное из цельного куска дерева, возможно, из огромного ствола. Угловатое и жесткое лицо Христа смотрело сурово и отрешенно. Таких распятий давно уже не делали. С ним любое помещение становилось мрачным.

Молинас повесил плащ на гвоздь и уселся на стул.

— Кошелек можешь считать только задатком. Я могу обеспечить твоё счастье.

— Прекрасная новость, — ответила Жюмель. — Но вам, конечно, что-то от меня понадобится. Прежде чем принять богатство, которое вы предлагаете, я бы хотела знать, что именно. Хотя приблизительно догадываюсь. — И она плюхнулась на край кровати, зазывно раздвинув ноги.

— Нет, об этом брось и думать, — сухо бросил Молинас, отводя глаза. — Я уже сказал, что речь пойдет о твоём старом друге. Ты помнишь Мишеля де Нотрдама? — Он непроизвольно подался вперед, и луч света упал на его лицо. — Помнишь?

Жюмель вскрикнула.

— Я вспомнила вас! Это вы в ту ночь в Монпелье, перед «Ла Зохе»... — Нежные черты ее лица исказил страх. — Вы что, хотите отомстить? Но учтите, я была тогда ни при чем. Молинас снова отодвинулся в тень.

— Я вовсе не собираюсь причинить тебе зло. Дело не в моих тогдашних обидах. Дело в Мишеле Нотрдаме. Ты его помнишь?

— Еще бы мне его не помнить! — злобно ответила Жюмель. — Этот мерзавец меня соблазнил, заставил подумать, что любит... А потом ушел с тощей девчонкой с волосами рыжими, как морковка! Все мужчины одинаковы.

— Девчонку звали Магдалена. Она умерла от чумы.

— Так ей и надо! С нее начались мои беды. Хотя сейчас жаловаться не на что. С тех пор как Коринну убил солдат, девочками в «Ла Зохе» командую я. Я неплохо зарабатываю, и мне уже не надо идти в постель с кем попало. Но был миг, когда Мишель вселил в меня надежду на другую жизнь. Он казался серьезным человеком.

Молинас только и ждал этих слов. Он нагнулся к девушке.

— Другая жизнь — дело возможное. Тебе только надо во всем меня слушаться. У тебя будут деньги, уважение и мужчина, который будет тебя обожать и назовет женой.

Жюмель так и осталась с разинутым ртом.

— Вы это о Мишеле? И я должна снова...

— Нет, не сразу. Нотрдам не женится на проститутке. Но я знаю одного выжившего из ума дряхлого старичка, который ищет жену. Это богатейший в Салоне человек, и зовут его Жан де Больм. Готова ли ты составить его счастье? Он проживет год, от силы два.

Совершенно сбита с толку, Жюмель вдруг расхохоталась.

— И это вы мне предлагаете в кардинальском дворце! Только не говорите мне, что, когда старикашка сдохнет, я буду предназначена Мишелю!

— Именно это я тебе и говорю. Но тебя не касается, какие у меня виды на тебя. Я обещаю, что ты не будешь больше Жюмель. Ты будешь Анна Понсард, и тебя будут называть полным именем и примут в высшем обществе.

— Но это вопрос лет...

— Я не спешу. Я слишком спешил в прошлом.

— И я должна вернуться к Мишелю?

— Не сразу. Предоставь это мне. Я буду диктовать тебе каждый шаг. И потом, Нотрдам явно будет не худшим из твоих клиентов. Когда-то он действительно был в тебя влюблен.

Губы Жюмель скривились.

— Тогда я была застенчива и наивна и поверила ему. А потом поняла, что во мне он любил только это. — Она поднесла руки к пышному бюсту. Заметив, что Молинас вздрогнул, она хитро улыбнулась. — Может, сударь, это и вас заинтересует?

И она сделала обманчивое движение, словно собиралась развязать кожаный ремешок, державший вырез блузки.

— Нет, нет! — вскрикнул Молинас. Затем, отдав себе отчет в том, что поддался чувству, яростно отчеканил: — Сегодня мне интересна только месть!

ЖЕНСКАЯ КРАСА

Нотрдам стоял на пороге лавки Леонара Бандона, расположенной почти у самого подножия высокой колокольни церкви Сен-Мишель. Пасмурное утро, каких много было поздней осенью 1539 года, пронизывал особый запах, говоривший о том, что к вечеру пойдет дождь. Тем не менее воздух оставался теплым, и это немного утешало молодого врача: поселившись в Бордо, он не уставал сожалеть о настоящем тепле Лангедока и Прованса.

Мишель ждал Бандона, который все не приходил. К аптекарю он испытывал чувство дружеской благодарности. Это он обеспечил ему доступ в дома горожан, прочное положение в обществе и уважение к его научным знаниям. Как переменялась его жизнь всего за несколько месяцев! Костром из собственных книг он навсегда распрощался с оккультными науками, астрологией и прочими занятиями, которые церковь, несмотря на долгие периоды толерантности, объявляла опасными. Теперь большую часть времени он проводил в изучении трав (только не пилозеллы, которую видеть не мог) и молитве.

Молился он всегда о душах Магдалены, Рене и Присциллы, и это чуть смягчало угрызения совести, всякий раз доводившие его до слез. Настоящее облегчение приносила мысль о том, что он теперь не такой, каким был раньше. Вслед за учеником чародея он убил в себе тщеславного медика, оставшись простым аптекарем, посвятившим себя христианскому долгу. Когда-нибудь небо наградит его, позволив забыть свою вину.

Неожиданно его отвлекли от размышлений.

— Здравствуйте, господин Бандой дома?

Голос доносился справа. Мишель повернулся и узнал крестьянина из Кастийона, который время от времени приносил в аптеку фрукты и травы для производства лекарств и косметики.

— Нет, но должен скоро быть, — ответил он. Потом, заметив сверток в руке у

крестьянина, спросил: — Вы принесли нам что-то на продажу?

— Да, только не знаю, подойдет ли вам. Штука очень странная.

— Заходите, дайте взглянуть.

В отличие от других, аптека Бандона не имела прилавка, вынесенного на улицу. Помещение представляло собой просторную, хорошо освещенную комнату со столом и несколькими стульями посередине и шкафами со склянками и баночками у стен. Был еще и письменный стол с журналом, куда старший сын Бандона регулярно записывал счета.

— Кладите вот сюда, — указал Мишель на центральный стол. — Только смотрите не запачкайте.

— Нет, эта штука не пачкается. Хотя, поглядев на нее, можно подумать...

Крестьянин начал разворачивать сверток. Когда стало видно, что там внутри, Мишель отпрянул.

— Вы что, с ума сошли? Это же собачье дерьмо!

— Нет, посмотрите хорошенько. Я уже видел эту штуку у рыбаков, они ее выловили в океане в конце декабря. Они считали, что она очень ценная. Поэтому я и подумал, может, господин Бандой заинтересуется.

Мишель наклонился над свертком. Предмет отливал серым и действительно походил на собачий помет, только отличался ровной, округлой формой. И вместо неприятного запаха от него исходил тонкий, нежный аромат.

— Чем ты занят, Нотрдам, изучаешь какашки детей этого мужика?

Мишель поднял глаза. В дверях стоял Жан Трейе, богатый и знаменитый сорокалетний адвокат, в салоне которого он с недавних пор был принят. С ним был Жан Таррага, начинающий врач из очень богатой семьи, который вполне мог рассчитывать на солидную клиентуру. Оба хохотали.

Мишель тоже рассмеялся.

— И мне сначала показалось, что это дерьмо, но это совсем не то. По крайней мере, оно произведено не человеком и не собакой, а, по всей видимости, каким-то морским зверем.

Вновь пришедшие подошли поближе. Таррага потрогал серую массу пальцем, потом отщипнул кусочек.

— По меньшей мере унции три, — сказал он, взвесив кусок на ладони. — Если это то, о чем я думаю, такие куски попадаются очень редко.

Он вопросительно взглянул на Трейе. Тот кивнул.

— Нет сомнений: это серая амбра. Китовый помет. Никогда не видел ее в таком количестве, да еще и не в сезон. Обычно ее находят на берегу после зимнего солнцестояния, в декабре.

— Если это серая амбра, это не помет, — уточнил Таррага. — Это сперма самца.

— Может, и так. — Жан Трейе посмотрел на Мишеля. — Ты уже заключил сделку?

— Нет еще. Я не знал, что это такое.

— Вот и хорошо, значит, мы пришли вовремя. — Он повернулся к крестьянину. — Послушайте, приятель. Вы пытались продать нашему другу китовое дерьмо или сперму, что еще того хуже, и заслуживаете хорошей дубины. Но ваше благочестие очевидно, и тяготы долгого пути должны окупиться. Сейчас доктор Нотрдам даст вам четыре tornesi³³ и вы вернетесь к своим полям.

— Но рыбаки говорят, что это очень ценная вещь! — запротестовал крестьянин.

— Ценная? И какую, по-вашему, ценность имеют два куса дерьма? Ладно, пять, и не будем больше спорить. А сегодня вечером можете над нами вдоволь посмеяться... Нотрдам, заплатите. И считайте, что подали на бедность...

Мишель раскрыл кошелек, пристегнутый к поясу, отсчитал пять монет и одну за другой бросил их в раскрытую ладонь крестьянина. Тот быстро поклонился и заторопился к выходу,

³³ Торнези итальянская мелкая монета, 2 торнези равны 1 грану, 100 гран — 1 дукату. (Прим. ред.)

словно боясь, что господа передумают. В дверях он чуть не сшиб с ног входящего в аптеку элегантного молодого человека.

— Шарль, ты явился как раз в нужный момент! — воскликнул Жан Трейе, умирая со смеху. — Мишель только что купил три или четыре унции серой амбры за пять монет!

Новый посетитель побледнел и разинул рот:

— Да она стоит, по самым скромным подсчетам, раз в сто больше!

Он подошел к столу и взял кусочек амбры.

— Она чистейшая, а главное — не порчена лисой!

— Лисой? — спросил Мишель.

— Ну да. Это вещество неудержимо притягивает к себе лис. Они чуют амбру издалека и сразу норовят сожрать. Но переварить не могут, и она так и выходит нетронутой, разве что чуть потемнев. Амбра, прошедшая через лисий кишечник, стоит гораздо дешевле. Но эта, насколько я вижу, совершенно чиста и потянет на приличную сумму.

Жан Трейе с иронией покосился на Нотрдама.

— Итак, Мишель, мы устроили тебе выгодную сделку. Авторитет в лице Шарля Сенинюса это подтверждает. Ты купил какашку, которую выкакали всего один раз. Ты богатый человек. Труды многих наших философов представляют собой ту же субстанцию, но столько не стоят.

— Фокус в том, что они выкаканы неоднократно, — с комической важностью заявил Сенинюс.

— Но это же не какашка, это засохшая сперма! — запротестовал Таррага.

— Благородства субстанции это не меняет.

Развеселившись, Мишель вытянул руки вперед.

— Кто разбогател, так это Леонар Бандой. Мне причитаются только пять монет задатка.

Сенинюс доверительно тронул его за плечо.

— Не делай глупостей, Мишель. Амбру купил ты. Имел место частный торг, и ты имеешь на нее права. Верно, Жан?

Трейе важно кивнул.

— У Модестина и Ульпиана сказано ясно: купивший дерьмо должен хранить его при себе. Даже если это дерьмо кита.

Таррага присоединился к друзьям:

— То же самое и сухая сперма. Это сказано не напрямую, а так, между строк.

Окончательно развеселившись, Мишель увязал сверток.

— Послушать вас, так словно заговорил мой старый друг Рабле. Ладно, я забираю себе эту штуку. Надеюсь, она принесет мне то самое богатство, что вы мне наобещали. Как же мне вас отблагодарить?

— Да очень просто, — любезно ответил Жан Трейе. — Ты ведешь замкнутую монашескую жизнь, исключение составляют редкие визиты к нашим дамам. Теперь, когда мы сделали тебя богачом, ты должен пригласить нас в таверну. И уж как минимум часть своего заработка потратить на то, чтобы угостить нас вином. А то еще найдешь какую-нибудь добродетельную синьорину, которая выпрясет из тебя все остальное на занятия, весьма полезные для здоровья.

Запирая сверток в ящик, Мишель покачал головой.

— Этим я занимался в студенчестве. Теперь мне тридцать шесть, и я не могу позволить себе мотовство. Надо заботиться о собственной чести.

— Ты что же, думаешь, у нас нет чести? — Уже не на шутку раздосадованный, Жан Трейе обернулся к приятелям. — Он рассуждает, как какой-нибудь еврейшка, что похоронил себя в лавке в гетто, пересчитывая золото, нажитое ростовщицеством. Кончится тем, что придется держать его подальше от наших домов и наших жен. Известно, что у иудеев чувственная аура.

Мишель вздрогнул. Ни Трейе, ни остальные ничего не знали о его происхождении. Неужели поведение действительно его выдает? Очевидно, да. Но еще есть время выправить

положение.

— Дай мне закончить, Жан, — сказал он с вымученной улыбкой. — Ясно, что мои серьезные намерения должны отступить перед подарком, который ты мне сегодня преподнес. Ты сделал меня обладателем драгоценного свертка с китовым дерьмом. Сегодня же вечером отправимся в таверну отпраздновать это событие и выпить в преддверии богатства, которое должно дождем на меня посыпаться.

Лицо Трейе тут же разгладилось. Он расхохотался, а вместе с ним и остальные. Переведя дух, он сказал:

— Прости, что сравнил тебя с обрезанными. Я это сделал только для того, чтобы вытащить тебя из омута затворничества. И сегодня угощаешь не ты, угощаю я. Ты нам очень дорог, и мы хотим, чтобы ты вошел в нашу компанию.

Мишель почувствовал, как на глаза навернулись слезы.

— Спасибо, дружище. Встретимся в таверне после заката. Спасибо всем.

Все трое откланялись и вышли. В следующий миг на пороге снова возник Таррага.

— Это не дерьмо, это сперма, можешь мне поверить.

— Верю, верю, — ответил Мишель с легким кивком, и тот, удовлетворенный, скрылся за дверь.

Остаток утра прошел как обычно. Бандой вместе с сыном явился очень поздно. Сын тут же засел считать приходы и расходы. Клиентов было мало. Пришел старичок, страдавший подагрой, которому было предписано принимать отвар осеннего сафлора, только что заваренный на кухне. Затем женщина лет пятидесяти, больная астмой, получила дорогую настойку из молочая, которой надо было пользоваться с осторожностью. Самой любопытной клиенткой оказалась молодая девушка, только что вышедшая замуж. Муж с первого дня пренебрегал своим обязанностями и проявлял полное равнодушие к ее прелестям. Обыкновенные афродизиаки не оказывали никакого действия.

Все это излагалось с такими подходами и экивоками, что Бандой не сразу понял суть дела. Когда же наконец понял, то посмотрел на Нотрдама.

— Мишель, думаю, это по вашей части. Я знаком только со средствами, которые в этом случае не работают.

Мишель оглядел смущенную юную посетительницу.

— Вам удастся сорвать у мужа хотя бы один поцелуй?

— Да... — прошептала девушка. — Постараюсь попробовать.

— В таком случае есть верное средство, которое подходит к вашему случаю. Оно называется «*Roculum amatorium ad Venerem*»,³⁴ и, говорят, его изобрела Медея. Это зелье, которое надо держать во рту и вылить на язык мужа во время поцелуя. Но предупреждаю, его трудно приготовить и оно дорого стоит.

Пока Мишель все это говорил, ему вспомнились губы Магдалены. Он отогнал видение.

— Отец даст мне денег, — застенчиво сказала девушка, получив надежду. — Можно мне сразу взять флакон?

— Нет. Чтобы приготовить «*Roculum amatorium*», нужно недели две. Вы можете так долго ждать?

— Да, конечно, я и так все жду.

— Тогда предоставьте действовать нам. Приходите через пятнадцать дней. Цену сообщим, когда придете. Если она вас устроит, вы заберете флакон, и с этого дня ваша супружеская жизнь будет счастливой.

Бандой подождал, пока она выйдет из лавки, потом рассмеялся:

— Нотрдам, ну вы и шутник! Бьюсь об заклад, что вы выдумали этот «*Roculum amatorium*»!

— Нет-нет! — так же весело запротестовал Мишель. — «*Roculum amatorium*»

³⁴ «Любовный напиток Венеры». (лат.)

действительно существует, и он был хорошо знаком древним грекам. Я никогда его не готовил, потому что не было ингредиентов, но рецепт я знаю. Он необычайно сложен.

— И что за рецепт?

— Сначала надо добыть три корня мандрагоры на восходе солнца...

— Мандрагора у нас есть, — сказал Бандой, указывая на вазочку в шкафу. — И собрана она на рассвете, как того требует правило.

— Но этого недостаточно. Надо завернуть корни в листья вербены и оставить на ночь. Затем растереть на камне шесть гран *lapis magneticus*, так называемого камня влюбленных, и влить немного сока мандрагоры. К полученной смеси надо прибавить кровь семи самцов воробьев, взятую из-под левого крылышка. Потом семь гран мускуса, триста шестьдесят семь гран корицы высшего качества, три пестика левкоя и немного порошка стебля алоэ; по кусочку от каждого щупальца полипа, вываренного в двадцати одном гране меда и, наконец, пятьдесят гран серой амбры...

Бандой перебил:

— Все ингредиенты можно, так или иначе, найти, но вот серая амбра — вещь очень редкая, особенно в это время года. Мы можем достать максимум черную. Вы напрасно обнадежили клиентку, дав невыполнимое обещание.

— Предоставьте это мне, — ответил Мишель, чувствуя себя слегка смущенным. — Конечно, амбра будет вам стоить очень дорого, но вы включите ее стоимость в стоимость лекарства.

— Полагаюсь на вас. С рецептом все?

— Не совсем. К смеси надлежит добавить пятьсот гран *racina apuristis*, который есть у нас в аптеке, и немного критского вина, которое всегда можно найти в порту. Потом всыпать около унции очищенного сахара. Все это истолочь в мраморной ступке деревянным пестиком и вылить смесь в стеклянный сосуд, вычерпывая ее серебряной ложечкой. Ее следует прокипятить, пока сахар не превратится в сироп, и вылить в хрустальный сосуд, украшенный золотом и серебром. В момент поцелуя надо взять в рот ложку снадобья весом примерно в пол скудо. После этого будет трудно сдержать пыл любовника.

Бандой задумался.

— Если дама делает такие заказы, то, как видно, груз девственности ей весьма досаждают. Я должен осведомиться о состоянии дел папаша, чтобы увериться, сможет ли она заплатить.

— Примите во внимание, что, когда смесь будет готова, вы выдадите клиентке всего ложку и у вас остается изрядный запас, — с хитрым видом ответил Мишель. — Большинство женщин в городе, да и во всем мире, недовольны своими мужьями. Вот увидите, «*Rosulum*» пойдет нарасхват.

— Нетрудно вам поверить. Я правильно сделал, взяв вас в аптеку. Вы мастер косметики и любовных зелий. Одно только меня удивляет.

— Что именно? — спросил Мишель.

— У вас удивительные научные познания. Вы получили медицинский диплом в Монпелье, в одном из самых строгих университетов Юга. А занимаетесь косметическими мазями и обычными мармеладами. Вам не приходило в голову заняться более сложными исследованиями?

— Что вы имеете в виду? — осторожно поинтересовался Мишель.

— Приникать в сердце элементов, где их природа утончается, и становится возможным не только их смешивание, но и слияние. Не знаю, случалось ли вам читать труды Парацельса или Дениса Захарии...

Мишель нахмурился.

— Но вы говорите об алхимиках, один из которых к тому же протестант.

— Поймите меня правильно! — встревожился Бандой. — Я вовсе не собираюсь толкать вас в сторону материй, которые не одобряет церковь. Я призываю вас углубить ваши знания.

— В настоящий момент я не ощущаю потребности двигаться дальше.

В тоне своего помощника Бандой почувствовал решимость и не стал настаивать.

— Как хотите. Давайте работать дальше. Кроме «Rosulum» у нас еще много заказов.

Они оставались в аптеке до вечера, перекусывая только наскоро приготовленной зеленью из огорода Бандона. Когда стемнело, Мишель распрощался и неохотно двинулся в сторону таверны под названием «У черной рыбки», неподалеку от церкви Сент-Элюа, где обычно собиралась молодежь Бордо. Его совсем не привлекала перспектива провести вечер в таверне. С годами он начал ценить ночи, проведенные в одиночестве и тишине у раскрытого окна, в котором виднелось звездное небо. Девы радости его мало интересовали. За исключением очень редких случаев, его мужское естество не испытывало больше возбуждения прошлых лет. Член грустно повис, тестикулы наполнялись с трудом. Толчок жизненной силы он испытывал лишь в те моменты, когда он предавался молитве и созерцанию космоса.

Истина была в том, что ему не доставало пилозеллы с беленой, но он боялся себе признаться в зависимости от этих веществ. Он старался ни о чем не думать, пока шел по опустевшим улицам Бордо, освещенным луной, но у него не получалось. Наконец он увидел вывеску таверны: железную рыбку, потемневшую от ржавчины. Перед входом в заведение среди низких построек из дерева и кирпича что-то происходило.

Мишель замедлил, чтобы взглянуть. В центре хохочущей толпы Жан Трейе гонялся за перепуганным стариком. Тот метался из стороны в сторону, пытаясь выскочить из круга, но каждый раз получал от кого-нибудь оплеуху или удар кулаком, который заставлял его вернуться обратно.

— Иди, иди сюда, каналья! — заорал Жан Трейе, когда ему удалось схватить беглеца. — Я предупреждал или нет, что спалю тебе бороду? Будешь знать, как требовать долг с христианина! — Он обернулся. — Шарль, хочешь с ним разделаться?

Сениньюс вышел из таверны с горящим факелом в руке.

— Я здесь, Жан! А вот и инструмент для лучшего из цирюльников!

Многие в толпе засмеялись. Но проститутки, сгрудившиеся на пороге таверны, сжалились над стариком. Одна из них расплакалась и поднесла руки к сердцу.

— Но он больше не еврей! — крикнула она. — Он принял христианство!

Сениньюс посмотрел на нее с любопытством.

— Эти-то и есть самые скверные! В Испании такие, как он, плохо бы кончили! — Он протянул факел Трейе. — Давай, Жан! Побрей этого рекутитуса!

Жан Трейе поднес факел к густой бороде старика. Тот страшно закричал, схватился руками за лицо и помчался прочь, а пламя уродовало его подбородок. Толпа расступилась, кривляясь и улюлюкая.

Довольный Трейе направился к освещенному входу в таверну.

— Пусть этот пример послужит уроком городским ростовщикам, — громко сказал он. — Пусть знают, как притеснять истинных христиан. — Ответом были скромные, но искренние аплодисменты.

Мишель притаился в тени портика, стараясь побороть рвотные спазмы, сжимавшие желудок и грудь. Его вдруг как молнией озарило: надо бежать из этого города монстров, пока они не раскрыли его происхождение. Но где взять средства?

И тут он вспомнил о серой амбре.

АБРАЗАКС. ПУСТЫНЯ

Пустынная плоская равнина с разбросанными кое-где холмами отражала багрянец неба и пересекавшие его желтые полосы. Три раскаленных солнца, четко очерченные на горизонте, лизали песок огненными языками. Их свет, не затмевавший света звезд, неестественно удлинял все тени. Большие всего тревожили глаз нелепые тени горбатых чудовищ с крыльями, как у летучих мышей. Свившиеся в клубки чудовища виднелись по всей равнине, и время от времени одно из них гортанно выкрикивало строку стиха, которая

сразу тонула в безмолвии пустыни. Не было слышно никакого эха.

Нострадамус неподвижно стоял на невысокой скале и пристально, без видимого напряжения, глядел на сверкание трех солнц. Он повернул голову только в тот момент, когда заметил, что к нему, с трудом карабкаясь по каменистому склону, с разных сторон приближаются три фигуры. Ему не сразу удалось различить черты мужчины в широком черном плаще, женщины в роскошном платье и юного священника. То были его враги. Один из черных демонов вышел из оцепенения и начал лихорадочно рыть песок когтями, пока в песке не разверзлась дыра, куда он в испуге и провалился. В мертвенной суровости равнины эта дыра стала единственным следом хоть какой-то активности. Троица подходила все ближе.

— Где мы? — спросил человек в черном плаще, оказавшись у подножия скалы.

Нострадамус указал на три солнца, зажегших горизонт.

— А вы не понимаете? Мы вне времени.

Женщина, запыхавшись, подошла к скале и саркастически рассмеялась.

— Ты бредишь. Вне времени ничего нет.

Она рассеянно погладила одного из свернувшихся в клубок монстров по чешуйчатой шкуре. Чудище вздрогнуло, дернуло хвостом и снова замерло.

— Ты права, — ответил Нострадамус шепотом, который прозвучал неожиданно громко в окружающей тишине и превратился в утробный рев. — Мы и находимся в ничто. Но только отсюда можно увидеть все как есть. Все начала и концы.

— Ерунда. — Юный священник сердито вскинул голову. — Начала и концы суть в Боге, а мы вовсе не там.

Нострадамус пожал плечами.

— Ты скверный теолог. Последняя сфера творения предлежит Богу. Для людей ты мертвец, как я и твои спутники. А здесь вы живете, ибо там, где нет времени, нет и смерти.

— Если нет смерти, то нет и жизни.

— Совершенно верно. Мы и не мертвы, и не живы. Трудно определить состояние, в котором мы пребываем. Мы вышли из времени и должны приспособиться к этой новой реальности. Нас ожидает существование вне плоти, но и вне границ.

В этот момент гигантская ночная бабочка заслонила три солнца, медленно пролетев над их огненными сферами. Солнца качнулись и быстро сменили положение друг относительно друга, сохранив ровный ряд. Вместе с ними повернулся весь небесный свод, издав при этом странное подобие стона.

Человек в черном плаще бросил на Нострадамуса свирепый взгляд.

— Ты говоришь о предлежании Богу, но это святотатство. Мы пленники демона, которому ты служишь, а значит, твои рабы.

Пророк улыбнулся.

— Твое рабство и рабство твоих друзей добровольное. Вы пересекли все три плоскости вашего существования, преследуя меня и пытаясь разгадать мою тайну. Вы получили какие-то обрывки знания и неизбежно должны были прийти сюда вслед за мной. Вы сами, в своей ненависти, подписали себе приговор.

— Я и теперь тебя ненавижу. И всегда буду ненавидеть.

— Я тоже, — сказала женщина.

— И я, — отозвался юный священник.

Нострадамус кивнул.

— Я знаю. Боюсь, что это и станет вашей тюрьмой.

Зеленовато мерцающая, солнца снова поменялись местами. Одно из чудовищ, взмахнув перепончатыми крыльями, взлетело на скалу и застыло там, свернувшись кольцом. Оба — и человек, и животное — неподвижно вглядывались в новый рисунок звезд.

Снова настала тишина.

УБИЙЦА

Диего Доминго Молинас замерзал, забившись в угол кареты, которая мчала его по заснеженному Провансу. Лошади дрожали под шерстяными попонами. Молинас завернулся в свой черный плащ, который летом казался слишком тяжелым, а зимой, наоборот, был слишком легок. Он не стучал зубами только потому, что крепко стиснул челюсти.

Чтобы отвлечься от холода, он нехотя принялся просматривать бумаги, которые вез в большом конверте. Один из документов был проектом указа, который Франциск I должен был в скором времени подписать. Касался этот проект наказаний для еретиков: по сравнению с 1535 годом они существенно ужесточались. Светским трибуналам и парламентам было предписано подавлять ересь, избегая привычной процессуальной волокиты. Хотя очевидной мишенью оставались вальденсы и минориты, не было сомнений, что репрессии вскоре затронут и гугенотов, так что последствия будут непредсказуемы.

Молинас покачал головой. Король Франции, должно быть, не один месяц трудился, чтобы издать подобный декрет, который посягал и на единство его подданных, и на само понятие дворянства. Доказательством слабости правителя было уже то, что такой документ попал в руки испанского инквизитора — не исключено, что при содействии кого-либо из придворных. Франциск, конечно, рано или поздно подпишет указ, это вопрос времени. Он до сих пор возмущен тем, что пять лет назад манифест лютеран вывесили на двери его спальни.

Второй документ был личным письмом нового Великого инквизитора Испании Хуана Пардо де Тавера, вступившего в должность двумя месяцами ранее, 7 декабря 1539 года. Он посылал Молинасу свое благословение и давал понять, что секретарь Супремы дон Фернандо Ниньо доложил о его миссии. Однако полной уверенности в этом не было, поскольку ему предлагалось быть готовым к поездке на Сардинию в качестве визитатора, в помощь нерадивому инквизитору острова Андреа Санна. К счастью, ни точных дат, ни четких обязанностей в письме указано не было. Молинас надеялся, что послание не будет иметь практических последствий.

Третий документ представлял собой письмо, написанное крупными буквами, изящным почерком, явно не без вмешательства писца. Молинас давно выучил его наизусть и все-таки опять, в который уже раз, принялся перечитывать, держа листок дрожащими от холода пальцами. Письмо было отправлено из Салона-де-Кро и подписано Анной Понсард. Начало было написано по-латыни, что говорило о том, что писец привык сочинять прошения, но остальной текст был составлен на хорошем французском.

«Написано под диктовку Анны Понсард, чья свадьба состоялась на днях. Муж мой стар, но гораздо крепче, чем вы описывали, и здоров отменно. К счастью, он не может и не хочет исполнять супружеский долг. И слава богу, потому что он собой безобразен и почти слепой. Я дрожу от мысли провести остаток дней в этой вонючей дыре, где нет никаких развлечений, кроме pallacorda³⁵ у дворян и passadieci³⁶ в кости у крестьян. Пожалуйста, приезжайте поскорее, мне предпочтительнее видеть ваше лицо мертвеца, чем свиные рыла, которые меня окружают».

Несмотря на пробирающий до костей холод, Молинас слабо улыбнулся. В этот момент сильный толчок и удар в бок кареты заставили его выронить бумаги из рук. Он быстро понял, что произошло. Его карету кто-то пытался обогнать, но на скользком льду оба экипажа столкнулись. Он услышал ржание коней и с ужасом почувствовал, что его карета опасно накренилась. Его швырнуло в противоположную сторону, и он полетел вверх ногами. Кони ржали все громче, и в этих звуках слышался ужас.

Молинас застыл на стенке перевернутой набок кареты, потом осторожно себя ощупал и

³⁵ Pallacorda (*ит.*) — старинная игра в мяч, прародительница современного тенниса. (*Прим. ред.*)

³⁶ Passadieci (*ит.*) — букв. «пройди десятку». (*Прим. ред.*)

установил, что, кроме плеча, ничего не болело. Снаружи доносились проклятья и жалобы кучера. Но жалобнее всех ржали лошади, видимо, повредившие себе ноги.

Прошло какое-то время, и дверца кареты с силой распахнулась. Молинас еле сдержал крик, увидев, что внутрь просунулась смуглая до черноты голова африканского мавра. Он решил, что на него напали бандиты, и полез под плащ за кинжалом, который так и не нашел. Однако негр протянул ему руки без всякой враждебности, а наоборот, очень любезно. Молинас собрал разбросанные бумаги, уложил их в поясную сумку и только потом принял помощь двух смуглых рук с розовыми ладонями.

Выбравшись наконец наружу, он вздрогнул и от холода, и от зрелища, которое предстало его глазам. У кареты, в которой он ехал, одно колесо совсем соскочило, а другое медленно крутилось, скрипя погнутым ободом. Две лошади хромали и безуспешно пытались подняться, захлебываясь жалобным ржанием. Возле них на снегу, стоя на коленях, как ребенок, плакал кучер, и по его лицу из глубокой царапины на лбу бежала кровь.

Другая карета остановилась чуть впереди, и все пассажиры вышли. Молинас уставился на них с удивлением, потому что эта четверка представляла собой любопытное зрелище. Мавр гигантского роста, с умным, жестким, словно высеченным из эбонита, лицом и голыми руками, казалось, не чувствовал холода. Одет он был в легкую желтую рубашку без манжет и тонкие лиловые панталоны, заправленные в сапоги на шнуровке.

Рядом с ним стоял худенький юноша с лукавым выражением лица и длинными, заплетенными в косички волосами. Сбоку у него висела длинная шпага с эфесом, украшенным узором в виде рыбьей чешуи, хотя ничто в юноше не выдавало его принадлежности к дворянскому сословию либо же к военным. Кроме шпаги, к поясу был пристегнут кинжал в кожаных ножнах. Такие кинжалы итальянской либо испанской работы называли *sfondagiaco* («пробивающий кольчугу»). Кожаный жилет, уплотненный металлическими пластинами, и шляпа с пером, как у ландскнехта, заставляли думать о купце, которому приходилось не раз принимать бой.

Третий пассажир вполне мог сойти за бандита или сикария. Что удивительно, на поясе у него висел пистолет, какими были вооружены войска Карла V, со стволом в три ладони длиной и с шипами на конце, чтобы использовать его при случае для *colpo di grazia*, то есть для добивания противника, а также с прямой рукояткой, которую венчал винт с двумя массивными выступами. У него тоже была при себе легкая шпага, и от нее топорщился на боку серый плащ. Черты лица и пронзительные черные глаза выдавали южанина. На голове красовался выдавший виды высокий берет с пожелтевшим пером.

Скользя по обледенелой дороге, Молинас остановил взгляд на четвертом пассажире, который стоял поодаль, скрестив руки. Это был юноша лет двадцати шести, с тонкими чертами лица, густыми волосами и ухоженной темной бородкой. Одежда его не так бросалась в глаза, как одежда его спутников, но сшита была из тонкой шерстяной ткани и болонского шелка. При нем не было ни шпаги, ни другого оружия, но хватало одного взгляда, чтобы понять, что командовал в компании именно он.

Первым, отстранив мавра, к Молинасу подошел юноша с косичками.

— Сударь, мой хозяин весьма сожалеет о случившемся и искренне просит вас простить его, — сказал он с сильным итальянским акцентом, поклонившись, насколько позволял кожаный жилет. — Меня зовут Спаньолетто Николини, моего друга Вико де Нобили. — Он указал на человека с пистолетом. — Что же до мавра, то у него тоже есть имя, но его очень трудно произносить. Поэтому мы зовем его просто Мавр.

Молинас ответил на поклон, не слишком усердствуя.

— Прекрасно, а как имя вашего хозяина?

Молодой человек шагнул вперед.

— Мое имя Лоренцо да Сарцана, я студент Ломбардского колледжа в Париже. — У него итальянский акцент был еще сильнее. — Я очень сожалею об инциденте, который произошел не по злему умыслу, а из-за плохой дороги. Я готов возместить вам все убытки.

Он махнул тонкой рукой в сторону кучера, который все еще рыдал на снегу.

Молинас сразу смекнул, что иностранец врет насчет своей личности. Если бы он действительно был студентом, с ним не ездила бы свита из двух вооруженных людей и тем более мавр, кем бы он ни был — слугой или рабом. Повинуясь своей интуиции, он также решил солгать:

— Мое имя Мишель де Нотрдам, я странствующий врач и направлялся предложить свои услуги в Салон-де-Кро.

— О, я провожу вас, — любезно сказал выдающий себя за Лоренцо да Сарцану. — Но сначала надо подумать о захромавших лошадях. Желаете, чтобы ими занялись мои люди?

— Буду вам очень признателен.

Опрокинувшиеся лошади ржали все громче и испуганней. Лоренцо сделал властный жест в сторону Спаньолетто Николини.

— Займись этим.

— С удовольствием.

Юноша вытащил sfondagiaco и спокойно направился к одной из раненых лошадей. Одним быстрым движением кисти он перерезал ей горло и отскочил в сторону, избегая хлынувшей крови. Кучер, все еще на коленях, в мокрой одежде, так и не понял, что произошло. Зато вторая лошадь поняла прекрасно, и ее последний крик, вместивший всю муку, какую способно выразить животное, заставил содрогнуться. Но клинок, молниеносно перерезавший сонную артерию, заглушил этот крик. Спаньолетто полюбовался последними судорогами лошадиной головы и спрятал кинжал, даже не вытерев его. Потрясенный кучер вскочил на ноги и снова расплакался. Молинас же по достоинству оценил хирургическое мастерство юноши с косичками. Он подумал, что такой человек на службе испанской инквизиции был бы идеальным фамильо.

Лоренцо сделал приглашающий жест правой рукой.

— Доктор де Нотрдам, моя карета в вашем распоряжении. Впятером будет, конечно, тесновато, но разместимся.

— Впятером?

— Ну да. Мавр ехал в грузовом ящике, но теперь придется уступить это место вашему бедному кучеру. Как только прибудем на место, я рассчитаюсь с вами векселем. Что скажете?

— Согласен.

Спустя полчаса карета резво покатила по заснеженному Провансу. Молинас не испытывал никаких неудобств, находясь бок о бок с негром, молодым человеком с сомнительной биографией и двумя предположительными головорезами. Первое время пути он молчал, обдумывая ситуацию. Новые знакомые были итальянцами, и один из них происходил явно из аристократической семьи. Однако окружали его отъявленные негодяи, не исключено, что и наемные убийцы. Вариантов было два: либо молодой аристократ сам занимался разбоем, либо нанял разбойников для охраны.

Первую гипотезу можно было спокойно исключить, поскольку Лоренцо слишком любезно обошелся с жертвой, случайно попавшей в руки. Оставалась вторая гипотеза. Но какому итальянскому аристократу на территории Франции могла угрожать такая опасность, чтобы он нанял вооруженный эскорт? Разве что он оскорбил более могущественную персону или же был повинен в каком-то преступлении... И тут Молинас, кажется, понял. Всю картину могло прояснить недавнее событие в Италии. Но надо было удостовериться.

— Откуда родом ваша семья? — вдруг спросил он у бородача, сидевшего напротив.

— Из Флоренции. Точнее, из окрестностей Флоренции.

Несомненно, правда заключалась в первом ответе. Молинас торжествовал. Теперь он знал все. Юноша был Лоренцино Медичи, которого флорентийцы называли Лорензаччо. Три года назад он убил кузена Алессандро, который, будучи поставлен во главе флорентийского правительства Карлом V, сделался жестоким тираном. С тех пор убийцы, нанятые Козимо Медичи, занявшим место Алессандро, разыскивали его по всей Европе. Было известно, что Лорензаччо выполнял во Франции некоторые секретные поручения своего покровителя

Франциска I, но никто не знал, под каким именем он действует и где его резиденция.

Молинас постарался тщательно скрыть свои размышления и открытия под маской равнодушия. Юный бородач интересовал его только с одной точки зрения. Он приходился кузеном Екатерине Медичи, бездетной супруге Генриха Валуа, который после смерти дофина Франциска должен был получить французскую корону. Все знали, что Екатерина не слишком оплакивала убитого Алессандро. Европа содрогнулась, когда стало известно, что флорентийский тиран сажал своих противников в каменные казематы, где они еле помещались, а кормили их через отверстие в стене, чтобы как можно дольше продлить мучения.

Тот, кто называл себя Лоренцо Сарцана, с улыбкой повернулся к Молинасу.

— Вы не замерзли, господин де Нотрдам?

— Замерз. Я боюсь холода.

— Не беспокойтесь. До Салона еще далеко, но мы остановимся в каком-нибудь трактире по дороге пообедать и сменить лошадей. Естественно, вы мой гость.

— Буду вам очень признателен.

— Это минимум, что я могу сделать после неприятностей, которые вам причинил. Но расскажите о вашей работе. Вы ведь имеете диплом медика, верно?

— Да, я защитился в Монпелье. Теперь, как я уже говорил, я странствующий врач. Занимаюсь также фармакопеей, косметикой и, когда есть заказы, астрологическими прогнозами.

Лоренцо вздрогнул.

— Вы и астрологией занимаетесь? А вам знаком Джероламо Кардано?

— Только слышал это имя.

— А Жан Фернель, Козма Руджери, Агостино Нифо?

— О первых двоих знаю, что они состоят на службе при французском дворе, у Екатерины Медичи. У третьего мне известны несколько переводов с арабского. — Молинас уперся руками в колени и подался вперед. — Вижу, вы тоже занимаетесь астрологией.

— О, весьма поверхностно. Дело в том, что...

Лоренцо не договорил. Карета замедлила движение, и Спаньолетто высунулся в окно.

— Синьор, мы у трактира, — объявил он хозяину. — Кучер спрашивает, будем ли останавливаться.

— Да, да, конечно. Всем необходим отдых, и в первую очередь лошадям.

Просторное двухэтажное здание трактира живописно выделялось на снегу, покрывавшем поля. Для Молинаса было истинным наслаждением обнаружить внутри большой камин, в котором весело плясали языки пламени, бросая отсветы на стены, украшенные примитивными, но выразительными фресками с изображением сцен охоты. Как и во всех придорожных гостиницах, недоставало проституток, толпившихся в каждом городском заведении, да и клиентов не было. Вновь прибывших, за исключением мавра и двух очоковевших кучеров, усадили за стол поближе к огню.

Хозяин, появившийся вместе с хозяйкой и двумя цветущими служанками, что-то прокричал гарсону, потом сказал:

— Я распорядился сменить лошадей. — Он указал на кухню в глубине зала. — У нас жарится свинина с каштанами и другими фруктами, по сезону. Специй нет, мы уже давно их не видели. Но если господа изволят подождать, я могу приготовить еще блюда.

Не советуясь со спутниками, Лоренцо поднял руку.

— Свинина прекрасно согреет нутро. Принесите также хлеба — если есть, то белого — и сыра. А какие вина водятся в этих краях?

— Самое выдержанное — вино из Кро.

— Тогда вино из Кро на всех.

Едва хозяин ушел, Лоренцо шепнул Спаньолетто и Вико:

— Смотрите за дверью. Любой вошедший иностранец подозрителен. — Дождавшись

их согласного кивка, он слегка смущенно обернулся к Молинасу. — Видите ли, доктор де Нотрдам, со времен испанского вторжения в этом районе бесчинствуют бандиты. Бывшие купцы, крестьяне, оставшиеся без земли...

Молинас опустил покрасневшие от холода веки.

— Я это хорошо знаю.

Лоренцино быстро сменил тему.

— Вы себе не представляете, как я рад, что вы сведущи в астрологии и магии, да к тому же знакомы с Нифо и другими авторами, которых я назвал. Встреча с вами — это судьба. Видите ли, кроме учебы — в то время, когда нет лекций, — я выполняю некоторые поручения высокопоставленных лиц. Теперь, например, мне поручили обыскать всю Францию...

— Кто поручил? — перебил Молинас.

— Позвольте мне об этом умолчать, — с улыбкой ответил Лоренцино. — Скажем, очень высокопоставленная персона.

— Простите мне мою бестактность.

— О, это вполне понятно. Итак, мне поручили разыскать мага, астролога и алхимика, способного совершить невозможное.

— И что же?

— В кругах, близких ко двору, есть женщина, которая не может иметь детей. Человек, которому я служу, ее любит и не может прогнать, как это принято в подобных случаях. Он попросил меня найти человека, сведущего в оккультных науках и способного вернуть плодovitость его подопечной. С этим поручением я ездил в Милан к знаменитому Джероламо Кардано. Потом мне сказали, что в Бордо есть аптекарь Бандой и что он владеет секретом составов, мобилизующих женскую матку и наполняющих ее жизненными соками. Когда мы с вами так неловко встретились, я как раз направлялся туда.

Прислуга принесла вино, и Молинас подождал, пока она расставит на столе графины и бокалы. Он внутренне торжествовал. Без сомнения, бездетная женщина была Екатерина Медичи, а ее таинственный покровитель — Франциск I собственной персоной. Он прикидывал, как подчинить и использовать в своих интересах это горнило страстей. Инстинкт подсказывал ему, что из Лоренцино следует сделать верного и послушного агента. Однако для полного этого плана успеха надо было вызнать, какие скрытые пружины способны им двигать. Надо было попробовать средство, которое помогло бы сделать из него раба, а именно женщину.

Он подождал, пока Спаньолетто разольет вино по бокалам, и заметил:

— Если я вас правильно понял, господин Лоренцо, вы полагаете, что я именно тот, кто вам нужен.

— Да, я это чувствую.

— Но я не смогу сразу поехать с вами. У меня есть дела в Салоне, и я должен задержаться на несколько дней.

— Главное, чтобы вы меня потом догнали, — сказал Лоренцино, залпом осушив бокал и потянувшись за другим. Лицо его покраснелось, и стало видно, что он быстро пьянеет.

Молинас уловил эту перемену в облике аристократа и решил ее выгодно использовать.

— В Салоне мне надо навестить одну молодую даму, которая, сказать по правде, мало нуждается в медицинской помощи. Она недавно вышла замуж за выжившего из ума старика и теперь мучается желанием. Ей нужно не лекарство, а хороший любовник.

У Лоренцино заблестели глаза.

— И какова собой эта дама?

Он осушил второй бокал и снова протянул руку к графину.

— О, хороша необычайно. Думаю, уж ее-то матка в полном порядке. Надо ее только раззадорить.

Молинас рассчитывал на юный возраст Лоренцино, на его неприкаянную бродячую жизнь и на действие вина из Кро. Результат превзошел все ожидания.

— Знаете, что я вам скажу, друзья? — вскричал юноша, обеда с путников сверкающим взором. — Мы останемся в Салоне, пока господин де Нотрдам не проведет свою консультацию. А я буду на ней присутствовать, чтобы помочь обрести равновесие этой несчастной женщине, которую зовут... А как ее зовут?

— Анна Понсард, — ответил Молинас, но звон плошек с аппетитной жареной свининой, которые как раз ставила на стол прислуга, заглушил его голос.

ВРЕМЯ ЧУДОВИЩ

Мишель узнал аптеку, в которую направлялся. Она стояла на окраине Валанс-де-Аллоброж у излуины Роны, и на вывеске, как положено, красовалась бронзовая змея. Пожилой аптекар с длинным носом и добрым лицом любезно принял его и долго изучал предложенный кусочек серой амбры.

— Друг мой, — сказал он, помедлив. — Я возьму ваш товар, он отменного качества. Но, скажу откровенно, не ждите, что я много за него заплачу. К тому же его обработка — весьма трудоемкое дело...

— У меня также есть готовый товар, — возразил Мишель, указывая на сумку, стоящую у прилавка. — Парфюмерия, возбуждающие средства, средства от бесплодия и фригидности. Все что пожелаете.

Аптекар взглянул на него с грустью.

— На самом деле я даже не знаю, пригодится ли мне ваша амбра. Сейчас такие времена, что косметика клиентов не интересует, разве что дамы пожелают осветлить волосы.

Мишель почувствовал, как его охватывает отчаяние. В первые месяцы странствий по Южной Франции продажа серой амбры и косметики позволяла жить безбедно. Его кошелек был всегда набит монетами. Бандой щедро его вознаградили за «*Rosulum amatorium ad Venereum*», который возвратил счастье покинутой молодой супруге. С этими деньгами Мишель мог спокойно уехать из Бордо, устояв перед мольбами аптекаря, которому очень хотелось оставить его у себя.

Однако запас амбры постепенно таял, кроме того, зимой амбра дешевеет, поскольку ее гораздо чаще находят и она перестает быть редкостью. Мишель не учел сезонных особенностей, и теперь, чтобы заработать, ему приходилось повсюду предлагать свои услуги в качестве врача.

Тут он столкнулся с другим непредвиденным затруднением. Эдикт от 1 июня, подписанный Франциском I, отравил всю медицинскую жизнь Франции. Одни врачи были евреями, другие гугенотами. Эдикт, призывавший карать даже по подозрению в ереси, обернулся против врачей. Мишель видел больницы, опустевшие оттого, что врачей обвинили в убийстве пациентов, верных Папе, и брошенные аптеки, владельцы которых бежали. Теперь он тащился пешком, как нищий, согнувшись под тяжестью своей ноши и, что еще хуже, под тяжестью разочарований.

— Я умею готовить косметику любого типа, лекарства, а также конфитюры, — сказал Мишель, стыдясь того, что приходится так унижаться. — Некоторые рецепты известны только мне.

Аптекар покачал головой.

— У нас здесь деревня, спроса почти нет. Может, в Вене вы найдете покупателей: там много знаменитых врачей. — И тут его словно осенило: — Вот если бы у вас были уродцы...

— Уродцы? — удивился Мишель.

— Ну да, вроде этих.

Аптекар ткнул пальцем за спину, где в шкафу на полке виднелся ряд стеклянных сосудов, которых Мишель раньше не приметил. Когда он понял, о чем шла речь, у него вырвался крик ужаса. В одном из сосудов находился зародыш, несомненно человеческий, но с четырьмя ногами. Две ножки были потолще, две совсем тоненькие. Он плавал в каком-то растворе, скорее всего, в уксусе, и таранился сквозь стекло крошечными остекленелыми

глазками. В соседней банке плавала голова безглазого теленка. Потом шли курица с воробьиными крыльями, ящерица необычайной длины и прочие страсти. В последнем сосуде жидкости не было. В нем располагалось маленькое человеческое тело с куриной головой и змеиными хвостами вместо ног.

Мишель, увидев такое чудище, не смог сдержаться и вскрикнул:

— А эта... это что такое?

Аптекарь пожал плечами.

— Это единственный артефакт в моей коллекции. Гипсовая статуэтка древнего божества по имени Абразакс.

У Мишеля неистово застучало в висках. Он вдруг ясно увидел сцену, которая, как ему казалось, навсегда ушла в небытие. Кольцо из языков пламени вокруг начертанного на полу капеллы пентакля, ледяные глаза Ульриха и испуганные — тех студентов, что оставались за пределами круга. Потом сгусток темного тумана рядом и едва различимая в нем фигура жуткого существа с огромной куриной головой...

Помимо воли в сознании всплыло имя демона: Парпалус. И сразу же острая боль сдавила голову; казалось, череп вот-вот разлетится на куски. Наверное, он потерял сознание. Потом воспоминание внезапно исчезло, а вместе с ним и боль. Ноги так дрожали, что Мишель был вынужден опереться о прилавок. Сознание прояснилось. Сколько же времени прошло? Похоже, нисколько.

Аптекарь стоял к Мишелю спиной и ничего не заметил. Он указал на другие сосуды.

— Нынче народ требует вот этого. Звериных и человеческих уродцев. Не знаю почему, но нет у нас мало-мальски зажиточной семьи, которая не заказала бы мне какого-нибудь кошмарного заспиртованного уroda, чтобы держать его в кабинете или гостиной.

Мишель выждал, пока пройдет спазм, сдавивший горло, потом мрачно сказал:

— Время чудовищ предвещает войны и беды. И это неотвратимо.

— Тогда нас ждут тяжелые времена. Один путешественник сказал мне, что в марте в Сарцане, в Италии, родился двухголовый ребенок. Известно, что итальянская земля залита кровью гражданской войны. Если вы окажетесь правы, то впереди и другие трагедии.

Мишель поднял руку, чтобы удостовериться, что она не дрожит. Нет, все было так, как будто ничего не произошло.

— В общем, это так, но иногда рождение чудовища может касаться и личной судьбы. Может, кому-то сейчас надо опасаться угрозы, идущей из Сарцаны или как-либо связанной с этим городом.

— Как же убедиться в опасности?

— Разобравшись в знаках, которыми пронизано ее приближение. Будущее всегда неизвестно, но его следы можно обнаружить в прошлом: ведь за пределами видимого мира они сосуществуют. Проницательный и восприимчивый человек может распознать эти следы и разгадать их значение. Но разгадывать всегда придется лишь символы, ибо они находятся за пределами человеческого восприятия.

Аптекарь восхищенно присвистнул.

— Черт возьми! Да вы разбираетесь в оккультной философии! Вам знаком Корнелий Агриппа?

— Да, но ценю его невысоко. Все, что отвергает церковь, для меня презренно.

— Однако, отказавшись от этого предубеждения, вы могли бы разбогатеть. Помимо уродцев, у нашей публики есть еще увлечения: магия, астрология, а также все, что придает хоть какой-то смысл той неразберихе, в которой все мы живем.

— Это типично для времени упадка, когда будущее неясно. — Мишель, снова овладев собой, сделал решительный жест. — Нет, ни магией, ни колдовством я больше не интересуюсь, хотя в молодости этим и грешил. Теперь, когда жизнь мою омрачили события трагические, я озабочен только средствами к существованию.

Аптекарь разгорячился:

— Так я вам об этом и говорю! Нынче на доходы с медицинской практики да

фармакопеи не проживешь, то ли дело науки о звездах и волшебстве! Скажу вам больше: эти науки помогают совсем никчемным людям добиться признания и уважения. Всего несколько лет назад это было бы немыслимо. — Он понизил голос. — Хотите конкретный пример? Можете пройти всю Валенсию из конца в конец и не найти ни одного еврея, ни обращенного, ни правоверного. Их давно нет в городе, так как эдикт Фонтенбло, хоть и не направлен именно против них, побудил жителей выгнать всех до единого. Однако там есть один еврей, правда, обращенный в гугенотскую веру, которого никто не отважится тронуть. И знаете почему?

— Могу себе представить, — осторожно пробурчал Мишель, хотя был весь внимание.

— Потому что у него слава чародея и пророка, — заключил аптекарь. — И поэтому его уважают, с ним советуются, и городские власти с ним на равных. Его приглашает настоятель, он принят у епископа. Видите, что может сулить вам искусство некромантии? Это вам не косметические рецепты.

Мишель был настолько поражен, что испугался повторения видения. Он ответил почти грубо:

— Я пришел к вам сейчас, в августе, чтобы продать серую амбру. Вы ее берете или нет?

Аптекарь наклонил голову почти с укором.

— Конечно беру. Но надеюсь, что вы подумаете над моими словами. Мне в аптеке нужен астролог.

— Сколько вы сможете заплатить за амбру?

— Очень немного, как я уже вам сказал.

— Мне сгодится любая сумма. Вы, должно быть, поняли по моей одежде, что деньги нужны сразу.

Аптекарь порылся в сумке и бросил в раскрытую ладонь Мишеля несколько монет. Это было гораздо меньше того, на что тот рассчитывал. Но он не стал возражать. Положив на прилавок последний кусочек амбры, Мишель пошел прочь.

Он был уже довольно далеко, когда аптекарь окликнул его:

— Не забывайте о моем предложении! — Потом прибавил: — Куда вы собираетесь идти?

Мишель обернулся.

— Во Вьенн, как вы мне советовали.

— Найдите там доктора Франсиско Валериолу. Это талантливый человек и мой большой друг.

— Спасибо, — ответил Мишель и побрел вдоль берега Роны.

Теперь, имея в кармане немного денег, можно было бы отдохнуть в гостинице и пообедать, но он торопился поскорее добраться до Вьенны. Разум его был смущен кошмарным видением, и ему казалось, что он сможет освободиться, только отойдя от этого места как можно дальше.

Сверкание речной воды в лучах полуденного солнца вызвало другое видение. Месяц тому назад у него был сон наяву: он увидел, как над Монпелье, в разрыве облаков, показались в ряд три солнца. Он сразу понял, что это лица тех, кто всегда населял его ночные кошмары: Магдалены, Рене и Присциллы. Он ожидал, что ему сразу разъяснят смысл видения, но на этот раз ему удалось проснуться раньше, чем зазвучал голос странного назойливого существа.

Теперь ему показалось, что полуденное солнце вот-вот вызовет то же видение. Мишель постарался вновь обрести ясность рассудка и стал думать о лежащих в кармане деньгах и о том, насколько он одичал в последнее время. Прием сработал, и Мишелю стало легче.

Аптекарь был прав. Если алхимия оставалась занятием узкого круга ученых, то астрология и естественная магия обрели неожиданную популярность. Книги об эфемеридах, альманахи пророчеств, трактаты об опасных расположениях звезд ходили по рукам, достигая даже самых необразованных слоев населения. Астрологи и пророки наводнили Францию,

города оспаривали их друг у друга, и слава их была так велика, что их начали приглашать ко двору. Говорили, что эта мода совпала с появлением в королевской семье Екатерины Медичи, супруги дофина Генриха Валуа, поскольку все Медичи увлекались астрологией. И все же Мишелю казалось, что склонность к магическим искусствам — плод всеобщей неуверенности и страха. Он имел веские основания так говорить. В нем самом оккультное знание всегда сочеталось со страхом и неуверенностью.

Уже под вечер ему попался по дороге небольшой отряд солдат под командованием рыцаря. Плохо экипированные солдаты не были похожи ни на разбойников, ни на отставших от войска. На вид это были молодые крестьяне, явно неловко чувствовавшие себя в доспехах. Одни опирались на аркебузы, как на палки, другие держали шпаги клинками вверх, чтобы случайно не споткнуться о них.

Мишель отважился подойти к командиру, который шел, спешившись и ведя лошадь под уздцы.

— Прошу прощения, сударь, далеко ли до Вьенны?

Офицер был крепок и хорошо сложен, черные букли волной спадали ему на плечи, укрытые необычно элегантным плащом. Вместо ответа он с любопытством оглядел Мишеля.

— Вы еще молоды, — заметил он. — Но у вас уже поношенное платье и стоптанные, хоть и дорогие, башмаки. Как ваше имя?

— Мишель де Нотрдам.

— У вас странная шапочка. Не такие ли носят выпускники медицинских факультетов?

Мишель потрогал околыш шапочки с красным помпоном.

— Да, я окончил медицинский факультет в Монпелье.

— Как раз врач нам и нужен. Вы католик, я надеюсь.

— Принадлежу к Римско-католической церкви, — ответил Мишель, слегка раздраженный этим допросом.

Офицер кивнул, и его длинные напояженные усы заколыхались.

— Имею честь представиться: Антуан Эскален де Эймар, барон де ла Гард, капитан галер Востока.

Мишель испугался, что попал в лапы вербовщиков, силой набирающих матросов на галеоты французского флота. Он было попятился, но быстро сообразил, что бояться нечего. Во-первых, до моря далеко, а во-вторых, отряд вооруженных крестьян походил на что угодно, только не на команду гребцов.

Барон де ла Гард, видимо, почувствовал его замешательство и улыбнулся.

— Успокойтесь, я не набираю гребцов. Мне действительно нужны люди, я рекрутирую борцов за чистоту католической веры. Вы, должно быть, слышали о событиях на горе Люберон?

Мишель понятия не имел и не собирался это скрывать.

— Я даже не знаю толком, где находится гора Люберон. Это ведь где-то в Провансе?

— Да, к востоку от Салона-де-Кро и к северу от Экса. В этом районе владычествует ересь, попирая чувства истинных христиан. Вальденсы выступают против христианских поселений на своих землях и посылают карательные экспедиции против тех, кто захватывает их добро. Вплоть до вчерашнего дня мы должны были посылать петиции в Париж, но указ, подписанный в Фонтенбло, развязал нам руки. Я езжу с одного берега Роны на другой, чтобы собрать отряд, способный покарать вероотступников.

Мишель критически оглядел горстку крестьян, переодетых солдатами. Многие из них, не успев пройти и нескольких лье, воспользовались остановкой, чтобы усесться на траве. Однако от комментариев он воздержался.

— У вас есть земли в этих краях? — спросил он.

— Да, есть. Если я не в море, то живу в Салоне, и у меня есть имение в горах, как раз там, где землей завладели вальденсы. Но не думайте, что мною движет личная выгода. Готовится новый Крестовый поход, и я уверен, что добровольцы найдутся по всем южным землям. Мне в отряде очень пригодился бы медик.

Мишелю предстояла деликатная задача отклонить предложение. На счастье, аптекарь из Валенсии, сам того не ожидая, создал для этого прекрасный предлог. Ноттрам развел руками, насколько позволял мешок за плечами.

— Я охотно последовал бы за вами, господин барон, но мне обязательно нужно попасть во Вьенн. Там работает мой теперешний хозяин, Франсиско Валериола. Он нанял меня в помощники, и я должен к нему явиться.

Офицер нимало не обиделся. Напротив, он широко улыбнулся, и улыбка засияла янтарем в последних лучах солнца.

— Франсиско Валериола? Да это мой близкий друг. Вам повезло: медика учнее его нет во всем районе, а может, и во всей Франции. Пожалуйста, передайте ему привет.

— Обещаю, господин барон, — ответил Мишель, довольный, что отделался.

— Благодарю. Однако я призываю вас к высокому служению. Как закончите работу у доктора Валериолы, присоединяйтесь ко мне. Вы мне понравились, и я считаю, что вы просто созданы для меня. Знайте же, я вас жду.

— Где именно?

— На горе Люберон, естественно.

— Да, но в каком месте?

Улыбка барона превратилась в жестокую ухмылку.

— Место не важно. Везде, где вы услышите плач еретика, буду я. Чтобы догнать меня, достаточно будет идти по следам пожаров.

Мишель содрогнулся. Поудобнее закинув за спину дорожный мешок, он зашагал дальше, буркнув на прощание:

— Желаю удачи, господин барон.

Ответа он дожидаться не стал. Отойдя на порядочное расстояние, он услышал, как офицер строил солдат:

— Вставайте, паршивое мужичье! Вы что, думаете, мы уже пришли? Шевелитесь, треклятые блошинные насесты!.. Вот так! И помните, что шпаги и аркебузы — это вам не костыли!.. Тоже мне крестоносцы! Боже, сохрани нас от еретиков!

Нострадамус добрался до Вьенна уже поздним вечером, в тот час, который в монастырях называют повечерием. Город спал, освещены и открыты были только таверны. Есть по-прежнему не хотелось. Он искал лишь гостиницу для ночлега и без колебаний зашел в первую попавшуюся.

Как и во всех подобных заведениях, первый этаж был занят остерией и народу там толпилось видимо-невидимо. Пришлось локтями пробивать себе дорогу в толпе студентов, торговцев, солдат и ремесленников, не считая подозрительных личностей без определенных занятий. Конечно, тут же сидела группа в дым пьяных монахов-францисканцев. Бесчисленные проститутки, почти все с голыми грудями, увертываясь от ласк, норовили затащить клиентов побогаче наверх.

Добравшись наконец до хозяина, Мишель был встречен свирепым взглядом.

— Нищие у нас спят в хлеву, но там места уже нет.

Стараясь перекрыть галдеж и хохот, Мишель крикнул:

— Я могу заплатить вперед, мне нужна комната на ночь.

Угрюмая физиономия хозяина слегка смягчилась.

— Если у вас есть деньги, добро пожаловать. Только их может не хватить. Комнаты нужны девочкам для работы. Я могу освободить одну только при условии, что не потеряю в деньгах. Сколько у вас есть?

Стиснутый со всех сторон, Мишель показал несколько зажатых в кулаке монет.

Хозяин помотал головой.

— Этого не хватит. То есть на одну ночь, может, и хватило бы, но на девочках я заработаю больше. Вы знаете кого-нибудь в городе?

— Да, — воскликнул совсем оглушенный Мишель. — Франсиско Валериолу, медика. Я его разыскиваю.

Хозяин, казалось, очень удивился. В следующий миг он уже вел гостя под руку через зал к деревянной лестнице на второй этаж. Сюда шум долетал уже приглушенно.

— Могу предложить вам эту комнату, — сказал он, указывая на дверь. Он снял со стены фонарь, в котором горела свеча, и открыл дверь. Потолок был низкий, кровать узкая, но в целом комната выглядела приемлемо. — Вам подойдет? — спросил хозяин.

— Вполне.

— Могу я узнать ваше имя?

— Мишель де Нотрдам, врач, родом из Сен-Реми.

— Располагайтесь.

Хозяин поставил фонарь на стул и закрыл за собой дверь.

Полчаса спустя, когда Мишель возился с окном, пытаясь его закрыть, чтобы снаружи не дуло и не проникал шум из соседних комнат, в дверь постучали. Полагая, что это снова хозяин, Мишель сказал, стоя лицом к окну:

— Входите, что вам еще угодно?

Когда же он повернулся, то увидел очень маленького человечка, почти карлика, который стоял, прислонившись к косяку.

— Вы Мишель де Нотрдам? — спросил гном низким, глубоким голосом.

Мишеля поразил его тонкий профиль, темный на фоне ярко освещенного коридора.

— К вашим услугам. А вы кто такой?

— Франсиско Валериола, — радостно ответил гном. — Вы представить себе не можете, какое для меня удовольствие познакомиться с личным советником нашей будущей королевы.

От изумления Мишель чуть не сел мимо стула.

ПАРИЖСКИЕ НОРЫ

Как ни старался Молинас всеми усилиями веры держать в узде дремавшего в нем зверя, тот время от времени давал о себе знать. Так было и теперь, пока он ждал в роскошных парижских апартаментах супругов Больм, когда наконец Анна Понсард, некогда Жюмель, и Лоренцино закончат любовные игры.

Вот уже часа два он сидел в коридоре на рундучке, и терпение его понемногу истощалось. Ему было скучно, и он продрог до костей, потому что в доме камины топились в комнатах, но не в коридорах. Осень же стояла холодная и дождливая. Молинас дрожал, несмотря на то, что заменил свой старый плащ на новый, двойной, из черного бархата.

Зверь зашевелился, когда он заметил, что дверь в спальню прикрыта неплотно и в щель, если чуть наклониться, можно наблюдать за движениями любовников. Поначалу он не поддавался искушению, но постепенно сдал позиции острому желанию подглядеть. В испанце ожесточенно боролись строжайшее воздержание, к которому он себя приучил, и плоть, которую он так и не сумел до конца обуздать. И бесполезно было взывать к вестготскому Христу. Плоть победила, и он, подавшись вперед, начал подглядывать, задышавшись от ужаса, что его изобличат.

Зрелище, сказать по правде, было не ахти. Любовников, утопавших в мягкой постели под балдахином, почти не было видно. Изредка выныривало только по-юношески худое тело Лоренцино, которое Молинаса вовсе не интересовало. Как только оно появлялось, Молинас тут же выпрямлялся. Но время от времени, оправдывая все ожидания, из перин выплывало и сладострастное тело Анны. Оно принимало такие позы, какие добропорядочной даме и не снились, и проделывало движения, какие никак не могли санкционировать бдительные духовники по той простой причине, что у них не хватило бы на это воображения.

Потрясение, вызванное сладострастной сценой, слегка тускло от чувства вины, которое заглушить не удавалось. Так он и промаялся, рассчитывая от силы на четверть часа, но мучительное ожидание все не кончалось, словно все силы ада ополчились на него в этой комнате.

Наконец в коридоре раздались шаги, и Молинас, отпрянув, выпрямился. Появившийся

Спаньолетто Николини бросил на него иронический взгляд.

— Вы все еще здесь? Не замерзли?

— Замерз, — зло ответил Молинас, — но ваш хозяин велел мне подождать.

На лице наемника, похожем на мордочку хорька, отразилось нечто вроде симпатии с сардоническим привкусом.

— Вы, должно быть, не знаете, что когда мой хозяин развлекается с женщиной, время для него перестает существовать. Конечно, все дело в его юном возрасте и в силах, что в избытке скопились в нем за последнее время.

Молинас подумал о тех силах, что в нем самом скопились за последние лет двадцать, заставляя его всякий раз пачкать постель, когда ему снилось что-нибудь греховное. Он нахмурился и поспешил перевести разговор на темы более конкретные и невинные:

— Где господин Больм?

— Старикашка-то? Наверху. Почти все время спит, а как только просыпается, Мавр дает ему вина. И он снова засыпает.

— Вы открыли окна?

— О да. В комнате у Больма жуткий холод, дождь хлещет в окно, и весь пол залит водой. Мавр только и делает, что плачется.

— А старик? Кашляет и харкает?

— Какое там! Спит, он же все время пьян! Поверьте мне, господин доктор, дядюшка Больм проживет еще лет двадцать.

Должно быть, голоса проникли в спальню, потому что на пороге, прикрывшись руками, появился голый Лоренцино. Из-за его плеча выглядывала Анна, успевшая накинуть рубашку, и лицо ее светилось блаженством. Юный Медичи начал:

— Кто это тут болтает возле нашей двери? — но, увидев Молинаса, сидящего на рундучке, покраснел. — О, простите ради бога! Теперь вспоминаю, я просил вас подождать... Я думал, вы не примете это буквально... Молинас взглянул на него без выражения.

— Не беспокойтесь. Скажите только, зачем я вам понадобился.

— Я в отчаянии, я правда в отчаянии... — бормотал Лоренцино, и было видно, что он говорит искренне. — Пожалуйста, еще минуту терпения, я оденусь и скажу, в чем дело.

Он удалился вместе с возлюбленной, на этот раз плотно прикрыв дверь. Спаньолетто расхохотался.

— Постарайтесь понять его, доктор. Теперь вы знаете, что за ним следят. Имеет же он право расслабиться.

— Прекрасно понимаю, — ответил Молинас своим мыслям.

— Вернусь-ка я к старикашке, чтобы заморозить его как следует. На самом деле все эти приемчики мало что дают. Давайте я просто перережу ему глотку.

— Закон Божий запрещает преступление, закон человеческий его карает.

— Как хотите. Увидимся позже.

Молинас отметил для себя примитивность мышления наемника. В общем упадке эпохи совсем стерлась грань между грехом простительным и грехом смертным. Убить человека было грехом смертным, подготовить его смерть — грехом простительным. Точно так же и он сам, вождевая женского тела, совершал грех простительный, но если бы он поддался похоти и овладел женщиной, то это был бы уже грех смертный. А испанская инквизиция? Разве она не передавала исполнение смертных приговоров, вынесенных в великодушных и милосердных выражениях, в руки светских властей? Тем самым она держала себя в чистоте. Но как это объяснишь тому, кто вырос на идеях свободомыслия, бродивших по Европе?

Молинасу с трудом удалось оторваться от этих мыслей, когда снова появился Лоренцино. Уже на второй месяц знакомства юный Медичи понял, что его разгадали, и открылся тому, кто называл себя Нотрдамом. На юноше был черный камзол с просторным приталенным жилетом, на поясе висела маленькая шпага, которую он по аристократической привычке позволял себе носить только из-за ее полной безобидности. Рядом с ним стояла

Анна, одетая в простое серое платье. Оно вполне соответствовало бы ее статусу будущей вдовы, если бы не слишком глубокий вырез.

Лоренцино провел рукой по ее крашеным светлым волосам и легонько поцеловал в щеку.

— Ступай, дорогая, увидимся вечером.

— Я на это рассчитываю, — ответила она и, бросив на Молинаса тревожный взгляд, исчезла в глубине коридора.

Лоренцино остановился напротив испанца, и тот поднялся с рундучка ему навстречу.

— Вы уже знаете, что я проинформировал мою кузину, супругу дофина Екатерину Медичи, о ваших способностях и учености. Но есть одна деталь, о которой я умолчал, и за это, как и за многое другое, я должен извиниться.

— Бросьте извиняться, говорите, — бросил Молинас. От холода реплика получилась грубой, но он не смог сдержаться.

— То, о чем я хочу вам рассказать, произошло прошлой весной, когда я приехал навестить кузину в Амбуаз, куда все время выезжает двор. Следуя вашему совету, я шепнул астрологам и магам, которыми она себя окружает в надежде избавиться от бездетности, одно слово. Амбра...

— Абразакс.

— Вот-вот. Никто ничего не понял, за исключением одного человека, но он не маг и не астролог. Он знаменитый врач из Валенсии, его зовут Франсиско Валериола.

— Он автор солидных книг, особенно о том, как победить чуму.

— Именно так. Он находился при дворе, куда его вызвал король Франциск. Король рассчитывал, что он поможет Екатерине обрести плодовитость. Услышав от меня слово «Абразакс», он очень взволновался и засыпал меня вопросами, на которые я, понятно, не мог ответить. В последующие дни я узнал, что он говорил кузине о вас, Мишеле де Нотрдаме, и советовал ей с вами проконсультироваться. Он представил вас как человека необычайных знаний.

— Но он со мной даже не знаком! — запротестовал Молинас.

— Вот как? Однако ваше имя ему было знакомо. Как бы там ни было, но, похоже, слово *Абразакс* известно очень немногим, и эти немногие друг другу помогают. Можете объяснить мне, что оно значит?

— Нет, — ответил Молинас, и это была правда. Штом прибавил: — Думаю, теперь Екатерина Медичи захочет видеть меня в Амбуазе.

— Хотела бы, но принять вас не может. Сейчас не может. — Лоренцино смутился. — Ваша фамилия, прошу прощения, заставляет думать о еврейском происхождении. Да вы и сами об этом говорили. В настоящий момент моя кузина не может принять ни Нотрдама, ни Бевенисте, ни Левитиса. Эдикт, подписанный этим летом в Фонтенбло, хотя об этом и говорится открыто, дал Франции единую религию. Я знаю, что вы именно ее и исповедуете, го ваши еврейские корни исключают контакты с двором.

Мэлинас втайне порадовался. Если дело обстояло именно так, то это означало, что преступная толерантность Франциска Валуа наконец пошла на убыль. Он притворился обиженным:

— Тогда о чем вы хотели со мной говорить?

— Слова излишни. Следуйте за мной, и вы все поймете. Приготовьтесь к путешествию в неизведанный, тайный Париж. Дайте мне только время снарядить карету.

Молинас был рад возможности наконец-то покинуть холодный коридор. Хотя на улице было не лучше. Дождь лил как из ведра, рискуя разнести в клочья сточные желоба. Улица превратилась в мутную реку, по которой плыли нечистоты пополам с мусором. Ледяной ветер пробирал до костей, хлестал по фасадам домов. И город, привыкший к дождям, не мог смириться с бичом приближающейся зимы.

В карету без опознавательных знаков вместе с Молинасом и Лоренцино сели Мавр и Вико де Нобили. Все четверо сильно промокли. Обычно Вико не носил оружия, но сейчас

под серым плащом, падавшим ему на колени, ясно угадывались очертания палаша и большого, пристегнутого к поясу пистолета.

Карета громыкала по мостовой под струями дождя. Молинас плохо разбирался в топографии Парижа, но довольно быстро сообразил, что они выехали из квартала Тюильри и направились вниз по правому берегу Сены. Уже лет двести в этих районах гнездились все нищие и изгои, каких только мог вместить огромный город. В Италии их тщательно описал Тезео Пини в «*Speculum Cerretanorum*»,³⁷ в Германии — анонимный автор в «*Liber vagatorum*»³⁸

Именно вдоль набережной располагались так называемые «дворы чудес»: скопища бараков и домишек, которые разрастались во все стороны, образуя такую запутанную сеть закоулков, что даже отряды жандармов, призванных следить за порядком, не отваживались в них углубляться. Такой же страх парализовал и конную полицию, которую время от времени вызывал в город главный прево Парижа.

В эти месяцы 1540 года скромные силы парижской полиции были брошены на подавление «большой стачки»: восстания типографов, начавшегося год назад в Лионе и теперь дошедшего до столицы. Франциск I был до того встревожен, что запретил типографам собираться на ассамблеи, требовать повышения жалования и объединяться в братства. Исполнение его приказа потребовало мобилизации всех сил охраны порядка и развязало руки нищим и преступникам.

Для «дворов чудес», от самого обширного, что находился у Нового моста, до самых маленьких, наступило время вольницы. Молинас заметил это, как только карета покатила по узким переулкам в окрестностях тюрьмы Шатле — исторического места обитания преступников, которые проходили школу жизни в тюрьме и с этой же тюрьмой потом связывали свою судьбу. Из-под вывесок бесчисленных таверн выглядывали цыгане, которым раньше муниципалитет платил только за то, чтобы они не показывались в городе. Возле них ошивались попрошайки всех сортов, дезертиры в лохмотьях военной формы, старые хромые проститутки и юнцы с хитрыми либо отсутствующими лицами. Все ждали, когда кончится дождь, чтобы снова разбредись по улицам и заняться своим подозрительным промыслом.

Дом, напротив которого остановилась карета, стоял между запертой остерией и старым магазином и ничем не отличался от других домов: такой же обшарпанный и дряхлый. На его каменном телеросло со временем столько деревянных пристроек, что он стал походить на кривую и угрюмую Вавилонскую башню.

— Вы удивитесь, — сказал Лоренцино, улыбнувшись Молинасу, — но в этой халупе обитает самый ученый человек нашего времени.

— Зачем мне с ним встречаться? — спросил обеспокоенный испанец. Он постоянно пребывал в панике, боясь, что столкнется с кем-нибудь, кто знаком с Нотрдамом и сможет его изобличить.

— Я говорил ему о вас, и он хочет вас видеть. С его помощью мы постараемся проникнуть в королевский дворец.

Однако подъезд дома, куда так стремился попасть Лоренцино, не имел никаких признаков королевского достоинства. Из дверей, выходивших в сырой коридор, то и дело высовывались встревоженные крюконосые лица, любопытствуя, что за гости пожаловали. В полутьме комнат Молинас различил длинные бороды и пышные волосы обитателей. Личности этих людей не вызывали сомнений: срабатывал инстинкт давней, застарелой ненависти. Евреи. Эта клоака кишела евреями. Он поплотнее завернулся в плащ, словно тот мог защитить его от ужаса, который внушало это место.

Лоренцино сделал знак Вико и Мавру.

³⁷ «Зеркало церретанов». (лат.)

³⁸ «Книга бродяг». (лат.)

— Можете подождать здесь. Я вне опасности. — Потом он обернулся к Молинасу. — Следуйте за мной, господин де Нотрдам, и не поддавайтесь впечатлению от обстановки: даже в куче навоза можно порой найти настоящий бриллиант.

Он повел Молинаса по шатким лестницам деревянной части дома, потом они миновали переход, ведущий в крытый дворик, по которому прохаживались все те же бородачи, уткнувшись носами в книги. Наконец они оказались перед покосившейся дверью. Лоренцино постучал, и ему ответили:

— Войдите!

Тогда юноша распахнул створки и втолкнул Молинаса перед собой.

Испанец оказался в большой, приличного вида комнате, стены которой были сплошь заставлены шкафами с книгами и рукописями. За столом сидел человек лет сорока с тонкими, правильными чертами лица. Густая черная борода немного его старила. За незнакомцем стоял старый еврей в длинном лапсердаке и ермолке на седых волосах. Видимо, он объяснял человеку за столом какое-то место в лежащем перед ним древнем списке. Увидев вошедших, он так и застыл, уперев в лист пергамента указательный палец.

Глаза чернобородого блеснули сначала удивлением, потом радостью.

— Лоренцино Медичи! Вот уж кого рад видеть!

За последнее время Лоренцино успел отвыкнуть от своего настоящего имени и поэтому смутился, однако затем с жаром стиснул руки хозяина дома.

— Это я рад видеть вас, мэтр Гийом! Мы уже целый месяц не виделись, а для меня это слишком долго. — Он обернулся к Молинасу, стоявшему на пороге: — Господин де Нотрдам, это Гийом Постель. Вы, разумеется, слышали о нем.

Молинас впервые слышал это имя, но почтительно поклонился. Видимо, в его глазах читалось удивление, поэтому Лоренцино продолжил:

— Господин Постель — мой близкий друг. Мы познакомились три года назад, в тысяча пятьсот тридцать седьмом, после... — Наверное, он имел в виду дату совершенного им убийства, но вовремя осекся и поправился: — Во время королевской миссии ко двору Сулеймана. Я был послом, и в моей свите самым грамотным и ученым оказался мэтр Постель. Вернувшись из Константинополя, я нашел его в Королевском коллеже, где он преподавал математику и восточные языки. Вы ведь знаете, я посещаю этот коллеж.

Молинас не нашелся, что сказать, и снова поклонился. Постель спас его от неловкости, обернувшись к еврею:

— Спасибо, можете идти, рабби Тодрос. — Как только старик вышел, он оглядел гостя и отвесил ответный поклон. — Господин де Нотрдам, могу себе представить, как вас озадачили обстоятельства нашего знакомства. Мой долг — рассеять ваши сомнения. Мне говорили, что вы ревностный католик, но ваша семья, Санта-Мария, возможно, бежала из Испании от произвола инквизиции. Так вот, дом, где вы сейчас находитесь, дает приют евреям, бежавшим во Францию от преследований инквизиции Испании. Они и здесь вынуждены прятаться среди нищих и оборванцев, но по-прежнему привержены своей вере и хранят древнее знание.

Лоренцино, похоже, почувствовал враждебность Молинаса, потому что счел своим долгом уточнить:

— Мэтр Постель — не еврей и не обитает в этом доме. Сюда он приходит учиться.

— Что же он изучает? — спросил Молинас, стараясь скрыть отвращение.

Ему ответил сам Постель:

— Эти изгои обладают бесценным знанием. Трудно себе представить, сколько мудрости таится в еврейской философии, особенно в Каббале. Я принадлежу к христианам, но убежден, что в иудаизме, как в зародыше, содержатся все остальные религии и все языки. Не случайно наш Франциск является прямым потомком еврея Ноя.

— Франциск Первый питает к мэтру Постелю безграничное почтение, и моя кузина Екатерина тоже, — объяснил Лоренцино. — Даже Сулейман был очарован его утонченной культурой. Это во многом помогло нам объединиться с ним против Карла Пятого.

Постель постучал пальцем по рукописи, лежащей перед ним.

— Медленно, с великим трудом я перевожу «Багир», а «Зогар» уже перевел. Христианская и еврейская религии восходят к общему началу, и Каббала в их синтезе сыграет роль проводника. Чтобы истина стала всеобщим достоянием, я обязан изложить эти мысли при дворе. Но в одиночку мне не справиться. Здесь нужен тот, кто вырос на стыке двух религий и сможет на деле показать плодотворность их слияния.

Молинас подумал о том, что, будь на его месте настоящий Нотрдам, он бы, наверное, возмутился. Ему же нельзя было выказывать непримиримость.

— Двор, похоже, не желает меня знать, — еле слышно пробормотал он.

— Знаю, знаю. Это все результат предрассудков, под влиянием которых находится и наш либеральный король. Я берусь быть посредником между вами и супругой дофина. Она не только почитает меня как философа, но и имеет явную склонность к астрологии и прочим наукам, развитию коих вы способствуете.

— Это правда, — подтвердил Лоренцино, — у нее при дворе больше астрологов, чем придворных дам.

— Если к тому же, господин де Нотрдам, ваше мастерство фармацевта подскажет вам эффективное средство от бесплодия...

С одной стороны, Молинас чуял интригу, которую можно было выгодно использовать. С другой стороны, у него вдруг начался приступ удушья. Дело было, конечно, в плачевном состоянии, в котором находился дом, в старых досках, испускавших под дождем какие-то зловредные флюиды, под стать подозрительным и карикатурным личностям, населявшим развалюху. Но и не только в этом. Молинас сделал для себя весьма болезненное открытие: монархия, считавшая себя христианской, на поверку оказалась подчинена влиянию Постеля, большего еврея, чем сами евреи.

— Вы преувеличиваете мои достоинства, — сказал он, подавляя рвотные спазмы.

— О нет. — Улыбка Постеля сделалась еще дружелюбнее. — Любой студент, изучающий иудаизм, знает, что такое Абразакс или Абракасас. И знает, что в сферу этого понятия не проникают без глубоких знаний и необычных способностей. — Он сложил пальцы. — Господин де Нотрдам, хотите довериться мне?

— Хочу.

Улыбка, которой Молинас сопровождал свои слова, говорила не о доброте душевной, а о том, что он прекрасно знал, какая судьба ждет и Постеля, и его сообщников, и эту гнусную еврейскую нору. И Лоренцино, то есть Лорензаччо.

ТРИ СОЛНЦА

Мишелю очень понравился Франсиско Валериола. За ним закрепилась слава необыкновенной личности, но это не мешало ему быть человеком простым и сердечным. Со своими тяжело больными пациентами он обращался с такой нежностью, что чудодейственный результат лечения подчас зависел вовсе не от лекарства. С теми же, кто явно прикидывался больным, он был ироничен, но без сарказма. Он утверждал, что несуществующая болезнь — тоже болезнь. У него для всех находилось доброе слово, и пациенты уходили от него если не выздоровевшими, то ободренными.

Была у Валериолы одна навязчивая идея.

— Видите ли, Мишель, — говорил он, беря гостя за руку, — все недомогания, с которыми мы имеем дело, являются тенью главной болезни — чумы. С точки зрения медицины это болезнь века. Стоит только справиться с чумой — и все остальное отойдет на задний план.

Обычно эти беседы происходили в малой гостиной, служившей амбулаторией. Она соединяла роскошную квартиру, которую занимал Валериола с женой и целым выводком детей, с аптекой, где он готовил микстуры.

— Я убежден, — ответил Мишель, сдерживая гримасу боли при воспоминании о

Магдалене и детях, — что чума — единственная болезнь, перед которой мы бессильны.

— Да, и как странствующий медик вы, наверное, заметили, что чума всегда соседствует с войнами и голодом. Потому я и говорю, что она — ключевое явление нашего века. Мы живем в эпоху голода и конфликтов, а эпидемии только дополняют картину. Если мы найдем причину их возникновения, то, помимо средства борьбы с чумой, узнаем топографию социальных бед.

Мишель находил его слова разумными и убедительными, но понимал, что Валериола не может предложить ничего конкретного. Он ограничивался диагнозами, пусть точными, но без практических рекомендаций. В этом он всецело принадлежал к академической медицинской школе.

Однажды теплым мартовским утром 1541 года, когда уже начавшее пригревать солнышко снова позвало Мишеля в дорогу, он заспорил с Валериолой по поводу чумы:

— Вы все твердите, что чума приходит с войнами и голодом. Послушать вас, так надо согласиться с теми, кто утверждает, будто чума — Божья кара за грехи людей.

Валериола, качавший на руках младшего ребенка, с такой горячностью протянул вперед руки, что чуть не уронил малыша на пол.

— Вы же прекрасно знаете, что мне чужды дурацкие идеи, которые распространяют священники.

— Однако выводы вы из этого делаете неправильные. Чего нам недостает в периоды войн и бед? Гигиены. Чисто прибранный город чумы не боится. Я это знаю по опыту.

Посадив сынишку на руку, Валериола покачал головой.

— Вы уже рассказывали мне о своей практике в Монпелье, а потом в Агене. Но такие случаи распространения чумной эпидемии имеют место тогда, когда в городские амбары проникают в поисках пищи мыши с выжженных полей. Мой тезис не лучше других, но у него есть одно достоинство: он раскрывает причину заражения. А ваш тезис относится к симптомам. Извините, но это тезис вульгарной медицины.

— Для эмпирической медицины причина и симптом заражения составляют единое целое. Но возьмем город, вычищенный от крыш до погребов. Пойдут туда мыши? Нет, они не найдут ничего съестного. Но даже если они попадут в город и успеют кого-нибудь заразить, чистый, без миазмов воздух воспрепятствует распространению эпидемии.

— И что вы предлагаете? — спросил Валериола, снова принимаясь укачивать ребенка, который захныкал.

— Прежде всего, убрать грязь в зараженных городах. Затем заставить жителей вставить в ноздри дезинфицирующие тампоны, чтобы не дышать зараженным воздухом.

— Да, но это и так делается.

— Но никогда — с применением действительно пригодных бальзамов.

Валериола вздохнул не то смущенно, не то восхищенно:

— Душу аптекаря видно сразу. Скажу вам по дружбе: это концепция медицины урезанной и приниженной. Вы мастер своего дела, но такой путь вам не пристал. — Тут он разгорячился, хотя и держался в границах вежливости. — Вы тратите время на косметику и мармелад. И те средства, что вы прописываете дофине, даже если она и родит после этого, все равно не соответствуют вашим способностям. Да что с вами?

— Так, ничего.

Мишель вздрогнул. Когда при первой встрече Валериола намекнул на его предположительную службу Екатерине Медичи, он не решился возразить, справедливо полагая, что если оставит Валериолу при этом мнении, то легче добьется его признания и уважения. Потом он все собирался при первой же возможности развеять эту иллюзию, но так и не нашел в себе мужества. Ведь если Валериола считал его равней и возвысил до статуса компаньона, то не иначе как потому, что считал его принятым при дворе. Таким образом, Мишель, несмотря на свои комплексы и метания, понемногу начал завоевывать уважение. И он ни за что не поставил бы все это под удар, сказав правду.

— Позвольте мне продолжить, — горячился Валериола. — Мне не хотелось бы сказать

что-то для вас неприятное, но ведь правда, что вы владеете знанием, которое известно лишь немногим посвященным?

Мишель внезапно побледнел.

— А вы откуда знаете?

— Я уже сказал: при дворе известно ваше имя. И говорят, что много лет назад в Бордо вы одолели чумную эпидемию не ароматизаторами, а инъекциями мышьиной крови и инфицированной жидкости.

У Мишеля бешено застучало в висках.

— Прошу вас! — воскликнул он хрипло, вытянув вперед руки. — Не надо! Я давно вычеркнул все это из памяти!

— Как вам угодно, — согласился Валериола. — Но я не об этом хотел с вами поговорить, а о более конкретных вещах. В какой-то момент вашей жизни вы прикоснулись к знанию, которое может представлять смертельную опасность. Пусть так. Но не дайте этому знанию пропасть втуне, найдите ему достойное применение, вернитесь к изучению оккультной философии. И ваша слава от этого только выиграет.

Мишель, успокоившись и овладев собой, решительно тряхнул головой.

— Я решил посвятить себя только медицине, — сказал он все еще срывающимся голосом.

— Вот и посвятите себя высокой медицине! И перестаньте тратить время на кремы, конфитюры и гастрономические изыски! -

Валериола заметил, что малыш заснул, и осторожно положил его на подушки дивана, обитого золоченой итальянской парчой. Однако голоса он не понизил: — Чума, с которой бороться, найдется всегда. Кто ее победит, добьется вечной славы, расположения народа, церкви и знати, не говоря уже о дворе. У вас есть все, чтобы это осуществить. Чего же вы ждете?

— Действительно, когда я говорил об испарениях...

Мишель не успел закончить фразу, так как на пороге появился слуга и уставился на него в ожидании, когда ему позволят говорить. Поскольку хозяин дома молчал, он сделал слуге знак приблизиться.

— Только что прибыл курьер с письмом для господина де Нотрдама, — сказал слуга, протягивая запечатанный конверт. — Мне велели его передать.

Удивленный Мишель взял конверт. Очень мало кто знал, что он находится в Валенсии. Знал его брат Жан, с которым он не виделся годами, обмениваясь редкими письмами, знал Антуан Ромье, которому он написал пару писем, но ответа не получил. Однако почерк на конверте не походил на почерк ни одного из них. Несомненно, писал мужчина. Острые, с нажимом буквы говорили о том, что писали либо в спешке, либо питая злобу и раздражение к адресату.

— Я оставлю вас прочесть почту, — вежливо сказал Валериола.

Он взял на руки спящего малыша и, бережно прижав его к себе, вышел в сопровождении слуги.

Оставшись один, Мишель вскрыл конверт и прочел первые строки. Сердце его затрепетало.

«Дорогой Мишель,

Не знаю, помните ли Вы меня, но моя душа говорит, что да. Мы были знакомы много лет назад в Монпелье, когда Вы были студентом. Может, Вы помните Жюмель, самую робкую из девушек, посещавших таверну „Ла Зохе“. Так вот, это я. Тогда мы любили друг друга, но наши дороги разошлись, и Вы предпочли другую. Мне казалось, что я Вас возненавидела, но любовь, которую Вы мне тогда внушили, продолжает жить в моем сердце. Может, потому я и изменила свою жизнь и стала женщиной почтенной и религиозной. Теперь я живу в Салоне-де-Кро, изредка наезжаю в Париж, замужем за злобным стариком, который нажил

свое богатство, занимаясь дурными делами. Он мучает меня и, учитывая его возраст, не может сделать меня матерью. Мне остается только мечтать, что в один прекрасный день Вы приедете, красивый, суровый и нежный, как тогда в Монпелье, и освободите меня. Но я знаю: этот сон из тех, что никогда не сбываются. Я решилась написать Вам не затем, чтобы внести смятение в Вашу жизнь, а просто чтобы передать Вам биение сердца, которое продолжает жить Вами, несмотря ни на что.

*Анна Понсард,
когда-то известная как Жюмель».*

Закончив читать, Мишель почувствовал, как его бьет озноб. Сразу несколько противоречивых устремлений разрывали его на части. Первое было устремлением плоти, продиктованным почти тремя годами добровольного воздержания. Он вспомнил свежие губы Жюмель, медленные, извилистые движения ее языка, мягкую полную грудь, которую так приятно было ласкать. Сладостные воспоминания сразу сделали его уязвимым и заполнили разум тем непередаваемо ярким ощущением восторга и удивления, которое испытывают два нагих тела, мужское и женское, оказавшись рядом. Столько лет он старался вычеркнуть это ощущение из памяти, да, видно, не получилось...

Однако порыв сразу нестись очертя голову в Салон был тут же усмирен доводами рассудка. Откуда Жюмель узнала, что он находится именно здесь? И кто написал письмо? Почерк был явно не женский, но и не тот безразлично-нейтральный, каким пишут писцы. От письма так и веяло враждебностью, которую другой читатель и не заметил бы, но чувствительная натура Мишеля распознала сразу.

Обычных средств узнать истину не существовало. Разве что... Нет, он поклялся себе не прибегать больше к этой практике. Но ведь случай явно экстренный. Если он не узнает истину, проснувшаяся чувственность может взять верх над разумом. Эти губы, эта грудь... Это сладостное потаенное напряжение...

Он отчаянно боролся с собственной слабостью, потом, зажав в кулаке скомканное письмо, ринулся через вестибюль к дверце, ведущей в аптеку. Валериола был на месте и в ожидании клиентов читал книгу.

— Есть у вас ястребиная трава? — возбужденно спросил Мишель.

— Конечно, сколько угодно, — ответил Валериола, удивленный таким натиском. — У вас что, задержание мочи?

— А белена у нас еще есть?

Тут взгляд Валериолы стал внимательнее.

— Да, но надо бы вам знать, что мы используем *altericum* только в очень редких случаях. Например, в виде капель на кариозные зубы или в виде растирания от вшей. На здоровых людей белена оказывает то же действие, что и белладонна: они становятся как сумасшедшие.

— Дайте мне ястребиной травы и белены, — возбужденно настаивал Мишель. — Я сам знаю, для чего они мне нужны. И не бойтесь.

Валериола не заметил приказных ноток в его тоне или сделал вид, что не заметил.

— С ястребиной травой проблем нет. Что же до белены — вызываю к вашей ответственности как медика. Вы обязаны предупредить о ее необычном действии пациента, которому ее назначаете.

— Не сомневайтесь.

Получив то, чего добивался, Мишель перемешал измельченные травы в ладони и отправился на кухню, где приказал повару приготовить из них отвар. Внимательно рассмотрев напиток, он вылил его в медную чашку и велел повару тщательно вымыть кастрюлю.

С чашкой в руках Мишель поднялся в маленькую, обитую штофом комнату, которую занимал в доме Валериолы. Замка на двери не было, но он рассчитывал на тактичность коллеги. Он сел на край кровати. По лбу струился пот, сердце готово было выпрыгнуть из

груди.

Преодолев последние колебания, он выпил напиток. Скомканное письмо так и осталось у него в руке. Потянулись бесконечные минуты ожидания. Наконец, как и много лет назад, тело начало выгибаться в конвульсиях. Он успел заметить, как чашка, выскользнув из руки, с оглушительным грохотом запрыгала по полу. И тут же стена перед ним исчезла и появилось темное небо, на котором, выстроившись точно в ряд, сияли три солнца.

Он понял, что неправильно проинтерпретировал прежнее видение. Солнца не были лицами Магдалены и умерших детей. В них чувствовалось что-то недоброе, и на их поверхности появлялись красноватые отсветы. Казалось, будто их извращенная троица взяла верх во вселенной. Внизу виднелся темный неизвестный город, весь усыпанный трупами в белых саванах.

Он снова услышал голос, что-то шепчущий ему на ухо. В клубе тумана показалась темная бесформенная фигура. Она радостно колыхалась, явно указывая вниз, под ноги. Мишель смог только опустить глаза и взглянуть в картину, всплывающую со дна огромной пропасти с огненными стенами. И тут же он оказался среди каких-то выступающих из темного тумана зданий.

Там, куда доставали красноватые лучи, жизнь угасала и оставались только трупы. Картина города начала приближаться. Теперь Мишель мог видеть, что происходит между домами и в переулках. Вдруг из-за угла появилась отчаянно бегущая фигура. Он сразу узнал бледное лицо с покрасневшими глазами. Только вместо черного плаща был серый, весь забрызганный кровью. Бегущий человек все время оглядывался через плечо, словно спасался от невидимого врага. Он явно был очень испуган и мог бы вызвать жалость, если бы знал, что это такое.

Потом человек заметил Мишеля. Страх в его глазах сменился ненавистью. Он указал на Мишеля пальцем.

— Думаешь, ты победил меня? Но я еще вернусь! — взвизгнул он, и в следующий миг на нем вспыхнула одежда. — Я вернусь! Я вернусь! — все еще кричал он, и от его лица остались только глаза, точно в линию, как три солнца на небе.

Вдруг демон перестал нашептывать из тумана.

— Господин де Нотрдам! Господин де Нотрдам!

Мишель впал в тревожную летаргию, из которой его вывел этот повторяющийся зов.

Он поморгал глазами и увидел встревоженного Валериолу, который, склонившись над ним, вытирал ему платком губы и подбородок. Он лежал на кровати, а слуги собирали раскиданные по комнате предметы.

Валериола вздохнул с облегчением.

— Благодарение Богу, вы меня слышите, — пробормотал он. Потом сказал с мягкой укоризной: — Вы не говорили, что страдаете эпилепсией. Я бы смог вас подлечить. Если только ваш приступ не был вызван напитком, который вы изволили выпить.

Мишелю стало стыдно за свое беспомощное положение и, особенно за слюну, обильно текущую по бороде. Когда он смог наконец, говорить, он тут же попытался придать плачевной ситуации оттенок благородства:

— Я хотел попробовать лекарство на себе. Не мог же я его прописать, не проверив действия.

— Это похвально, но не помешает мне вас выругать, — добродушно рассердился Валериола. — Я же предупреждал вас о действии белены. Известно, что ястребиная трава вызывает слюнотечение. Результат вы видите сами. Вы хотели создать новое лекарство, а получили средство, вызывающее эпилепсию.

— Вы правы, — покорно согласился Мишель.

Ему очень хотелось остаться одному. Теперь он был уверен, что к письму Жюмель приложил руку его вечный преследователь, Диего Доминго Молинас. Монстр, которому он приписывал смерть жены и детей, несомненно, снова был на свободе. Более того, Мишель знал, где он находится.

И все же в ловушку его загнать не удалось. Пышные свежие прелести Жюмель оказались приманкой в смертельном капкане. Он подождал, пока выйдут Валериола и слуги, и начал лихорадочно паковать вещи. Сборы заняли меньше часа, все лишнее он выбросил. Уже готовый, в дорожной одежде, с узлом за плечами и с палкой, Мишель явился в аптеку к своему патрону.

— Я ухожу, — объявил он твердо.

Валериола взглянул на своего компаньона с явным непониманием.

— Вы шутите?

— Вовсе нет. Я странствующий врач и не могу долго засиживаться на одном месте.

— Понимаю. То есть ничего не понимаю, ну да все равно. — Валериола положил книгу, которую держал в руках, и выдвинул ящик стола. — Ваше решение как-то связано с недавним припадком? Если это так, то знайте: я сразу догадался, что никакой эпилепсии у вас нет, и полагаю, что ясно дал вам это понять.

— Эпилепсия здесь ни при чем. Я просто чувствую, что снова пора в путь. На то у меня есть свои причины. И не надо меня удерживать.

— И пытаться не буду. — Валериола порылся в ящике, вытащил оттуда кошелек и заглянул в него. — Здесь полфлорина и еще несколько монет. Сейчас в аптеке больше ничего нет. Возьмите их. Ваша помощь была очень ценной, и дружба тоже.

Глаза Мишеля слегка увлажнились.

— Я не могу взять эти деньги. Это я должен отплатить вам за знания, которые вы мне передали.

— Тогда примите их в дар в знак взаимной дружбы. — Валериола пристегнул кошелек к поясу Мишеля, и тот не стал сопротивляться. — Куда думаете направиться?

— Спущусь вниз по Роне, буду останавливаться там, где во мне будет нужда.

— Если вернетесь во Вьенн, не забывайте, что там живут Иероним Монти и Франсуа Мариус, мои давние друзья. А если спуститесь до Марселя, сразу отправляйтесь к Луису Серре. Думаю, нынче во всей Франции не найдется медиков такого таланта.

— Не премину.

Мишель направился к двери, но Валериола вскочил и преградил ему дорогу, положив руки на плечи.

— Господин Нострадамус, запомните три вещи. Первое. Если вы лечите важную персону при дворе, такую, как, например, Екатерина Медичи, это может быть делом весьма благородным, а может и весьма опасным.

Мишель смущенно склонил голову.

— Я буду об этом помнить.

— Второе. В наше время единственная болезнь, способная действительно вызывать страх, это чума. Где бы вы ни находились, изучайте ее досконально. Я вас убедил?

— Да, — твердо ответил Мишель.

— Третье. Заработки тех, кто владеет оккультным знанием, в наше время огромны. Заставьте вашу ученость приносить доход, чередуйте занятия медициной с колдовством и чудесами. Вы будете богаты, вас станут уважать. Из всех трех советов последний, может быть, самый важный. Подумайте.

На этот раз Мишель не ответил. Он высвободился из рук Валериолы и с сердечной улыбкой ему поклонился. Потом повернулся и вышел на улицу. Яркий свет ослепил глаза. На небе сияли сразу три солнца. Мишель с трудом сдержал рвущийся с губ крик.

КОЛЬЦА ЗМЕЯ

Дождь прекратился, но небо было еще покрыто облаками, и канавы, разделявшие парижские улицы на две части, наполнились грязной водой. Запах сточных канав был отличительным признаком города, а грязь, переполнявшая их, указывала на явное перенаселение.

Карета ждала у одного из городских дворцов напротив старинной черепичной фабрики под названием «Тюильри». Слуги с помощью Мавра уже погрузили туда огромный сундук, привязав сверху свертки, пакеты и шляпные коробки и накрыв все это сверху куском вошеного полотна. Когда груз был прочно увязан, Вико де Нобили и Спаньолетто Николини вышли из подъезда, ведя под руки несчастного Жана Больма, одетого в легкую рубашку, с длинной прядью волос, свисавшей с лысого черепа. Старик по обыкновению что-то бормотал,водя по сторонам безумными желтыми глазами. Его посадили на заднее сиденье, под которым был прикручен баул.

Анна Понсард, с заплаканными глазами, вышла под руку с Лоренцино, за которым шел Молинас. На ней было богатое, подбитое мехом пальто; светлые крашенные волосы, собранные в замысловатую прическу, украшали золотая сеточка и парчовая, вся в лентах, шляпа. Дойдя до дверцы кареты, она обернулась к Лоренцино.

— Это действительно необходимо? — прошептала она.

Юноша выглядел усталым и осунувшимся.

— Ты же знаешь, что необходимо. Если останешься со мной, подвергнешься смертельной опасности.

Она потянулась к нему со страстным поцелуем, но он лишь коснулся ее губ плотно сжатыми губами и сразу отстранился. Тут Молинас решил, что настал его черед вмешаться.

— Синьор Лоренцо, я бы хотел сказать мадам несколько слов наедине. Я должен дать ей кое-какие советы по поводу ее здоровья.

Лоренцино пожал плечами.

— О, пожалуйста, господин де Нотрдам. Но не забывайте, что Гийом Постель ждет нас вовремя.

Он вернулся в подъезд, укрываясь от сырого ветра, и его свита последовала за ним. Тем временем к дому уже подъезжал второй экипаж.

Молинас взял даму под руку и отвел на несколько шагов от повозки, чтобы никто не мог их слышать.

— Вы плачете, Жюмель. Вы что, всерьез влюбились в Лоренцино?

Она шмыгнула носом.

— Нет, конечно. Я плачу оттого, что надо снова возвращаться к жизни с этим мешком костей, за которого вы меня выдали.

— Не огорчайтесь, это ненадолго.

— Я это слышу от вас уже несколько лет.

Молинас усмехнулся.

— Нынешний год будет последним. Вы слышали, что четырнадцатого февраля в Авиньоне на небе появились три солнца? Это предвестие смерти для всех слабых и больных.

— Слышала. Однако думаю, что это предвестие смерти для всех. — Глаза Жюмель высохли и в них промелькнула насмешливая искорка. — Синьор Молинас, а вы не чересчур увлеклись ролью Мишеля де Нотрдама? Вы стали говорить совсем как он.

Испанец раздраженно махнул рукой.

— Обо мне не беспокойтесь. Скоро вы станете богатой вдовой. Только помните, кому вы обязаны такой удачей. Всегда!

— У меня хорошая память. — Жюмель подмигнула. — Всякий раз, как захотите полюбоваться на то, что вам так нравится, — милости прошу!

Намек на единственную слабость, которой он в последнее время снова стал поддаваться, разозлил Молинаса.

— Вы предназначены Нотрдаму! Прошу об этом не забывать!

— Тсс! Тише, друг мой, не так громко! — Жюмель огляделась по сторонам и сказала с той же саркастической ноткой в голосе: — Я дождусь Мишеля, как вы того хотите. Надеюсь, слишком долго ждать не придется.

— Успокойтесь, не придется. Ваш муж уже и теперь скорее мертв, чем жив. Идите, время ехать.

Он посадил Жюмель в карету, захлопнул дверцу и дал знак кучеру. Она помахала ему рукой, потом послала нежный воздушный поцелуй в сторону подъезда. Карета тронулась, и Жюмель расположилась рядом с мужем.

На место первой тут же подъехала другая карета. Молинас подождал, пока в нее сядут Лоренцино, Вико, Спаньолетто и Мавр, а потом поднялся сам.

Лоренцино выкрикнул адрес и откинулся на сиденье.

— Теперь, когда уехал Больм, я остался без крыши над головой.

— А раньше вы где жили? — спросил Молинас, хотя прекрасно это знал.

— В Королевском коллеже, где и познакомился с Постелем. А еще раньше — в Коллеже ломбардцев. Но я не создан для такой жизни.

— Может, вы поспешили отправить Анну и ее супруга?

— А что мне еще было делать? — Лоренцино выглядел расстроенным. — Господин де Нотрдам, вы достаточно давно знаете, кто я. Но, может быть, плохо себе представляете, что значит быть Лоренцо Медичи, человеком, который убил флорентийского тирана Алессандро. С той минуты, как его наследник Козимо обещал сто аспри тому, кто меня убьет, за мной непрерывно охотятся.

Молинас кивнул.

— Понимаю. Однако вы пользуетесь поддержкой вашей кузины Екатерины. И, что еще ценнее, короля Франциска и его сестры Маргариты Наваррской.

— Думаете, убийца, привлеченный такой суммой, откажется от куша? Если бы Франциск держал меня при дворе — другое дело. Но мое присутствие для него тоже обременительно... Вико, как зовут того лионского типа?

Сияясь вспомнить, разбойник наморщил низкий лоб.

— Кажется, Чеккино. Чеккино из Биббоны.

— Вот, Чеккино из Биббоны, бывший капитан неизвестно какого войска. Это уже четвертый или пятый убийца, который назвался. — Лоренцино пристально взглянул на Молинаса. — Понимаете, синьор Нотрдам? Если бы мои лионские друзья меня не предупредили, этот Чеккино был бы уже здесь, пытаюсь меня заколоть.

— Надеюсь, вы велели его арестовать.

— Об этом позаботились мои друзья, но теперь он снова на свободе. Какие у судей доказательства? Хоть посылай ему извинительное письмо. — Лоренцино вздохнул. — Вот почему пришлось расстаться с Анной и ее мужем. Она, конечно, шлюха и ни минуты меня не любила, но я не могу подставить ее под нож убийцы. Что же до старика, то он несчастный больной, из всех нас самый невинный.

Спаньолетто тряхнул волосами, заплетенными в косички.

— Этот тысяча пятьсот сорок первый год заканчивается под дурным знаком.

— Верно сказано, приятель. Мне надо решиться до зимы уехать из Парижа. Здесь за мной следят слишком много глаз.

Карета тем временем подъехала к кварталам, окружавшим Шатле, которые в пасмурную погоду казались еще более жалкими. От чудовищного лабиринта лачуг поднимался тяжелый чад. Только здешний житель был способен отличить обыкновенный дом от борделя, а бордель от закрытой таверны, куда можно было проникнуть, только шепнув пароль. В это время дня все многочисленное население лачуг попряталось. Ночь была еще далеко, да и частые облавы заставляли остерегаться выходить на улицу, тем более в такую погоду.

Когда они подъехали к еврейскому кварталу, Молинас спросил:

— Вы знаете, зачем понадобились Постелю?

— Я ему не нужен, он хочет видеть вас. Эти слова встревожили Молинаса. А вдруг Постель уже знает, что ждет его друзей? Нет, не может быть. Вряд ли каббалист в курсе тех политических игр, что имеют место на высшем уровне власти после заключения непрочного мира между Франциском I и Карлом V. Именно хрупкость этого перемирия и заставила Молинаса действовать так оперативно. Милан оставался спорной территорией, и

напряженность в отношениях обоих суверенов сохранялась. Со дня на день могла вновь разразиться война.

У одного из домов Лоренцино первым вышел из кареты, едва не угодив в грязную лужу, вода из которой все-таки окатила ему сапоги и опущенные лисьим мехом края плаща. Стоя на краю, он созвал спутников и обратился к чернокожему гиганту:

— Ты, Мавр, пойдешь со мной и с господином де Нотрдамом. — Остальным он указал на единственный в доме подъезд и велел встать по обе стороны. — Вико, Спаньолетто, стойте на страже. Предупреждайте о любом подозрительном шуме.

Как и во время их первого визита, бородатые люди в черном встревоженно высовывались из дверей своих комнатук. Не обращая на них внимания, Лоренцино, Молинас и Мавр поднялись на верхний этаж, осторожно передвигаясь по лесенкам, переходам и галереям внутренних дворику.

Увидев их на пороге своего кабинета, Постель захлопнул лежавшую перед ним книгу и вскочил на ноги. Безо всяких преамбул он ткнул в Молинаса тонким пальцем.

— Вы... вы... теперь уж вы мне ответите! И я заставлю вас ответить убедительно, иначе...

Он так волновался, что каждое слово давалось ему с трудом.

— Почему вы так говорите? Что такого сделал мой друг? — подал голос Лоренцино.

— Что он сделал? Он выставил меня посмешищем, вот что он сделал! Он разрушил мое положение при дворе, и теперь ничего нельзя поправить!

Обычно сдержанное и полное достоинства лицо Постеля изменилось до неузнаваемости. В глазах засверкал безумный огонек, словно полученное оскорбление помutilо его рассудок.

Молинас ничего не понимал и предоставил Лоренцино задать вопрос:

— Да о чем вы говорите?

— Этот человек, — заорал Постель, брызгая слюной, — обещал вернуть плодovitость дофине! Вот уже месяцы, как я служу при дворе посредником, сообщая Екатерине Медичи очередное прописанное им средство. Точнее, очередную мерзость, которую и назвать-то тошно. Паста из дождевых червей, коровий помет, моча мула... А последний рецепт был просто издевательством: зашить в одежду пепел лягушки и носить на шее кабаньи яйца!

Молинас все понял. С тех пор как он назвался Нострадамусом, он волей-неволей должен был рекомендовать средства от бесплодия, в которых ничего не смыслил. И он прибегнул к следующему способу: прописывать то, что нормальный человек ни за что не рискнул бы проглотить. А теперь до него дошло, что каждый рецепт был принят за чистую монету, и дофина, скорее всего, от страха, что супруг с ней разведется, честно выполняла все его предписания...

Парадоксально, но именно последнее средство было согласовано с алхимической и некромантической литературой.

— Пепел лягушки и яйца кабана упоминает в своих рецептах Исидор Физик, — важно промолвил Молинас. — Надо немного подождать, и...

— Подождать? — в отчаянии выкрикнул Постель. — Весь двор смеется за спиной бедной девушки! Франсиск Первый, когда увидел у нее на шее мешочек и узнал, что там, чуть не умер со смеху. Муж Екатерины, Генрих, вообще от нее отвернулся и исчез вместе со своей любовницей, Дианой де Пуатье. Уже четыре дня о нем ни слуху ни духу. Вы никакой не чародей и не врач! Вы шарлатан!

В глубине души Молинас ликовал. Именно этого он и хотел добиться, прикидываясь Нотрдамом и при посредничестве Постеля преподнося это имя двору. Ему надо было навлечь на медика гнев короля, спровоцировать его опалу и арест с последующей высылкой в Испанию и тем самым выманить из укрытия Ульриха из Майнца, который явно себя обнаружит, узнав о судьбе ученика. Он не ожидал, что все получится так быстро. Однако торжество пришлось спрятать за гримасой горечи.

— Господин Постель, вы ко мне несправедливы. — Он обернулся к Лоренцино. —

Прошу вас, заступитесь за меня.

Юноша очень удивился.

— Думаю, что недовольство нашего хозяина вполне понятно. Бьюсь об заклад, что он представил моей кухне ваши лекарства как свои собственные. Не так ли, месье Постель?

Молинас вздрогнул. Если это было так, то весь его план оказался пустой тратой времени. Он без удовольствия заметил внезапное смущение каббалиста, сразу смягчившее ярость, которая искажала его лицо. Он понял, какую глупость совершил, доверившись, с одной стороны, тщеславному юнцу, а с другой стороны, безумцу. К счастью, у него был наготове еще один план, и касался он Жюмель. Тем не менее это не устраняло доказательств его досадной некомпетентности.

В комнате на миг воцарилось молчание, которое нарушили и на лестнице. Запыхавшийся Спаньолетто сразу бросился к Лоренцино:

— Синьор, по улице приближаются жандармы. Похоже, это отряд Делль'Иль.

— Ну и что?

— С ними прелат. Надеюсь, что я ошибаюсь, но он очень похож на епископа Торнабуони.

Лоренцино вскрикнул и выскочил из комнаты, за ним Спаньолетто и Мавр. Молинас медлил: очень уж дрожали ноги. Он прекрасно понимал, зачем здесь находится епископ Альфонсо Торнабуони да Салюццо, представляющий в Париже интересы Карла V и Козимо Медичи. Но он никак не ожидал, что тот появится в такой неподходящий момент. Определенно судьба от него отвернулась, и защищаться было нечем.

Испанец не заметил удивления Постеля, который, казалось, бредил. Едва обретя твердость в ногах, он в свою очередь бросился вниз по бесконечным лесенкам и переходам. На улицу он выскочил с секундным опозданием. Карета Лоренцино уже отъехала довольно далеко, но ее дверца все еще была распахнута в надежде, что он успеет вскочить внутрь. Однако перед Молинасом в окружении вооруженного отряда уже гарцевал на серой лошади епископ Торнабуони.

Он дружески улыбнулся.

— Господин Молинас! — воскликнул он приятным баритоном. — Настал миг, к которому вы так тщательно готовились. Король скрепил своей подписью альянс с императором. Совсем скоро мы разорим это еврейское гнездо и погоним его обитателей к границам Испании. — Потом епископ доверительно прибавил: — Здесь никто не помнит бревиса Иннокентия Восьмого от тысяча четыреста восемьдесят седьмого года, где европейским принцепсам вменяется в обязанность выдавать испанской инквизиции всех, кого она разыскивает. Вы вспомнили об этом как раз в нужный момент.

Краем глаза Молинас увидел, как дверца кареты захлопнулась и экипаж быстро понесся прочь. Ярость поражения вспыхнула в нем с удвоенной силой. Он схватил коня епископа за узду.

— Монсиньор, я просил вас дожждаться моего сигнала! Знаете, кто был в той карете? Лоренцино Медичи!

Торнабуони нахмурил лоб.

— Вы это серьезно? — Однако лицо его тут же разгладилось. — В любом случае я не смог бы задержать его здесь. Впрочем, я настигну его, где бы он ни спрятался. А сейчас у меня есть кем заняться.

Командир отряда подъехал к епископу.

— Монсеньор, позвольте мне выполнить приказ короля. Любое промедление может привести к неожиданностям. В этих трущобах сотни выходов.

— Действуйте.

Гвардейцы спешили, обнажили шпаги и бросились внутрь здания. Через минуту оттуда стали доноситься крики, и бородатые люди в сопровождении жен и детишек попытались выбежать на улицу, но тут же были схвачены. Кое-кто бежал по наружным лестницам, балансируя между соломенных крыш.

Молинас не желал присутствовать при этом зрелище и постарался уйти, увязая в лужах. Он отдавал себе отчет в том, что идти ему некуда, но это было неважно. Сейчас его занимала другая мысль: он должен был жестоко покарать себя за провал.

Епископ Торнабуони, также спешившись, догнал его и удержал за плащ.

— Господин Молинас, куда вы направляетесь? Вы же не можете вернуться к Лоренцино. У вас есть где остановиться в Париже?

— Нет.

— Тогда вы будете моим гостем. Хочу познакомить вас с одной дамой, которая может быть вам полезной. Этим я хотел бы отплатить за ваши услуги императору.

— Я не служу императору, я служу инквизиции Испании.

— Это почти одно и то же. Прежде чем начать действовать, я написал вашему шестому инквизитору, его высокопреосвященству Хуану Пардо де Тавера, который ответил мне быстро и с благосклонностью. Он заверил меня в том, что высоко вас ценит, а также сообщил, что ожидает депортированных. — В этот момент солдаты начали выталкивать перед собой на улицу арестованных евреев. Торнабуони покачал головой. — Смотрите внимательно, вероятно, это первый и последний раз, когда вы можете полюбоваться таким зрелищем. Сомневаюсь, что Франциск еще хоть раз согласится выдать императору беглецов. Слишком уж эти оба ненавидят друг друга.

Погруженный в мысли о собственном наказании, Молинас не видел того, что происходит на улице, и не слышал криков и стонов арестованных. Придя в себя, он вымолвил:

— Монсиньор, я принимаю приглашение остановиться в вашем дворце. Не можем ли мы сразу туда отправиться?

Торнабуони хмуро кивнул.

— Конечно. Подождите, сейчас прибудет карета. Не можем же мы идти через этот квартал пешком, а лошадь у меня одна.

Экипаж приехал почти через час. У Молинаса было предостаточно времени, чтобы насмотреться на то, как стражники выгоняли из дома его обитателей и как толпа стариков, женщин и детей молча брела между двух шеренг лошадей. Постеля не арестовали, потому что он успел вовремя выскочить из подъезда с пачкой книг под мышкой и, озираясь по сторонам безумными глазами, исчезнуть в переулке. На бегу он даже не заметил, как выронил несколько манускриптов.

Оказавшись наконец на сиденье кареты, Молинас сквозь опущенные ресницы принялся разглядывать сидящего напротив епископа. Он отметил про себя полное, но отнюдь не мягкое лицо, лоб с залысинами и маленькие синие глаза. Это лицо говорило о наличии недюжинного ума, но не порядочности. И в самом деле, губы епископа были тонки, зубы острые, а неопределенного цвета кожа покрыта пятнами. Хотя по таким неясным признакам, конечно, трудно делать какие-либо выводы.

После того как их изрядно растрясло в карете, ехавшей по неровной мостовой, Молинас отважился спросить:

— Монсиньор, не могли бы вы рассказать о даме, с которой мне предстоит познакомиться? И чем она может быть мне полезна?

Вместо ответа Торнабуони сложил губы в хитрую улыбку.

— Друг мой, позвольте открыть вам одну вещь, которая, видимо, вам неизвестна. Нет лучшего инструмента для достижения поставленной цели, чем женщина. Женщины — натуры пустые, коварные, подверженные инстинктам и чувствительные, как дети. И, как и дети, они очень послушны в хороших руках.

На лице Молинаса появилось нечто вроде усмешки.

— Интересно. Я об этом никогда не думал.

— Важно только держать их в узде, как излишне резвых лошадей, на которых действуют только кнут да удила. Женщина, с которой я вас познакомлю, когда-то была сильна и могущественна, пока не позволила себе чрезмерных притязаний. Наш понтифик,

Павел Третий, отлучил ее от церкви и предал опале. Теперь она в отчаянии. Ко мне во Францию ее прислал Козимо Медичи, который хорошо знает, как она жаждет отыграться. Ради того, чтобы восстановить отношения с церковью, она готова на все.

Молинас приподнял бровь.

— Вы держите при себе отлученную?

Торнабуони расхохотался.

— Нет, я держу при себе рабыню. Это ее епитимья. Катерина Чибо-Варано была когда-то гордой герцогиней ди Камерино. Теперь это мягкий воск, умоляющий о прощении, которого никогда не получит.

— Что же вы думаете с ней делать?

— А вы еще не поняли? Подарить вам. Вот увидите, она вам пригодится. Худо-бедно, но она умная женщина. Хотя всего лишь женщина.

ОККУЛЬТНЫЕ ЧИСЛА

Марсель стал одним из первых городов, в котором жарким летом 1542 года появились признаки надвигающейся войны. Уже в январе стало ясно, насколько непрочен формально существующий союз между Франциском I и Карлом V. Когда в порт зашел имперский корабль, потерпевший поражение в Алжире, городской парламент отказался принять находящихся на борту итальянских граждан Марцио Колонна и Корнелио Марсили. Еще хуже обошлись с потрепанными судами, прибывшими в последующие дни и месяцы под командованием низших чинов. Двум кораблям отказали в швартовке, а с экипажами остальных обращались, как с зачумленными. Таверны, расположенные на молу, захлопывали двери перед самым носом у моряков, проститутки их избегали. Одного из имперских солдат ребятишки закидали в переулке камнями.

Марсель еще хранил следы ран, нанесенных осадой шестилетней давности. Тем не менее отношение городских консулов к побежденным никогда не было бы столь враждебным без точных, хотя и секретных указаний короля. Достаточно было бросить один взгляд на творящееся в порту, чтобы стало ясно, что война с империей вошла в новую фазу. Турецкие фелюги спокойно швартовались рядом с христианскими каравеллами, ни на одной из которых не поднимали имперского флага.

Из окна госпиталя, где работал Мишель, можно было без труда следить за всем происходящим, но высматривать признаки надвигающегося политического кризиса ему было неинтересно. Он ставил клизму пациентке, расprostертой перед ним на животе, и пожалуй, что могло быть в такой момент более чуждым, чем политика? Мишель сосредоточил внимание на том, что ему говорил Луис Серре, врач, который взял его к себе на службу как странствующего медика.

— Видите ли, господин де Нотрдам, этот злополучный город стал жертвой аптекарей. Мне известно, что некогда вы тоже были одним из них, но заверяю вас, марсельские аптекари пользуются самой дурной славой.

— Знаю, только не могу понять почему, — сказал Мишель, следя за тем, как желтоватая водянистая масса заполняет тазик. — Профессия моих предков едва не помешала мне поступить в университет в Монпелье, но мотива я так и не узнал.

— А я вам объясню. — Луис Серре наклонился, чтобы вытереть ветошью задницу пациентки. Затем он дружески похлопал ее по плечу, приглашая перевернуться. — Здесь аптекари делятся на несколько категорий. Есть те, что победнее, и они не могут позволить себе использовать в снадобьях полный набор ингредиентов. Вы сами знаете, сколько стоят серая амбра и подобные вещества. Есть богатые, но жадные, и те тоже, из страха продешевить, кладут в мази половину, а то и треть того, что нужно по рецепту. Прибавьте к этому аптекарей-невежд и тех, кто работает в грязных и сырых помещениях. Видите, какая складывается картина.

Несмотря на безграничное почтение, которое Мишель испытывал к Луису Серре, его

эти слова слегка задели.

— Может, в Марселе дело обстоит именно так, но в других местах все по-другому, — запротестовал он, отдавая тазик санитару. — В Валенсии я работал с аптекарем, который был сама щепетильность, во Вьенне знавал Франсуа Мариуса, молодого человека, который...

— Это маленькие города, — перебил его Серре, споласкивая руки в тазу возле окна. — В больших так не бывает: здесь у честных людей нет возможности влиять на дурные нравы. Поглядите вокруг. Это что, госпиталь? По мне, так это скотобойня.

Мишель оглядел просторное помещение с низким потолком, затянутым паутиной. Зрелище и вправду было не из приятных. На беспорядочно разложенных подстилках умирающие делили грязные одеяла с менее тяжелыми больными, а зачастую и с роженицами. Запах в комнате был тошнотворный, а окна без стекол и ставней, разделенные колонками, с одной стороны, обеспечивали какое-то движение воздуха, а с другой — могли повредить больным с легочными заболеваниями.

— Насколько мне известно, все госпитали во Франции таковы. Зато здесь бедняки могут получить вашу помощь, за которую богачи заплатят солидные суммы. И я считаю это справедливым.

— Этого недостаточно. — Серре обернулся к пациентке, которой явно полегчало после клистира. — Милочка, смените аптекаря. Я обращусь к консулу с просьбой, чтобы вашему аптекарю отрубили правую руку, как поступают с пекарем, который подмешивает в муку гипс и прочую ядовитую гадость. Все ваши болезни спровоцированы дурными лекарствами. Если останетесь здесь, разболеетесь не на шутку.

Больная что-то пробормотала, но Серре не обратил на это внимания.

— Пойдемте со мной наверх, господин Нострадамус. У меня для вас кое-что есть.

— Что? — спросил Мишель.

— Письмо. Его принесли сегодня ко мне домой, но адресовано оно вам. Не знал, что ваш адрес известен.

— Я и сам этого не знал.

Мишель вздрогнул. Всякий раз, как он стремился исчезнуть, не оставив следов, кто-то все-таки их обнаруживал. Он думал, что в Марселе, в городе большом и густо населенном, ему удастся сохранить анонимность. Неужели это Жюмель опять написала ему по наущению человека в черном плаще? Он покрылся холодным потом.

В Марселе он вел жизнь скромного горожанина, и это помогло ему отчасти заглушить угрызения совести и забыть ужасы капеллы в Бордо. Наконец он занялся врачебной практикой, оставив ремесло аптекаря, а врач с хорошей репутацией считался выше всех общественных категорий, за исключением аристократов. Перспектива снова увязнуть в грязи его ужасала. Мишель понимал, что вместе с грязью вернутся и все его кошмары.

Серре провел его через зал к лесенке, ведущей на второй этаж. Здесь, в простых, расположенных анфиладой комнатах с сырыми стенами, врачи принимали пациентов, которые могли хотя бы частично заплатить за лечение.

В одном из маленьких, скромно обставленных кабинетов Серре протянул Мишелю конверт с множеством печатей.

— У вас высокопоставленные друзья, — сказал он с улыбкой. — Печати с короной, а отправитель — Екатерина Медичи. Да, сама дофина.

Мишель был поражен.

— Должно быть, это какая-то ошибка, — прошептал он, беря конверт дрожащими пальцами. — Я никогда не был знаком...

И тут ему вспомнились намеки, которые Валериола делал якобы по поводу его связей при дворе. Он об этом совсем забыл. С внутренним трепетом Мишель разглядывал конверт, который мог содержать в себе и большую удачу, и крупную неприятность.

От Серре не укрылось смущение Мишеля, и он двинулся к выходу. На пороге он обернулся.

— Я оставляю вас, пойду вниз. Читайте письмо спокойно. Если захотите написать ответ,

у меня в доме найдете перо и чернильницу. Увидимся позже.

После того как Серре вышел, Мишель еще какое-то время колебался. Наконец он решился сорвать печати и вытащить письмо из конверта. Если поначалу он и был удивлен, то это не шло ни в какое сравнение с тем, что он испытал по прочтении. После обращения и положенных комплиментов, начертанных мелким элегантным почерком, в письме было написано следующее:

«Рукою той, что Вам пишет, а именно герцогини Чибо-Варано, дофина желает сообщить Вам, что она предприняла много попыток напасть на Ваш след, прежде чем узнала о Вашем нынешнем местопребывании через Иеронима Монта из Вьенна, лионского представителя придворных медиков, который, в свою очередь, узнал о нем от многоуважаемого доктора Франсиско Валериолы из Валенсии. Дофина ставит Вас в известность, что недостойный человек по имени Гийом Постель в течение месяцев пытался обмануть ее, пользуясь Вашим именем и лечя ее ядами, которые якобы прописали Вы, пока наконец, истина не вышла наружу и обманщик не был разоблачен. Поскольку дофина таким образом, хоть и без злого умысла, поставила под сомнение Вашу честность, то, не имея возможности наказать виновного, который явно пребывает в состоянии полного умственного расстройства и к тому же имеет слишком сильные связи, она решила хотя бы вознаградить невинного и компенсировать причиненные ему неприятности. Она также попросила меня передать Вам сто флоринов, которые я лично привезу в Марсель, и уверить Вас в ее высочайшем к Вам расположении, подтверждаемом прекрасными отзывами о Вас людей, достойных доверия по причине своей незапятнанной репутации».

Сто флоринов! Мишель ощутил радостную дрожь. Он не бедствовал, поскольку получал от врачей, с которыми сотрудничал, довольно щедрые подарки. Но этого, конечно, не могло хватить для того, чтобы обеспечить ему ту жизнь, о которой он мечтал: уютный домик в южном городке, верную и серьезную жену, способную дать ему многочисленное потомство, престижную врачебную практику. С сотней флоринов можно было бы попытаться если и не забыть прошлое, то, по крайней мере, заложить основу для спокойного существования.

Тем не менее, сжимая в руке письмо, наполнявшее его радостью, Мишель все же испытывал смутное, необъяснимое беспокойство. А что, если за этими сердечными строками снова прячется человек в черном плаще? Нет, и логика, и его привычная чувствительность, позволяющая уловить в действиях адресанта вмешательство чужой воли, это исключали. Однако он ощущал присутствие сильной и решительной личности, не вязавшейся с его представлением о женщинах, существах слабых и непостоянных. Он поводил руками над строками письма и почувствовал, что неизвестная герцогиня Чибо-Варано — женщина исключительная.

Под действием ястребиной травы с беленой он мог бы устроить ей проверку и изобличить во лжи, но он не осмеливался. Луис Серре был человеком серьезным, принадлежал к школе эмпирической медицины, постулатов которой придерживались также Ромье и Иероним Монт, и он не стал бы терпеть рядом с собой эпилептика, пусть и с искусственно вызванными приступами. Да и к тому же Мишель решил отказаться от использования наркотиков. Путь к тому странному состоянию, которое Парацельс называл астральным светом, теперь был ему навсегда заказан.

Мишель помнил последовательность чисел, известную лишь немногим посвященным всех религиозных конфессий: 1,2, 100, 1, 200, 1, 60. Alef, beth, qof, alef, resh, alef, samekh,³⁹ однако сейчас он не мог погрузиться в экстаз, искусственный или естественный, который сообщил бы этим числам свойство ключа для входа в иное измерение. Для этого надо было

³⁹ Здесь автор называет буквы древнееврейского алфавита, соответствующие числам. (Прим. перев.)

найти более укромное место.

Он сложил письмо, сунул его за пазуху и спустился вниз. Луис Серре осматривал ребенка, у которого были глисты, и, под тревожным взглядом матери, щупал его животик. Он с улыбкой обернулся к Мишель:

— Ну что, хорошие новости?

— Да. Не знаете, не приезжала ли в Марсель дама с экзотическим именем Катерина Чибо-Варано?

Серре отрицательно покачал головой.

— Нет, не слышал о такой даме. — Он выпрямился. — Некая маркиза Ричарда Чибо была замешана в событиях во Флоренции и в убийстве Алессандро Медичи его братом Лорензаччо. Вы полагаете, ваша герцогиня — родственница Ричхарды?

— Не знаю, как не знаю ничего о событиях во Флоренции. Знаю только, что эта Катерина Чибо должна приехать, чтобы встретиться со мной.

— Сожалею, но если она уже здесь, у меня не было возможности с ней встретиться. — Серре обернулся к матери мальчика: — У него нет ничего серьезного. Я пропишу средство, которое избавит его от глистов за одну ночь. Держитесь только подальше от аптекарей и от их интриг.

Луис взял Мишеля под руку и вышел вместе с ним на согретую солнцем каменную террасу, с которой открывался прекрасный вид на всю марсельскую гавань и можно было разглядеть и береговые укрепления, и островок перед портом, ошестинившийся пушками и целиком занятый массивным приземистым замком. На рейде стояло много парусников, однако военные суда, включая турецкие фелюги, явно преобладали.

— Друг мой, боюсь, в скорости нам придется вместе с нашими больными лечить еще и раненых, — грустно сказал Серре. — Нынче утром под звуки труб герольды зачитывали воззвание Франциска Первого, именуемое «Боевым кличем». Там наш король перечисляет все обиды, нанесенные ему императором, начиная с отторжения Милана. Кроме того, он акцентирует внимание на убийстве своих эмиссаров ко двору Сулеймана, которых зарезали в Пьемонте по приказу имперского министра Дель Васто. Ясно, что будет война.

Мишель пожал плечами.

— Южная Франция выстоит. После событий шестилетней давности весь Прованс укреплен. Его не взять.

— Вы в этом уверены? В прошлом году три солнца всю ночь сияли над Авиньоном. Вы лучше меня должны знать, что подобные явления суть предвестники трагедий. Примите во внимание, что снова вспыхнут скрытые очаги чумы. И Прованс окажется во власти захватчиков... Но что с вами?

Мишель поднес руку ко лбу. Все его тело охватило странное чувство, похожее на сильную вибрацию.

— Вы сказали, три солнца?

— Да. Так утверждают многие свидетели. Может, речь шла об оптическом отражении на зимнем небе. Но я склоняюсь к тому, что это было предвестие несчастий.

— Что-то мне нехорошо. Могу я уйти?

В мозгу Мишеля пронеслось воспоминание о забытом сне: город, заваленный трупами, человек с обожженным лицом и три звезды, кровавым светом заливающие небосклон. И демон, спрятанный во мраке, нашептывает ему на ухо...

— О, я провожу вас домой, — заботливо сказал Серре. — Вам надо отдохнуть. Вот увидите, это быстро пройдет.

Серре обитал в элегантно обставленном палаццо у подножия холма, на котором располагался госпиталь. Этот спокойный квартал для респектабельных граждан выгодно контрастировал с хаотичной и шумной городской жизнью. Все в его доме, начиная с деликатной и достойной доверия прислуги и кончая приветливой супругой с тремя очаровательными детьми и убранством комнат, отделанных Бергамасским штофом с прекрасной росписью, дышало комфортом почти аристократическим, но не напоказ.

Когда они вошли в дом, где их встретил старый слуга, Мишель чувствовал себя уже лучше, и видение, мучившее его, стало понемногу исчезать. Серре заметил перемену в его состоянии.

— Ну, вот вы уже и в порядке. Прекрасно. Однако стаканчик вина вам явно не помешает.

— Благодарю вас, но не думаю, что это необходимо. Я предпочел бы пропустить обед и полежать в постели.

Мишель ощущал настоятельную потребность углубиться в последовательность чисел, которая могла бы расширить восприятие: один, два, сто, один, двести, один, шестьдесят. Если ее произнести, выпив отвар ястребиной травы, можно выяснить, не кроется ли за даром Екатерины Медичи какой-нибудь подвох.

Слуга кашлянул.

— Прежде чем господин де Нотрдам удалится, я должен уведомить его, что нынче утром его разыскивала какая-то девушка.

Мишель вздрогнул.

— Девушка? Может быть, вы хотели сказать, дама?

— Нет, совсем молоденькая девушка. Хорошо одетая, но явно не аристократка. Скорее служанка.

Серре вмешался:

— Это она передала тебе письмо для моего друга? То, что ты отдал мне, когда я отправился за ним в госпиталь?

— Она самая.

— Она сказала, кто ее послал?

— Нет, но сказала, что зайдет взглянуть, нет ли ответа.

— Скажи нам сразу же, как она придет.

Серре дождался, пока слуга с поклоном удалится, потом сказал проникновенно:

— Идите отдыхайте, господин де Нотрдам. Жаль, что не увижу вас за обедом, но надеюсь увидеть за ужином. Сегодня вы свободны.

— Благодарю вас.

Мишель поднялся в свою комнату на верхнем этаже. Комната была просторная, элегантно обставленная дорогой мебелью, с огромной кроватью под балдахином и ярким ковром, покрывавшим весь пол.

Он снял плащ и положил на письменный стол квадратную шапочку, с которой никогда не расставался. Видения, напугавшие его, почти исчезли, и он растянулся на ложе поверх покрывала. Взяв в руки письмо герцогини Чибо, он снова провел над ним ладонью, но не испытал ничего особенного. Тогда он положил письмо себе на лоб, словно надеясь, что идущие от него флюиды проявят себя при прямом контакте. Снова ничего. Абразакс не приоткрыл своей двери. Слишком жаркое солнце и ясное небо за окном мешали сосредоточиться.

При помощи специальной книги можно было бы попытаться перейти заветный порог и без ястребиной травы, но эту книгу, «Arbor Mirabilis», у него давно уже украли. Кончилось тем, что он заснул и спал долго. Ему снились, как всегда, печальные лица Магдалены и умерших детей, которые его словно о чем-то предостерегали.

Проснулся он к ужину, который прошел спокойно, как, впрочем, и последующие два дня. На третий день, когда Мишель вернулся вечером один из госпиталя, его остановил старый слуга.

— Пришла девушка с письмом.

— Какая девушка? — не сразу понял Мишель.

— Вы не помните? Та, что ожидала вашего ответа на послание двора.

Тут Мишель вспомнил все сразу.

— Она еще здесь? — спросил он, волнуясь без видимой причины.

— Да, и не одна. С ней дама, настоящая дама.

- Она сказала, как ее зовут?
- Кто, дама? Сказала, но ее имя трудно произнести. Иностранное имя.
- Случаем, не герцогиня Чибо-Варано?
- Именно так. Пойдемте, я провожу вас.

На первом этаже дома располагались гостиные. Мишеля провели в самую просторную из них, где на стенах картины итальянской школы на сюжеты из мифов чередовались с зеркалами, что создавало иллюзию объема и улучшало качество освещения. Именно в зеркалах и появились перед Мишелем две волнующе красивые женщины. Младшая из них была мила необычайно, но ее свежую, задорную красоту слегка приглушало поношенное платье и платок, обвитый вокруг шеи и спускающийся до пояса.

Другая же, хотя на вид ей было уже около сорока, блистала красотой. Правильное овальное лицо обрамляли белокурые волосы без следов окраски, синие глаза глядели холодно, но в этом и заключалась их необычайная привлекательность. В отличие от младшей, она не носила шейного платка, и в глубоком, по моде Валуа, вырезе платья была видна ямочка между двумя пышными, влекущими грудями. Высокую элегантную фигуру дамы облегалo платье из голубого шелка.

Мишель застыл на пороге.

Первой заговорила дама постарше.

— Господин де Нотрдам, если не ошибаюсь? Несколько дней назад моя дочь Джулия, — она указала на девушку, — доставила вам письмо, продиктованное мне дофиной. Я Катерина Чибо-Варано.

Мишель поклонился, стараясь, чтобы никто не заметил, как он покраснел. Ледяные синие глаза его смутили.

— Я привезла вам то, что обещала дофина. Но прежде всего мне поручили передать вам подарок. Джулия, отдай рукопись господину де Нотрдаму.

Девушка положила на стол толстую книгу. Мишель взял ее и почувствовал, как земля зашаталась под ногами. Он хорошо знал эту книгу. На титульном листе, потрепанном годами и затертом многими руками, через которые она прошла, красовалось название: «*Arbog Mirabilis*». За названием следовали триста страниц чистейшего безумия.

НОВЫЙ ХОЗЯИН

Колинас скомкал письмо и швырнул его в камин, позабыв от злости, что камин не горит и забит золой, хотя уже наступила зима и на улице начало подмораживать. Он заметался по низкой сырой комнате со скошенным потолком. Сообразив, что таким способом письмо не уничтожить, он наклонился поднять скомканную бумагу, но тут же ее выронил, так как руки теперь потеряли цепкость из-за отсутствия мизинцев.

Испанец с трудом удержался от проклятия. Когда-то, решив наказать себя за неудачу в Шатле, он рубанул мизинцы коротким и острым как бритва кинжалом, не сообразив, что цепкость пальцев от этого сильно пострадает. Теперь он об этом пожалел. Чтобы поднять скомканный листок и удержать его в ладони, понадобилось немалое усилие. Зато, едва ему удалось вытащить листок из камина, он в ярости разорвал его на мелкие кусочки, помогая себе острыми зубами.

В этот момент все колокола Экса прозвонили полдень. Улицы были пусты. Молинас выбросил обрывки письма в окно без стекол и ставней и проследил за их полетом. Бесшумно вошедшая герцогиня Чибо застала его за этим занятием. Она рассмеялась.

— Чем это вы заняты, друг мой? Вы похожи на ребенка, пускающего из окна мыльные пузыри.

Молинас, оскалившись, обернулся, но тут же успокоился. Герцогине, с ее яркой красотой, всегда удавалось утишить его мятушуюся душу. Когда епископ Торнабуони поручил ему эту женщину, он не верил, что найдет в герцогине друга и сообщника. Он ожидал увидеть существо податливое и послушное, но рядом с ним оказалась надменная

женщина, такая же, как он, коварная и так же, как он, склонная к интригам. Молинас даже начал подумывать о том, насколько ошибался знаменитый теоретик испанской инквизиции Парамо, когда писал о неизбежном женском легкомыслии, чтобы не сказать о врожденной глупости. Его выкладки не находили подтверждения в личности герцогини Чибо-Варано.

В холодных голубых глазах этой немыслимо красивой женщины читалась воля. Та самая, что заставила ее после смерти мужа, герцога Варано, наложить руку на герцогство Камерино, отбросив всех претендентов. Только гнев Павла III Фарнезе, который хотел подарить этот феод своему племяннику, разрушил ее планы.

— Это было письмо Великого инквизитора Испании Хуана Пар до де Тавера, — объяснил Молинас, указывая на клочки бумаги, все еще порхавшие на ветру за окном. — Он полагает, что моя миссия здесь потеряла смысл. Мне предписано ехать визитадором на Сардинию, на замену инквизитору Андреа Санна.

— И что же вам предстоит там делать? — спросила герцогиня.

— Монсеньор Тавера об этом не говорит, но я догадываюсь. Папа Павел Третий только что восстановил римскую Святую палату. В Испании опасаются, что Сардиния перейдет под юрисдикцию Рима, и считают Санна слишком слабым человеком для того, чтобы противостоять этой угрозе.

— Вашим испанским хозяевам наверняка кажется странным, что вы так долго находитесь здесь за их счет, занимаясь всего-навсего одним человеком.

— Как только сменяется Великий инквизитор, мне приходится все разяснять сначала. Я начинаю от этого уставать. — Молинас в отчаянии плюхнулся на старый диван, который жалобно скрипнул под ним. Упершись локтями в колени, он несколько мгновений сжимал руками голову, потом поднял глаза с покрасневшими веками. — Друг мой, вы познакомились с Нотрдамом и привезли ему рукопись, которую он столько лет разыскивал. Теперь вы понимаете, почему я считаю этого человека таким опасным.

Герцогиня устроилась в кресле с рваной обивкой, расправив складки вышитой по подолу юбки.

— Лично я это поняла только тогда, когда вы, Диего, мне объяснили. При встрече он вовсе не показался мне опасным. Невоспитанным — да. Едва прошел первый шок от того, что книга снова в его руках, он велел слугам доктора Серре выставить меня и мою дочь.

Молинас залюбовался кошачьей грацией, с какой она откинулась на подушки. С тех пор как она сделалась его сообщницей, он целиком подпал под ее очарование. Однако ее блеск не разжигал в нем привычной, постоянно сжигавшей его похоти. Для ее удовлетворения было достаточно случайных анатомических эксгибиций ее дочери Джулии. Герцогиня не возражала, считая это безобидной манией друга. По сути, она была права.

Молинас отвлекся от своих мыслей.

— Я просто добивался реакции Нотрдама, — оскалился он в саркастической усмешке. — Теперь я его хорошо изучил. Он мечтает о жизни нормального человека, которая поможет ему прийти в согласие с собственной совестью. Каждый раз, когда ему это удастся, я вмешиваюсь, разрушая его уверенность. Рано или поздно он бросится искать помощи у своего старого учителя. И тогда он пропал. Оба они пропали.

Герцогиня кивнула.

— Все это я понимаю. Непонятно только, зачем вы вернули ему рукопись.

— Затем, что много лет мне не удавалось ее расшифровать. Она ни на что не годилась, кроме как заставить Нотрдама бежать из Марселя, где он был слишком уж защищен. — После десятилетий одиночества, молчания и скрытых уловок Молинасу наконец-то было с кем поделиться своими мыслями, и он испытывал несказанное облегчение. — Без знания шифра книга нечитабельна. Она просто пугает.

— Как может испугать книга?

— Там пугающие иллюстрации. Первая часть, казалось бы, посвящена ботанике, но включает описание растений, которых никто не видел. Вторая часть словно бы медицинская, но на грани непристойности. На рисунках какие-то странные воронки, обнаженные женщины

под кровавым дождем. А потом вся эта кровь собирается в колодцы, из которых пьют собаки и ящерицы.

Герцогиню передернуло.

— А третья часть?

— Третья из всех самая безумная. Там ведутся рассуждения об астрономии, но созвездий, которые в ней описаны, не существует ни в одной части небосвода. Они словно принадлежат другой вселенной. — Молинас нахмурился. — Надо бы расшифровать текст, но без ключа это потерянное время.

— Вы говорили о какой-то последовательности чисел.

— Да. Столь милое Нотрдаму слово «Абразакс» подразумевает числа, которые в сумме составляют триста шестьдесят пять, то есть количество дней в году. Но что это значит? Пока я этого не узнаю, я не смогу понять, каким образом этому человеку удастся преодолевать барьеры времени. Раскрытию этой тайны я и посвятил свою жизнь.

Герцогиня, казалось, вникла в его слова, но была очень удивлена.

— Ну, хорошо, допустим, вы раскроете тайну. И что вы дальше будете с ней делать?

— Принесу ее в дар Супреме, а может, и самому Папе. Пока еще не знаю. Жизнь Нотрдама меня не интересует. Мне важно добраться до автора «Arbor Mirabilis», до Ульриха из Майнца. Теперь вы поняли?

Наступило долгое молчание, потом герцогиня утвердительно кивнула.

— Возможно, это первый раз, когда я вас поняла. До сих пор вы не объяснялись так ясно. — Она указала головой в сторону окна. — Письмо, которое там порхает, возможно, положило конец вашей миссии. Если вы отправитесь на Сардинию, вам будет трудно получить разрешение вернуться сюда. И что вы хотите делать?

— Не знаю, не знаю. — Молинас попытался скрыть смущение. Он поднес было руки к лицу, но, увидев перед глазами обрубки мизинцев, тут же их опустил и положил на колени. — Я дал клятву послушания Супреме, но там, видимо, не понимают серьезности угрозы. Я даже не могу выехать в Испанию, чтобы поговорить с новым Великим инквизитором. Если я сразу же не уеду на Сардинию, это будет означать неповиновение Святой палате.

— Но тогда вам ничего не остается, кроме как найти другого хозяина.

Молинас удивленно взглянул на герцогиню.

— Что вы имеете в виду? Римскую инквизицию? Вряд ли там захотят иметь со мной дело.

— Нет, я подумала о другом. — Прелестное лицо герцогини исказила гримаса. Должно быть, ответ Молинаса напомнил ей Павла III и воспоминание было не из приятных. — Помните епископа Альфонсо Торнабуони? Он теперь в Авиньоне.

— И что?

— Вы прекрасно знаете, что во Франции он представляет разные интересы, в том числе и имперские.

— Все равно ничего не понимаю.

Герцогиня понизила голос и подалась вперед, невольно демонстрируя при этом роскошное содержимое глубокого выреза платья.

— Я знаю наверняка, что он подбирает надежных людей для службы Карлу Пятому на французской территории. Теперь война и верные люди, способные открыть войскам империи дорогу в Прованс, были бы очень кстати.

Слова герцогини, а также открывшееся его глазам зрелище сильно смутили Молинаса. Он покраснел и отвел взгляд.

— Сомневаюсь, что монсеньора Торнабуони интересует Нотрдам и его взаимоотношения с дьяволом.

От герцогини не укрылось смятение Молинаса. Она улыбнулась и чуть поменяла позицию.

— Конечно, это все ему неинтересно. Но при том условии, что вы будете получать от

него содержание, вы сможете остаться в Провансе. Служа Карлу, который, в конце концов, ваш император, вы не потеряете возможности следить за Нотрдамом.

— И что я должен сделать?

— Это не в моей компетенции. Я уже сказала: монсеньор Торнабуони находится в Авиньоне. Мы можем отправиться к нему вместе, и вы предложите свои услуги. Подумайте об этом.

— Я подумаю. Однако я рискую потерять свои и без того скудные привилегии. К тому же я наверняка лишусь дружеского расположения кардинала делла Ровере, который мне покровительствует и предоставил мне этот дом...

— Эту грязную лачугу.

— Ну, по крайней мере, у меня есть постоянная крыша над головой. И, кроме того...

Молинас запнулся, потому что в комнату вошла дочь герцогини, Джулия. Услышав имя кардинала, она вздрогнула. В одиннадцать лет ее выдали замуж за Гвидобальдо делла Ровере, наследника герцогства Урбинского, который развелся с ней, как только ее мать попала в опалу. Джулия была изящной девушкой со спокойными голубыми глазами и вздернутым носиком. В ней совсем не чувствовалось материнского высокомерия. Катерина, возможно, чтобы подчеркнуть дистанцию, заставляла дочь ходить в обносках и выполнять всякие унижительные поручения. Молинас подозревал, что она завидует молодости Джулии.

Катерина встала и взяла руки дочери в свои.

— Здравствуй, Джулия. Что случилось?

Испуганная девушка, словно опасаясь, что получит выговор, указала на темный провал коридора за своими плечами.

— Я была на кухне и готовила паштет, но боюсь, что вышла крупная неприятность.

— Не волнуйся, я сейчас разберусь. Вы позволите, синьор Молинас? — Взгляд герцогини снова обратился к дочери. — Джулия, синьор Молинас — наш большой друг, и надо во всем ему угодить. Я оставляю тебя с ним. Постарайся его развлечь.

Девушка покраснела, затем послушно опустила в реверансе.

На пороге герцогиня обернулась к испанцу:

— Продолжим нашу беседу в другой раз. Конечно, служба епископу Торнабуони и его суверену может таить для вас опасность. Но может таить и выгоды, которые вы даже представить себе не можете. — И она присела в глубоком поклоне, замерев на несколько секунд.

Добившись желанного эффекта, Катерина выплыла из гостиной, направляясь на кухню.

Молинас и в самом деле был очень смущен.

Четыре дня спустя герцогиня и Молинас под мелким холодным дождем выходили из кареты в Авиньоне перед дворцом вельможи, у которого остановился епископ Торнабуони. Прелат сразу же согласился их принять. Слуга провел их в просторный зал, где горел камин, а стены были увешаны военными трофеями. Торнабуони работал за золоченым деревянным столиком возле окна, завешенного шторами из красного бархата. Комната была освещена множеством канделябров, и на столе стоял еще один подсвечник.

— Милости прошу, милости прошу, — сказал епископ, прерывая работу и указывая на два кресла. Он сложил листки бумаги в стопку и с широкой улыбкой обернулся к гостям. — Весьма рад видеть вас, герцогиня. Позвольте мужчине, отказавшемуся от всех мирских благ, заверить вас, что вы прекрасны, как никогда. Что же до вас, господин Молинас, то моя радость усиливается благодарностью. В том, что за этим убийцей Лорензаччо наконец, установили слежку, заслуга ваша. Он был в Пезаро, в Италии, а теперь вернулся в Париж, снова в Коллеж ломбардцев. Рано или поздно, но он что-нибудь да натворит.

Молинас заметил, что при упоминании о недруге в глазах епископа блеснул жестокий огонек. Этот человек ему явно нравился. На его морщинистом лице под маской добродушия прятались друг за друга хитрость, изворотливость и жестокость. Совсем как в испанской инквизиции.

— Надеюсь, священная месть Козимо Медичи настигнет злодея. Мой вклад в дело его

уничтожения очень мал и совершенно случаен.

— Однако выдворение в Испанию всех арестованных евреев не было ни малостью, ни случайностью. Мне известно, что сам император был доволен этой акцией. Нынче, к сожалению, такая блестящая операция вряд ли удалась бы. Не знаю, по чьему дурному наущению Франциск Первый снова пошел войной на Карла Пятого. Такая трещина в христианстве может быть на руку разве что магометанам или гугенотам.

Герцогиня Чибо, по такому случаю надевшая платье поскромнее и прикрывшая грудь шалью, подняла палец.

— Именно поэтому мы и явились поговорить с вами, монсеньор. Синьор Молинас не менее меня встревожен возобновлением военных действий. Тем более что король Франциск совсем потерял рассудок и вступил в союз с этими турками, которые угрожают самому сердцу Европы. Мы оба хотели бы что-нибудь сделать.

Катерина явно предупредила епископа о своих намерениях в письме, но тот сделал вид, что очень удивился.

— Мне известно, что синьор Молинас состоит на службе у испанской инквизиции. Сложно представить себе миссию почетнее вашей.

Молинас включился в игру, не вполне хорошо понимая, кто в ней главный.

— Мои труды на благо инквизиции фактически завершены, хотя ее идеи продолжают меня вдохновлять. И теперь я хотел бы быть полезным своему суверену, которому вы, монсеньор, служите с такой преданностью.

Торнабуони прищурился.

— Посвятить себя служению императору — привилегия немногих. Что же вы требуете взамен?

Молинас оценил такую откровенность.

— О, совсем немного. Пусть мне дадут возможность скромно существовать и остаться в Провансе, где я должен завершить кое-какие дела.

— Мне говорили, что вот уже много лет вы отслеживаете какого-то колдуна. Это правда?

— Правда. Но это не мешает выполнению других заданий.

Похоже, Торнабуони в свою очередь оценил искренность собеседника, как некогда оценил и его изворотливость. Он взглянул на герцогиню Чибо.

— А вы, мадам, не отказались от решения посвятить себя душой и телом делу Карла Пятого, какой бы жертвы это от вас ни потребовало?

— Нет, — решительно ответила она.

— Тогда слушайте. — Торнабуони поднес руки к лицу и провел пальцами по щекам, как бы подчеркивая особую важность того, что собирался сказать. — Лучшие имперские войска находятся в казармах Италии. Карл Пятый может теперь рассчитывать на идущие с севера войска Генриха Восьмого Английского. Однако остальные фронты непроницаемы. Чтобы взять Францию с юга, надо пройти через Прованс, и опыт прошлых лет нельзя назвать успешным.

Молинас пожал плечами.

— Прованс прекрасно укреплен. Марсель будет сопротивляться сегодня точно так же, как он сопротивлялся в тысяча пятьсот тридцать шестом году.

— Да, но в этот раз у Карла Пятого есть естественный союзник. В Южной Франции множатся очаги чумной эпидемии, способной ослабить любой город. Представим себе, что чума распространилась по всему Югу. Города опустеют, гарнизоны поредеют, и войска будут вынуждены отступить. В таких условиях любой захватчик сможет проникнуть на территорию Франции, не встретив сопротивления.

— На то воля Божья. Никто не может ни предвидеть распространение чумы, ни разгадать ее природу.

Торнабуони понизил голос до шепота:

— Однако известно, что чуму можно занести. Тряпку, пропитанную гноем, можно

уронить в колодец, бинт с чумной язвы засунуть в кран уличного источника. Провидение не знает преград, особенно если пытливый ум стремится их преодолеть.

Молинас был готов ко всему, но и он содрогнулся от ужаса.

— Но вы говорите об убийстве тысяч невинных! — воскликнул он.

— Убийство? Синьор Молинас, я считал вас более благоразумным, — ответил Торнабуони, слегка пожав плечами. — Учтите, что война всегда будет причиной гибели невинных людей. К тому же Карл Пятый — единственный союзник, на которого может рассчитывать Папа в деле борьбы с распространением лютеранства и кальвинизма. Поражение императора освободит путь ереси. Вы с этим согласны?

Постановка вопроса сразила Молинаса своей логичностью. Все еще сопротивляясь в душе, он согласно кивнул.

Герцогиня Чибо, казалось, вовсе не была взволнована. Похоже, ей не в первый раз приводили эти аргументы.

— Монсиньор, миссия, которую вы нам предлагаете, необычайно рискованна. Не думаете же вы, что двое иностранцев, переезжающих из города в город, где потом вспыхивает чума, не привлекут к себе внимания? — спросила она.

Епископ улыбнулся.

— Разумный вопрос. Надо сказать, мадам, что во время эпидемий нет недостатка в бродячих проповедниках и предсказателях, которые странствуют по зараженным городам и то обещают избавление, то требуют покаяния в попытке смягчить гнев Божий. Два путешественника в партикулярном платье будут подозрительны, два мистика — нет.

— Таким образом, вы настаиваете на маскарade.

— Возможно. Но если под маской кроется Божий лик, в этом нет ничего смешного. Во всяком случае, я вас не принуждаю. — Епископ взглянул на угрюмо молчавшего Молинаса. — Я говорю это прежде всего вам, синьор. Если вы желаете послужить делу Карла Пятого, то вот вам способ. Взамен вы получите поддержку империи и мою личную помощь в уничтожении колдуна, который тревожит ваш сон. Но я не требую быстрого решения. Подумайте не спеша, а потом уже дайте ответ. — Улыбка Торнабуони стала злобно-насмешливой. — Хотя я заранее знаю, каким он будет.

ОБАЯНИЕ ОБЫДЕННОСТИ

Мишель швырнул книгу, которую держал в руках, в камин, горевший в таверне, и она угодила прямо на угли.

— «Предсказания одиночки», — произнес он, скорчив гримасу. — Собрание глупостей. Как зовут этого астролога из аббатства Орваль?

— Настоящего имени я не знаю. Но он называет себя Оливариусом, — ответил Жан де Нотрдам.

— Невежественный дурак.

Мишель наблюдал за тем, как огонь охватывает книгу и ее заволакивает тонким дымком. Вряд ли хозяин порадовался бы такому топливу под вертелом, но он обслуживал клиентов за дальним столиком и ничего не заметил.

Лицо Жана расплылось в ухмылке. Он был похож на брата, но в чертах его лица проглядывало что-то хищное, и кожа, несмотря на молодость, была сморщенной и дряблой.

— Ты себе не представляешь, сколько теперь развелось подобных альманахов. Есть люди, которые пишут подряд все, что в голову взбредет, а потом продают, выдавая за пророчества.

— Знаю. И где бы я ни был, всегда находится кто-нибудь, кто уговаривает и меня заняться тем же.

— Ну, тебя-то я знаю. Ты слишком честен и никогда на это не пойдешь.

— Сбывать фальшивые пророчества? Ты прав, я на это не пойду. Но не думай, что искусство предвидения не имеет под собой почвы. Другое дело, что им владеют очень

немногие. И, слава богу.

Жан налил себе бокал крепкого ароматного вина.

— Не верю я во все это, хоть бабушка с дедом все уши нам прожужжали о пророчествах, да и отец относился к ним серьезно.

— Как он там, кстати?

Жан отпил глоток, поставил бокал и развел руками.

— Все так же. Карабкается, хотя уже больше мертвец, чем живой. В редкие моменты просветления иногда произносит твоё имя. Он много лет тебя не видел, да и я тоже.

Мишель нахмурился.

— Ни ты, ни он даже представить себе не можете, что у меня за жизнь. Стоит мне только где-то осесть, как тут же один злодей, окающая душа, настигает меня и гонит дальше. Уже много лет мне нет покоя.

— Кто же этот злодей? Может, он не один?

— Да нет, один, я думаю. Да тебе, наверное, это неинтересно. — Мишель попробовал лежащий перед ним на блюде мармелад, поданный в качестве приправы к тонким ломтикам свинины со специями, и сморщился. — Отвратительно. В Провансе не осталось никого, кто мог бы приготовить конфитюр по всем правилам искусства.

Жан рассмеялся.

— Ты все такой же эпикуреец. Думаю, этой стране теперь не до конфитюров.

— Кто пренебрегает кухней, пренебрегает здоровьем и готовит себя к могиле. — Мишель уронил кусочек мяса обратно в тарелку. — Расскажи-ка лучше о себе. Ты по-прежнему на службе у нотариуса Жака Жигаска?

— Да. Я прохожу у него практику. Езжу с поручениями в Апт. В Эксе меня очень уважают как профессионала. Но у меня появилась еще одна возможность сделать карьеру.

— Какая?

— Франсуа де Раскас де Багаррис, советник парламента Экса, искал секретаря. Я ему представился и произвел хорошее впечатление. Он еще окончательно не решил, но думаю, что он все же возьмет меня на службу. Это будет началом карьеры поверенного в делах при парламенте.

— Я вижу, ты хорошо устроился. Носишь бархатный плащ, дорогой жилет. Похоже, ты нашел свое место в жизни.

— И ты сможешь его найти. Если мне удастся, постараюсь устроить тебя в Эксе. Ясное дело, не чиновником, а этим... как вы называете бродячих врачей?

— Периодевром.

— Вот-вот, этим самым. У нас врачей мало, а чума подбирается все ближе. Случаев не так много, но месяца не проходит, чтобы кто-нибудь не заболел. Если ее нет в городе, она тут как тут в соседней деревне, а там и в следующей, а там и еще в одной. Можно утверждать, что она пустила корни в Провансе и не желает уходить. Славный подарочек от Карла Пятого и его ландскнехтов, будь они прокляты.

Мишель отодвинул тарелку с мармеладами и налил себе немного вина.

— Говорят, имперские войска могут вернуться сюда с минуты на минуту.

— Нет. Несколько дней назад турки взяли Ниццу, так что готовящийся поход на Францию напоролся на неожиданное препятствие.

Политические новости всегда нагоняли на Мишеля скуку, но он заметил:

— Турки! Ну и союзников находит себе наш король!

Жан пожал плечами.

— Осознав, что ему придется бросить вызов империи, Франциск не пожелал выглядеть беззащитным. Да бог с ней, с политикой. — Он порылся в кармане. — Сейчас покажу тебе штуку, которая тебя порадует. — Жан сдвинул в сторону стаканы и тарелки и разложил на столе большой лист бумаги. — Смотри, это наш семейный герб.

На листе был нарисован щит с четырьмя полями. На каждом поле красовался золотой солнечный круг с восемью лучами и голова орла. Внизу, на ленте было начертано: SOLI

DEO.

— Богу Единому! — восторженно прокомментировал Жан. — Правда, здорово?

Мишель скептически усмехнулся.

— Этот герб был высечен над дверью нашего дома в Сен-Реми, я помню. А вот надпись может также означать «Богу Солнца», что звучит достаточно язычески.

В глубине души он порадовался, что брат не знает истинного значения круга с восемью лучами. Жан не был в курсе тайной стороны его жизни, и у Мишеля не было ни малейшего желания ему о чем-либо рассказывать.

— Не шути, Мишель! Этот герб начал составлять еще наш отец, когда решил выдать Себя за дворянина. — Жан понизил голос. — Самое важное — заставить всех забыть наше еврейское происхождение. И кажется, это удастся. Помнишь, ЧТО произошло в правление Людовика Двенадцатого? Я был еще совсем маленький, но тебе-то уже исполнилось девять.

— Ты имеешь в виду обложение обращенных евреев налогом? Мы тогда почти разорились. Не говоря уже об унижительной обязанности являться к сборщикам налогов и о конфискациях в наказание за неуплату.

Мишель говорил спокойно, но он прекрасно помнил, как отец со шляпой в руках униженно давал отчет о каждой мелочи.

Жан грустно кивнул.

— Я вижу, ты помнишь. Ладно, братишка, все это в прошлом. Три года назад отец наконец увидел документ о признании его гражданином Сен-Реми. Думаю, это был самый счастливый миг в его жизни. Что до меня, то я не устаю повсюду повторять, что мы приходим из знатного рода. Да, мы евреи, этого я не отрицаю. Но евреи испанские, уже сто лет как обращенные в христианство. Наши предки были придворными врачами, служили самым высокопоставленным вельможам и отличались знаниями в области естественной магии. Это производит огромное впечатление.

— У тебя всегда было богатое воображение.

— И у тебя должно быть такое же, ты должен мне соответствовать. Имя Нотрдамов теперь уважают. У нас есть герб. Кончай-ка ты свою бродячую жизнь и прими хоть какое-то участие в возвышении семьи. Женись на скромной, добропорядочной женщине, обзаведись домом, выжми максимум пользы из своих врачебных знаний, выкажи себя добрым католиком. Тем самым ты поможешь и мне, и отцу, и братьям.

— Это как раз то, чего и я хочу, — со вздохом ответил Мишель, — но...

В этот момент дверь распахнулась и в таверну ввалился целый отряд слуг, нагруженных багажом. За ними в комнату вошел высокий, величавый кардинал с пасторским посохом. Хозяин бросил всех клиентов и кинулся кланяться вновь пришедшему. Его дородная супруга, не зная причины поднявшейся суматохи, высунулась из кухни посмотреть, что происходит, и тоже помчалась поклониться прелату. Все слуги и посетители последовали ее примеру.

Пока князь церкви плавным жестом приветствовал присутствующих, вперед с гордым видом выступил человек лет пятидесяти, с усами и короткой бородкой.

— Кардиналу Дю Беллей требуется удобная комната, а также места для его сопровождающих в количестве одиннадцати человек, — обратился он к хозяину. — Кроме того, он желает обедать, в соответствии со своим высоким положением, в месте, где нет ни проституток, ни игроков, ни воров. В состоянии ли вы выполнить эти требования?

Хозяин так и застыл в низком поклоне.

— Да, сударь. Только вот многие комнаты уже заняты, и слугам его высокопреосвященства придется спать на сеновале.

— Об этом не может быть речи. Гоните на сеновал ваших мужланов-постояльцев. Вы за день заработаете столько, сколько не имели за год.

— Будет исполнено.

Мишель со все возрастающим волнением вслушивался в препирательства секретаря кардинала с хозяином. Этот голос ему был знаком и напоминал о счастливых минутах его

жизни. Вдруг он вскочил на ноги и воскликнул:

— Франсуа! Франсуа Рабле!

Усатый обернулся в его сторону и прищурил глаза, словно силясь вспомнить, кто перед ним. Потом в свою очередь радостно заорал:

— Быть того не может! Мишель де Нотрдам!

Оба кинулись в объятия друг друга, опрокидывая по дороге столы и стулья. Все глядели на них с изумлением. Потискав друга как положено, Рабле слегка отстранился и вгляделся в него.

— Да ты ничуть не изменился за эти годы. И как я тебя сразу не узнал?

— И ты все тот же! — ответил Мишель. — Но я тебя узнал!

Рабле сделал вид, что снова хочет поцеловать друга, а на самом деле шепнул ему тихонько на ухо:

— Ну как, щелочка все еще нравится? Понял, что я имею в виду?

Мишель расхохотался.

— Это ты был знаток. Что до меня, то еще как нравится!

Он не смог бы объяснить, что с ним вдруг случилось. Что-то сразу изменилось. В конце концов, встреча с давним собратом его всерьез порадовала, напомнив лучшую пору жизни.

— Ну, тогда ты и впрямь тот Нотрдам, которого я знал когда-то. — Рабле взял друга за плечи и подвел к кардиналу. — Ваше высокопреосвященство, позвольте представить вам Мишеля де Нотрдама, моего соученика в Монпелье. Это врач, достойный Гиппократы, великий фармацевт, философ из философов, знаток целебных трав и величайший эрудит.

Дю Беллей улыбнулся.

— Боюсь, сравнение будет не в мою пользу. Господин де Нотрдам, перед вами скромный кардинал, который старается служить делу святой матери церкви.

— Ваше высокопреосвященство, я служу тому же делу, хотя того и не достоин.

Рабле резко бросил хозяину и его людям:

— Чего стоите? Бегом готовьте комнаты и накрывайте к обеду! — Потом указал Дю Беллею на хорошо освещенный стол: — Садитесь, ваше преосвященство. Я скажу два слова другу и присоединюсь к вам.

Рабле подтолкнул Мишеля к скамье, на которой тот сидел.

— Это твой знакомый? — спросил он, указывая на Жана.

— Это мой брат.

— В таком случае, сударь, вы и мой брат тоже. — Франсуа усадил Мишеля на скамью и устроился рядом. — Ты и вправду ничуть не изменился. Чем ты занимался все эти годы?

— Путешествовал как странствующий врач. Бордо, Арль, Авиньон, Валенсия, Вьенн, Лион, Марсель. Но расскажи о себе. Ты теперь знаменитый писатель. После книг о Пантагрюэле твой Гаргантюа у всех на устах.

— О, это было написано для того, чтобы от души посмеяться и как следует проучить некоторых мошенников, — ответил Рабле. — Но теперь у меня нет времени писать, ибо я должен служить вон тому святому человеку. Я сопровождаю его в путешествиях, обеспечиваю его молоденькими девушками и веду его корреспонденцию. Теперь мы направляемся в Турин.

Жан налил вина в чистый бокал и протянул его писателю.

— В Турин? Когда турки в Ницце и война в разгаре?

— Благодарю вас, сударь. — Рабле отпил глоток, удовлетворенно вздохнул и вытер губы тыльной стороной ладони. — Священник может проехать везде, хотя, конечно, к туркам мы не поедem. Мой кардинал, как мул, нагружен всяческими дипломатическими поручениями, действуя как от лица Франциска Первого, так и от лица императора и Папы. Мы все время в дороге. Едем из Авиньона, отдыхаем в Арле и в Салоне-де-Кро. Кстати, Мишель, знаешь, кого я встретил в Салоне? Ни за что не догадаешься!

Необъяснимая тревога охватила Мишеля, но он все же спросил:

— Кого?

— Помнишь ту шлюшку в Монпелье, с которой ты крутил? Жюмель?

Как раз это имя Мишель и боялся услышать. Ему сразу пришла на ум фраза из письма, которое она ему написала. Сколько он ни старался, ему не удалось вычеркнуть эту фразу из памяти: «Мне остается только мечтать, что однажды Вы приедете и освободите меня, такой прекрасный, суровый и нежный, каким были тогда».

— Видел бы ты ее сейчас! Она вышла замуж за старого богача, который несколько месяцев назад перестал путаться у нее под ногами. Он оставил ей в наследство дом, имение и тысячу флоринов. Теперь она всеми уважаемая и всеми желаемая вдовушка и все еще чертовски хороша. А знаешь, она о тебе спрашивала.

— Ну да?

— Да, и я бы тебе посоветовал как можно скорее ехать в Салон. Тот, кто женится на Жюмель (правда, теперь она велит называть себя Анной Понсард), будет обеспечен до конца дней. Кроме красавицы жены он получит в придачу имение, ренту и, следовательно, готовое место в городском совете. Салон — город приятный и спокойный, там мало гугенотов и война далеко.

Жан рассмеялся:

— Еще немного, и я сам туда отправлюсь.

— Она и в самом деле спрашивала о вашем брате, — со смехом заметил Рабле. — После стольких лет, проведенных со стариком, она скучает по тем временам, когда Мишель задирает ей юбку и валил на кровать. Теперь у вдовушки желания обострились как никогда. Мишель, хотя он и был охвачен приятными воспоминаниями, все же ответил с полуулыбкой:

— Мне бы хотелось продолжить врачебную практику.

— Ты прекрасно сможешь ее продолжить и в Салоне. И перегружен не будешь. Чума, которая вспыхивает то там то сям, пока миновала город. Так что ты будешь иметь дело только с болями в животе, газами и ознобами. Если не станешь собственником, доходы от практики будут невелики, зато здоровье сохранишь отменное. В Салоне тот чертов серый поп еще не показывался.

Мишель вздрогнул.

— Что за серый поп?

— Можно еще вина? Спасибо. Когда приходится говорить о вещах неприятных, сразу пересыхает в горле. — Он отпил глоток и продолжил, глядя на Мишеля: — Это я зову его «чертов серый поп». Народ считает его святым. Он носит серую рясу, и его сопровождает очень красивая женщина. Он ездит из города в город с проповедями о том, что единственные средства от чумы — это покаяние и благочестие. Сказать по правде, не могу понять, вспыхивает ли чума до или после его появления. Люди говорят, что до, но я в этом сильно сомневаюсь.

Мишеля затрясло, как в лихорадке. Голову сжал болезненный спазм. Он на миг вновь увидел три кровавых солнца, висящих в небе, и человека в сером плаще, с горящим лицом. Дыхание прервалось, и он не сразу смог ответить:

— А он, случаем, не похож на того испанца, которого мы побили в Монпелье?

Глаза Рабле блеснули удивлением, потом догадкой.

— О! Теперь вспоминаю! Ты что, полагаешь, что... — Он решительно затряс головой. — Я сам ни разу не видел «серого попа», но не думаю, что это тот самый... У этого, кажется, не хватает мизинцев, а у нашего приятеля все было на месте. К тому же подумай о красавице. Тот парень, которого мы поколотили, был похож на ходячий труп. Ни одна женщина не стала бы иметь с ним дело.

С другого конца зала послышался низкий, немного раздраженный голос кардинала:

— Господин Рабле! Стол уже накрыт. Расстаньтесь наконец, с вашими друзьями и присоединяйтесь к нам!

— Сейчас иду, ваше преосвященство! — Рабле поднялся, но прежде осушил бокал. Затем наклонился к уху Мишеля: — Не забудь, что я сказал тебе по поводу Жюмель. Она все еще изъясняется на языке борделя, но в остальном вполне почтенная дама и могла бы

гарантировать тебе покой и достаток. Кроме того...

— Кроме того?

Рабле поднес руки, сложенные в пригоршни, к груди.

— Помнишь те две штучки, что были у нее вот здесь? Они все еще на месте. Высокие и пышные, как когда-то.

Последний раз приснув со смеху, он отошел.

Жан улыбнулся и посмотрел на брата.

— Ну что, последуешь совету друга?

Мишель, еле очнувшись от кошмара наяву, пожал плечами.

— Не думаю. Я уже однажды женился на необыкновенной женщине, а кончил тем...

Он резко замолчал, собравшись уже обвинить себя в преступлении. Все эти годы он старался как можно реже вспоминать о Магдалене, но все попытки ее забыть были обречены на провал. Он хотел искупить свою вину, но не знал как. Угрызения совести настигали его внезапно, жгли каленым железом, и раны от этих ожогов не спешили затягиваться.

Жан удивился.

— Ты так и не познакомил меня с твоей первой женой. Не думал, что ты ее так сильно любил. Ты всегда довольно равнодушно говорил о ней.

Мишель немного помедлил, потом сказал порывисто:

— Любил, только понял это слишком поздно. Не хочу больше сеять зло вокруг себя. У меня другая судьба. И я своего добьюсь.

Жан удивлялся все больше и больше.

— О какой судьбе ты говоришь?

— Против воли, еще в юности, меня посвятили в тайны, недоступные никому из смертных, — отчеканил Мишель. — Не спрашивай, что это за тайны: кто к ним приблизится, рискует лишиться рассудка. Я хочу обратить то, что само по себе ужасно, на пользу добру, и тем самым надеюсь обрести себя. — Он провел рукой по внезапно вспотевшему лбу. — Прошу тебя, не спрашивай больше ни о чем.

Жан нахмурился.

— Ладно, не буду. Но твоя решимость мне нравится. Наш род нуждается в решительных людях. Не случайно же мы служим Богу Единому.

— Или Богу-Солнцу, — прошептал сквозь зубы Мишель. А про себя подумал: «Это и есть моя тайна».

ОТРАВИТЕЛИ

Молинас лежал на постели с закрытыми глазами. У него не осталось сил даже на то, чтобы стащить с себя серую рясу, всю пропитавшуюся потом. Лето 1543 года, уже подходившее к концу, выдалось поистине очень жарким. По счастью, немного к югу, в районе Экса, день за днем шли непрерывные дожди. Говорили, что даже слишком обильные.

— Человек, у которого мы живем, начинает в нас сомневаться, — заметила герцогиня Чибо-Варано, снимая с себя скромное платье.

— Хозяин нас не выгонит, — усталым голосом прошептал Молинас. — Жители Апта встанут на нашу защиту. К тому же я с трудом выдерживаю бесконечные путешествия. И я не создан для постоянных выступлений на людях. Каждой проповеди предшествует паника, а потом мне хочется исчезнуть.

— Вы не можете исчезнуть, друг мой. — Голос герцогини звучал, как всегда, убедительно и властно. — Как и я, вы поклялись повиноваться кардиналу Торнабуони, а значит, императору. Теперь вы должны подчиняться обоим. Что же тогда говорить обо мне! Взгляните на меня: я владела городом, а теперь одеваюсь в лохмотья.

Молинас приоткрыл глаза, но тут же зажмурился: герцогиня была почти голая, и хотя она стыдливо прикрывала грудь, сквозь рубашку просвечивали тонкие, точеные ноги. «Еще одна ловушка», — подумал испанец, покоряясь. Всякий раз, как его уверенность начинала

колебаться, эта дьявольски красивая женщина находила повод использовать свое тело в качестве аргумента, заставлявшего его продолжить миссию.

До этого Молинас никогда не влюблялся: строжайшее воспитание отвратило его от противоположного пола, сохранялись лишь вспышки похоти, которые он усмирять как мог. Женщин, которыми он восхищался, так и не решаясь к ним прикоснуться, испанец рассматривал как орудия для осуществления своих замыслов. А теперь он влюбился в это очаровательное холодное существо и сам стал орудием, и это в его-то возрасте. Его чувство было обречено остаться платоническим и невысказанным, как бывает в отношениях робких подростков. Что за глупость влюбиться в шестьдесят лет!

Не имея возможности объясниться, Молинас все время находился в ожидании сочувственного знака, который придал бы ему мужества произнести те неуклюжие и искренние слова, что роились в мозгу. Герцогиня же, напротив, избегала подобных ситуаций. Она ограничивалась тем, что внезапно выставляла напоказ кусочек нагого тела, словно вскользь напоминая о существовании плотских радостей, ему недоступных. О том же говорили и бесстыдные демонстрации Джулии. И Молинас, ничего не смысливший в сложной игре обладания, стал рабом, марионеткой, вынужденной выполнять то, что в недалеком прошлом приказывал другим.

— Вы оделись? — робко спросил он, словно произнося неслыханную дерзость.

— Еще минуту, — пропела герцогиня. — А пока расскажите-ка мне об этом человеке, которого вы отслеживаете годами, о Нотрдаме.

— Я все о нем рассказал.

— Это так. Но мне бы хотелось, чтобы вы еще раз прочли мне отрывок, который читали в прошлом месяце. Из той рукописи, что вы выкрали у вашего врага, а я потом ему вернула. На арабском языке. Ведь вы его все время носите с собой, не так ли?

— Кто вам это сказал?

— Вы сами, кто же еще? Ах да, вы же не можете об этом помнить, вы были пьяны в ту ночь от одного бокала вина. Ну, прошу вас, прочтите текст.

Молинас почуял еще одну западню. Если он откроет глаза в поисках рукописи, он снова увидит полуголую Катерину и, следовательно, еще одна рана будет нанесена его сознанию. Он был уверен, что ей только того и надо. Он избежал подвоха, повернувшись к окну и приоткрыв глаза только в этом направлении. Листы со списком примечаний к «*Arbog Mirabilis*», обветшавшие за время бесконечных скитаний, находились в сумке на расстоянии вытянутой руки. Испанец взял их и уткнулся в них носом.

— Я прочту, но вы мало что поймете, — сказал Молинас, стараясь не поднимать глаз. — Я сам, хоть и улавливаю основной смысл, не могу понять практических аспектов. Наверное, их знает только Нотрдам.

— Кто знает, может, я смогу их истолковать, хоть я и женщина, о чем вы с таким упорством изволите забывать. — Тут герцогиня хитро усмехнулась, давая понять, что почувствовала смущение друга. И добавила уже серьезнее: — В Камерино я принимала астрологов и алхимиков. Отрывок, который вы прочтете, принадлежит сарацинскому философу, ведь верно?

— Верно. Его зовут Аль-Фараби. И он очень труден для понимания.

— Ничего, я постараюсь. Читайте, я слушаю.

Молинас начал своим каркающим голосом:

— Перевожу с латыни.

Не исключено также, что когда сила воображения достигнет в человеке высшего совершенства, он сможет и наяву получать от Активного Разума знания о событиях настоящих и будущих и об их осязаемых символах, а также о нематериальных сущностях и нематериальных существах более высокого ранга и даже все это увидеть. Возможно также, что благодаря полученным знаниям он станет пророком. Это наивысшая ступень восприятия, которой может достичь человек силой своего воображения.

— Можете смотреть, я оделась, — объявила герцогиня. И тут же добавила, без какого-

либо перехода меня серьезный тон на легкомысленный: — И не так уж и непонятен ваш текст. Вы полагаете, что Нотрдам обладает даром пророчества?

— Да, и у меня есть тому неопровержимые доказательства.

— Тот отрывок, что вы зачитали, ограничивается утверждением, что некоторые личности могут этим даром обладать, и только.

— Нет, текст говорит о большем. — Молинас поднял глаза на стоящую перед ним женщину и нашел ее, как всегда, необыкновенно красивой. Никому другому, кроме разве что своих учителей, он не стал бы растолковывать детали. С ней же все получалось само собой. — Надо бы прочесть вам предыдущие главы. Этот пассаж — всего лишь синтез рассуждений. Сами же рассуждения касаются иерархии сущностей высшего порядка, находящихся между Богом и человеком. У каждой из них своя сфера, которую надо пройти, прежде чем достигнешь сферы Бога. И это считается возможным. Нет ничего, что более противоречило бы христианству.

— Думаю, что поняла вас, хотя бы частично.

— Нет, вам этого не понять. Нотрдам опирается на некое магическое слово, знание о значении которого, похоже, передавалось в его семье из поколения в поколение, что вполне пристало самым опасным колдунам. Однако это слово — Абразакс — только видимость, на самом же деле это последовательность греческих чисел, дающих в сумме триста шестьдесят пять.

— Количество дней в году.

— Именно так. Количество дней в году. Но, согласно двум отцам церкви, Иринею и Ипполиту, гностики школы Василида утверждали, что Абразакс — вполне конкретная сущность, а число триста шестьдесят пять указывает...

В этот момент дверь распахнулась и в комнату вошла Джулия, как всегда, одетая в старое платье, а с ней хозяин дома. Выражение его туповатого лица было отнюдь не дружелюбным. Оба казались встревоженными.

— В чем дело? — спросил Молинас, быстро захлопнув книгу.

Джулия подбежала к нему.

— Кажется, в Апте зафиксированы первые случаи заражения чумой. Жители сбегаются сюда, к вашему жилищу, и требуют вас. Они нуждаются в вашем благословении.

— А я нуждаюсь хоть в каком-то отдыхе.

Хозяин дома развел руками.

— Если вы не спуститесь к ним, боюсь, они поднимутся сюда сами. Они как одержимые. Я начинаю думать, что решение дать вам кров было ошибкой.

— Надо было думать раньше. — Молинас поймал взгляд герцогини и сразу понял его значение. Он поднялся с постели. — Ладно, сейчас иду. А вы, мадам, оставайтесь здесь, и вы, Джулия, тоже. Я вернусь так быстро, как только смогу.

Спускаясь по лестнице, Молинас поправил серую рясу, которую он носил с тех пор, как согласился на эту бредовую человеко — убийственную миссию. Он не был уверен в том, что находится на правильном пути, а также в том, что риск, которому он подвергался, приблизит крах его недруга. Но он любил Катерину настолько сильно, насколько позволяло его иссушенное сердце, и не видел другого способа продолжить охоту на Нотрдама и загадочного Ульриха.

Площадь, на которую выходил дом, бурлила от собравшейся толпы. Кто-то молился, кто-то плакал, кто-то выкрикивал проклятия. В основном это были женщины, одетые в скромную льняную одежду. Большинство мужчин также принадлежали к небогатой части населения, горожан «среднего» класса насчитывалось не более десятка, знати — человека два, а рыцарей — ни одного. Такую же толпу Молинас видел вокруг костров, на которых сжигали ведьм в Испании и на Сицилии.

Взгляд Молинаса привлек к себе человек, стоявший на дальнем конце площади, скрестив руки. Он был одет с большим изяществом, с плеч спадал короткий плащ из красного бархата. Широкое румяное лицо заставило Молинаса вздрогнуть. Он хорошо его

запомнил... Нет, этот человек был гораздо моложе и вместо квадратной шапочки носил широкополую шляпу с перьями. Испанец отогнал видение и сделал несколько шагов вперед.

Его появление было встречено нестройными завываниями.

— Спасите нас! Благословите! Изгоните чуму!

Сквозь толпу пробились четверо крепких молодых людей. Они несли на простыне безжизненное тело молоденькой девушки, почти девочки, укрытое до подбородка белым полотном. Бледность лица и пятна гноя на полотне не оставляли сомнений в том, что было причиной ее кончины.

Молинас инстинктивно отпрянул от тела, источавшего ужасающее зловоние. Один из парней, с залитым слезами лицом, указал головой на труп.

— Спасите ее, прошу вас! Вы же можете! Это моя невеста!

Побледнев от ужаса, испанец взглянул на него.

— Но она мертва! Разве вы не заметили?

— Да, но вы же святой, вы можете вернуть ее к жизни! Спасите ее, умоляю!

Толпа протянула руки.

— Спасите! Спасите, во имя Господа! — зывали все без исключения, даже самые строптивые. Плач превратился в рев: — Воскресите ее! Спасите всех нас!

Молинас на миг растерялся. Он ничего не мог сделать для этих одержимых, но и отказывать им было опасно, он это чувствовал. На счастье, какая-то часть его сознания, может, освещенная Святым Духом, нашла выход из ситуации. Он скрестил руки и лицо его потемнело от гнева.

— Вы богохульствуете! — закричал он, притворяясь, что задыхается от негодования. — Разве вы не знаете, что только Христос мог воскрешать мертвых? Если вы допускаете, что это может и смертный человек, каким бы святым он ни был, вы язычники и еретики! И вы еще жалуетесь, что Господь покарал вас чумой! Вы богохульствуете открыто, как банда гугенотов!

Толпа заворуженно затихла. Заплаканный юноша замолчал и склонил голову. Молинас понял, что в его распоряжении лишь несколько мгновений. Потом оцепенение уступит место враждебности. И он заорал:

— Позор! Позор! Позор! Трижды позор! Эта бедняжка погибла по причине вашего безбожия. И вы хотите оживить ее? Никогда не слышал ничего более отвратительного! Этот город заражен не чумой, а грехом!

Наступило долгое, тяжелое молчание. Теперь все плакали уже беззвучно. Многих била дрожь, словно они поняли разницу между обыденным страхом и настоящим ужасом. Толпа смиренно ждала хоть какого-нибудь слова прощения, которое освободило бы ее от невыносимой тоски.

Молинас не заметил, как Катерина Чибо, вопреки его совету, оказалась с ним рядом. Герцогиня шепнула ему на ухо:

— Bravo! А теперь велите этим канальям целовать саван умершей.

Идея была гениальная, но дьявольская. Молинас содрогнулся от ужаса. Он в смятении посмотрел на подругу, и все колебания тут же утонули в глубине ее глаз. Нахмурившись, он оглядел толпу и протянул руки к телу.

— Если здесь и есть святая, то это невинная девушка, которая покоится тут среди вас! — взревел он. — Что же вы медлите прикоснуться к ней, поцеловать ее язвы, ее губы? Вы что, не разумеете, что она умерла во имя вашего спасения? Только так вы избежите гнева Господня!

Наступила минута замешательства, а потом вся площадь пришла в движение, зашумела шумными людскими потоками. Четверых парней так стиснули со всех сторон, что они выронили свою ношу. Первым край савана оторвал бородатый длинноволосый крестьянин. Он поцеловал кусочек материи и поднял его высоко над головой.

— Прости нас! — кричал он. — Помилуй и заступись!

Еще один крестьянин наклонился над трупом и запечатлел поцелуй на землистом лбу.

Какой-то молоденький нищий попытался протиснуться на его место, но у него ничего не вышло. Тогда он вырвал у покойницы клочок волос. Между тем несколько женщин уже снимали пелена, стремясь приложиться губами к ногам умершей.

Через несколько мгновений перед изумленным взором Молинаса предстал полнейший хаос. Покойницу вытряхнули из савана. На голом теле, под мышками и на спине ясно обозначались еще сочащиеся гноем бубоны. Тело крутили во все стороны. Оно то появлялось над головами толпы, то снова исчезало, выныривая в отвратительном и гротескном виде: все волосы были вырваны из головы, и их окровавленные клочья тут же становились предметами истерического поклонения.

Обмерший Молинас застыл от ужаса. Катерина встряхнула его за руку.

— Пойдемте! — возбужденно прошипела она. — Лучше нам как можно скорее убраться из этого города!

Они отпихнули хозяина дома, который глядел на площадь, разинув рот, и бегом поднялись в свои комнаты. Ни о чем не подозревающая Джулия сидела у окна в комнате Молинаса и читала. Герцогиня выхватила книгу у нее из рук.

— Собирай свои вещи, девочка моя, и поторопись. Мы должны как можно скорее уехать.

Девушка повиновалась, а герцогиня принялась шарить под скамьей.

— Что вы ищете? — спросил отупевший от ужаса Молинас.

— Склепки. Куда вы их дели?

— Они здесь.

Испанец открыл ящик письменного стола, и склепки звякнули внутри. В них находилась пенистая жидкость кровавого цвета.

— Ну и тайник! — саркастически усмехнулась герцогиня. — Суньте их куда-нибудь и быстро пакуйте багаж. Скорее! Не знаю, понимаете вы или нет, но здесь мы в смертельной опасности.

Вскоре Молинас, герцогиня и Джулия уже бежали по коридору к черному ходу, ведущему из дома через кухню. Дорогу им преградил неведомо откуда взявшийся хозяин дома.

— Куда это вы собрались? — спросил он с угрозой. Его обычно такое добродушное лицо исказилось гневом. — Теперь я понял, каким был дураком. Вы не боретесь с чумой, это чума появляется там, где появляетесь вы! Но как только город усложнится, я вас разоблачу! Я уже предупредил владетеля Экса, который заседает в парламенте, что...

Герцогиня взглянула на Молинаса.

— Диего, чего вы ждете?

Испанец прекрасно понял, чего хотела от него герцогиня, но понял также, что на это не способен.

— Я не...

Катерина не стала ждать, когда он закончит фразу, выпустила из рук саквояж и, схватив обеими руками один из висевших на стене кинжалов, по самую рукоятку вонзила его в горло хозяина, ловко увернувшись от брызнувшего из раны фонтана крови. Хозяин безуспешно попытался закрыть рану руками, а потом рухнул на пол. Джулия сдавленно вскрикнула, и этот крик послужил бедняге единственной епитавией.

Герцогиня уставилась на Молинаса своими ледяными глазами.

— Сразу видно, что вам никогда не приходилось удерживать власть в княжестве, окруженном недругами. — Она подняла саквояж. — Шевелитесь. У этого человека было несколько лошадей. Постараемся добраться до конюшни. Счастье, что она не выходит на площадь.

Полчаса спустя они скакали в южном направлении по пыльной дороге среди холмов, сплошь покрытых кустарником. Солнце спря талось за громадными черными тучами с изрезанными красноватыми краями, которые громоздились поверх кучевых облаков, предвещая бурю. Герцогиня Чибо-Варано оседлала белого жеребца, а Молинас, с Джулией за

спиной, ехал на сером.

Возделанные поля вокруг них чередовались с пустошами. Когда всадники сменили галоп на рысь, Молинас поравнялся с герцогиней. Он силился соединить в мозгу воедино все, что он увидел, и все, что сделал за такое короткое время, все, что казалось столь чуждым и диким после того, как он прожил жизнь, полную хитроумных интриг, которые он плел с поистине паучьим терпением. Преступное деяние Катерины его не только не потрясло, но даже не взволновало. Всегда можно было сослаться на необходимость или на то, что они действовали во имя высших целей. Все власть имущие поступали так, начиная с Папы. Его по-настоящему смущало только собственное преступление. Он понимал, что назавтра половина населения Апта заболеет чумой, а у другой половины начнется озноб.

— Думаю, мы сделали достаточно, — хрипло сказал он. — Наша миссия окончена.

— Почти окончена. Остался Экс. Он занимает важную стратегическую позицию.

— Но мы уже выдали себя, разве вам не понятно? Когда в Апте умрет каждый десятый, сведения о том, каким образом в город пришла чума, уже разнесутся по всему региону.

— Именно потому, что нас разоблачили, мы должны идти до конца. — Синие глаза пристально смотрели на Молинаса, и взгляд их слегка смягчился. Прическа герцогини растрепалась, и длинные белокурые волосы развевались на ветру. — Наше спасение, друг мой, связано с приездом Карла Пятого. Все, что мы сделали, мы сделали ради этого. Если мы сейчас остановимся — мы пропали. Экс должен пасть.

Эти слова показались Молинасу убедительными, но он спросил себя о том, сдал ли бы он с такой легкостью свои позиции, если бы эти слова произнесли другие губы. Испанец прекрасно понимал, что стал орудием в сильных руках, и его слегка унижало, что эти руки оказались женскими. С другой стороны, он настолько привык подчиняться чужой недостижимой воле, что для него сама идея полного повиновения несла в себе оттенок сладострастия. В армии, в условиях зависимости от суверенов, да и в самой церкви (не говоря уже об инквизиции) связующим элементом структуры зачастую является утонченное удовольствие от рабского подчинения и безответственности. Это чувство он испытывал всякий раз, когда жестоко увечил себя в наказание за промахи или когда ему доводилось карать врагов ордена, которому он служил.

— Хорошо, я с вами, — сказал он мрачно. — И да поможет нам Бог.

Чем дальше они продвигались на юг, тем больше хмурилось небо. Когда путники остановились в роще у ручейка, чтобы усталые лошади могли немного поpastись, их приветствовал возвращавшийся с поля крестьянин с мотыгой на плече.

— Да пребудет с вами Господь.

Он взглянул на низкие облака, покрывшие небо столь плотной пеленой, что стало темно, как в сумерки.

— Вам бы надо найти себе убежище. Вот-вот разразится буря.

Герцогиня, сидевшая на камне рядом с Джулией, тряхнула головой.

— Мы должны добраться до Экса засветло.

Крестьянин замахал свободной рукой.

— Экс? И не думайте! Там льет день и ночь, и конца этому не видно. Улицы тонут в грязи, реки вышли из берегов. Вода размыва кладбища, и останки трупов плавают в потоках. Возвращайтесь на север, пока не поздно.

— Мы едем в Экс, — решительно сказала герцогиня.

— Как хотите, — ответил крестьянин, откидывая назад длинные волосы. — Надеюсь, что вернетесь живыми. Здесь чума, а там настоящий ад, только с водой вместо пламени.

ЧЕЛОВЕК В РЯСЕ

Председатель парламента Экса, барон Жан Мейнье д'Оппед был в отчаянии. Он за руки подтащил Мишеля и Жана де Нотрадама к окну. По площади перед муниципалитетом медленно тащились повозки alarbres, подбирая трупы с булыжной мостовой. За ними шли

врачи в кожаных жилетах и масках с длинными клювами.

— Смотрите! — хрипло воскликнул Мейнье. — Мало тех бед, что приносят нам гугеноты и вальденсы, в прошлые месяцы на нас свалилось еще и наводнение. Трупы, вымытые из кладбищенской земли, валялись на опустошенных полях, заражая воздух миазмами. Погибла десятая часть населения. И с каждым днем положение все хуже и хуже. Мишель покачал головой.

— Нет, не думаю, что дело в трупах. Они, конечно, могли способствовать усилению эпидемии. Но чума давно уже бродит по Провансу. Экс оставался единственным незараженным городом.

На крючконосом лице вельможи с маленькими глазами цвета охры отразилось недоверие.

— Вы врач, вам виднее. Однако фактом остается то, что это не случайная вспышка.

Мои сограждане мрут как мухи. Или всему виной трупы на полях, или кто-то занес чуму в город. Хотел бы я знать кто.

Жан, до этого молчавший, оперся на подоконник и указал на Мишеля:

— Вряд ли мой брат сможет ответить на этот вопрос, хотя он и знаменитый специалист по эпидемиям. Я возвращаюсь к вопросу, который задал вам в начале аудиенции. Можете ли вы назначить Мишеля на официальную должность, например магистрата по здравоохранению? Уверяю вас, сейчас только он один может справиться с этой напастью.

— Не сомневаюсь в его способностях. Я должен собрать парламент, но теперь это невозможно. Надо, по крайней мере, выслушать консулов, но они все разбежались по своим затопленным имениям. — Магистрат внимательно посмотрел на Мишеля. — Я полностью вам доверяю, господин де Нотрдам, и буду очень признателен, если вы сможете хоть что-то сделать для города. Но я не могу сейчас обеспечить вас официальной должностью.

Мишель склонился в поклоне, скрывая разочарование.

— Весьма благодарен вам за доверие, господин д'Оппед. Я приготавливаю средство против чумы, которое сам разработал. Эта эссенция с нежным запахом нивелирует воздействие вредоносных миазмов.

Мейнье кивнул.

— В добрый час. Если вы добьетесь успеха, весь город будет вам благодарен.

— И я тоже буду признателен этому прекрасному городу. Скажите, это правда, что больные чумой женщины сами шьют себе саваны?

— Правда. Дело в том, что они не хотят, чтобы *alarbres* видели их наготу. Как бы ужасно это ни звучало, участились случаи изнасилования умирающих.

Мишель содрогнулся.

— Чума — как война. Она пробуждает самые низменные инстинкты. Не случайно чума и война всегда идут рука об руку. К счастью, вторая еще не наступила.

— Еще как наступила! — огорченно воскликнул Мейнье. — О, это не война с империей. С проклятого тысяча пятьсот сорок четвертого года голову поднял враг куда более опасный.

— О чем это вы? — удивленно спросил Жан. — Сколько лет здесь живу, но ничего подобного не слышал.

— Об этом знают не многие. Но там, на горе Люберон, — Мейнье неопределенно махнул рукой в сторону окна, — вальденсы, пользуясь нашей слабостью, пытаются снова отвоевать утраченные земли. Они выгнали семьи добрых христиан из имений, которые ранее принадлежали им и которые у них конфисковал Иоанн Римский. Короче говоря, чума — не единственная язва, с которой приходится бороться.

— Это ужасно, — в тревоге прошептал Мишель. — А войска, конечно, в основном стянуты к границам.

— Да. К счастью, из Салона подходит отряд добровольцев. Капитан де ла Гард собирал его много лет на свои средства, путешествуя по Провансу. Он вот-вот должен появиться здесь и выгнать еретиков. Полагаю, чума не помешает движению отряда, который не смогло

остановить наводнение.

— Господь вмешается и поможет святому делу.

В этот миг снаружи донеслось пение, сначала приглушенное, потом зазвучавшее все громче и громче. Пели хором, слегка фальшивя: «Стяги Царя Небесного гордо реют». И певцов, похоже, было много.

— Процессия в самый разгар чумы! — воскликнул потрясенный Мишель. — Это же лучший способ разнести заразу!

— Это не церковная процессия. Ее устроил то самый тип, что утверждает, будто чуму можно изгнать покаянием. Люди цепляются за малейшую надежду и верят ему. Вразумить их невозможно.

— Вам известно имя этого «святого»?

Человек в черной рясе, до сих пор державшийся в тени, выступил вперед. Мишель знал, что его зовут падре Пьетро Джелидо,⁴⁰ он тосканец и исполняет при Мейнье обязанности секретаря. Постоянная бледность и костлявая худоба священника вызывали опасения за состояние его здоровья.

— Имени никто не знает. Его называют «серым человеком» из-за цвета одежды. С ним всегда очень красивая женщина и девочка. На вид он просто страшный. К тому же у него не хватает обоих мизинцев.

И Мишель, и Жан хором вскрикнули. Жан заговорил первым:

— Не хватает мизинцев? Да никакой он не святой, он убийца! — Он задохнулся от волнения, и голос его прервался. — Я находился в Апте, когда там появился этот человек и принес беду! Это он сеет чуму! Он и его спутница!

— Вот и Рабле тоже говорил, что чума, похоже, вспыхивает именно после его появления. — Мишель пристально посмотрел на барона. — Господин д'Оппед, вы должны показать мне этого каналью! Может быть, внезапное возникновение эпидемии, которая косит население Экса, имеет страшное объяснение!

Мейнье нахмурился.

— Вот оно что... Ну, если так, то серый человек и его шлюха обломают себе зубы! Пойдемте со мной!

Они сбежали на первый этаж. Мейнье направился к офицеру, который расставлял стражу у входа.

— Соберите людей, сколько сможете, и идите за нами! Даю вам минуту. Они должны быть вооружены по всей форме.

Через некоторое время магистрат в сопровождении Мишеля, Жана, Пьетро Джелидо и вооруженного эскорта человек в двадцать уже шел по площади навстречу кающимся.

Процессия состояла в основном из всякого сброда, но было среди них и несколько горожан. Они распевали во всю глотку, экстатически раскачивая головами. С ними шли ребяташки, которые, не умея как следует петь, хлопали в такт в ладоши и веселились как могли. Впереди, опираясь на палку в виде креста, шествовал человек в серой рясе, с ним рядом — светловолосая женщина в элегантном платье, никак не подобающем ситуации. Ее броская красота ошеломляла.

Увидев эту пару, Мишель пошатнулся, словно у него закружилась голова.

— Диего Доминго Молинас! — прошептал он, едва обретя дар речи. — А с ним женщина, которая в Марселе привезла мне рукопись! Я так и знал, что тут не обошлось без этого чудовища...

— Вы их знаете? — спросил Мейнье.

— Их знаю я. — Жан был бледен, как брат, но гораздо сильнее разгневан. — Это они устроили кровопролитие в Апте и занесли туда чуму. Скорее всего, они повинны в убийстве человека, давшего им кров.

⁴⁰ Gelido — в переводе с итальянского: ледяной, холодный. (Прим. перев.)

Часть неба уже заволочло тучами, и они клубились, затемняя горизонт. Мейнье повернулся к командиру стражи:

— Арестуйте человека в сером и женщину, а толпу разгоните.

Офицер кивнул:

— К вашим услугам.

Он отдал быстрый приказ солдатам, те обнажили шпаги и выступили вперед.

Молинас удивился, увидев вооруженных людей. Потом его взгляд встретился со взглядом Мишеля. Рот распахнулся в крике, на лице одно за другим сменились смятение, ужас и злоба. Он не побежал, поскольку ноги его тряслись и подгибались от страха. Герцогиня, обернувшись к толпе, закричала:

— Добрые христиане, защищайтесь! Они хотят причинить зло святому, который спасает вас от чумы! Ими движет Сатана!

Процессия, перестав петь, зашумела и возбужденно заволновалась, однако вид обнаженных шпаг умерил ее воинственный пыл. Видимо, многие из присутствующих знали, что Мейнье д'Оппед слыл человеком жестоким. Толпа глухо гудела, но никто не осмеливался вступить за «святого» и его спутницу.

Небо тем временем потемнело, как ночью. Поняв, что они попались, герцогиня пустилась было бежать, но один из солдат схватил ее и удержал. Остальные набросились на Молинаса, который не оказал никакого сопротивления. Один из кающихся, крестьянин с волосами до пояса и открытой волосатой грудью, выступил вперед. Лицо его перекосило от гнева.

— Что вам сделал этот святой человек, господин д'Оппед? — крикнул он, обращаясь к Мейнье. — Не смейте его трогать! Он единственный может нас спасти!

За плечами главаря толпа снова угрожающе заревела, но Мейнье не так-то просто было напугать. Он остановил тяжелый взгляд на крестьянине и крикнул как можно громче, чтобы все слышали:

— Ошибаешься, приятель. Человек, за которым вы идете, колдун и убийца. Это он и его шлюха принесли чуму в наш город и заразили весь Прованс. Гляди, не вздумай препятствовать королевскому правосудию, которое я представляю, или я сочту тебя его сообщником.

Крестьянин возразил уже без прежней уверенности:

— А у вас есть доказательства?

— Конечно есть, — ответил Мейнье. — И свидетели есть. — Он указал на Мишеля. — Рядом со мной доктор де Нотрдам. Он избавил от чумы Монпелье и много других городов. Впрочем, понятно, что я не взял бы себе в помощники мужлана вроде тебя. А если ты будешь упорствовать в неповиновении, еще засветло очутишься на виселице.

Испуганный крестьянин растворился в толпе. Герцогиня попробовала вскрикнуть, но солдат стиснул ей горло, и она лишь что-то промычала.

Молинас наконец очнулся и бросился бежать, пытаясь прошмыгнуть между стражниками, но безуспешно. В толпе снова раздались крики, на этот раз в его адрес:

— Отдайте его нам! Проклятый отравитель! Убийца!

Со всех сторон на площадь стекались потоки разъяренных людей.

Откуда-то прибежал парень с полотняной сумкой.

— Смотрите, вот их багаж! — закричал он. — Тут полно пузырьков с кровью и гноем!

Крики гнева слились в сплошной рев. Солдаты, державшие Молинаса, вынуждены были выставить вперед шпаги, чтобы удержать наиболее ретивых, но надолго их сил не хватило бы.

— Надо быстро что-то предпринять, — шепнул Мейнье Жану. Он шагнул вперед и поднял руку, требуя тишины. — Народ Экса, твое желание отомстить священно! — торжественно отчеканил он. — Как председатель парламента города я приказываю сжечь убийцу в серой рясе на площади, чтобы никому больше не пришлось бы в голову убивать невинных! В толпе вновь раздались одобрительные крики. Какая-то старуха взвизгнула:

— Тотчас же!

— Тотчас же, — ответил Мейнье.

— И девку тоже! — не унималась старуха, протянув костлявые пальцы.

Мейнье наклонился к Жану.

— Я не могу приговорить женщину без суда.

Жан кивнул, и магистрат поднял руку.

— Я сам буду решать! — уверенно заявил он. — Замолчите и слушайте мое решение!

Тут же наступила тишина. Магистрат подождал несколько мгновений, потом проскандировал:

— Именем его величества короля, ввиду невозможности собрать парламент Экса, я, Жан Мейнье, барон д'Оппед и бальи Кавейона, решил так. Колдун, известный под именем «серый человек», принесший чуму, да будет сожжен живым как некромант. Доказательства его вины неопровержимы. Что касается женщины, которая его сопровождает, то она будет голой высечена до крови на каждом городском перекрестке после того, как увидит казнь своего сообщника. Если выживет, то кончит свои дни в тюрьме. Если умрет, то позорной смертью. А теперь возблагодарим Господа за то, что он позволил нам разоблачить преступников.

Толпа выдохнула славословие и пала на колени в молитве. Мишель, напротив, с высоко поднятой головой пристально глядел на Молинаса. Тот был словно взбесившийся зверь. Он извивался, лягался, силясь высвободиться из рук стражи. Было видно, что он пытается что-то сказать, но из глотки вылетал только хрип, и по подбородку текла слюна.

Наконец, когда молитва уже подходила к концу, он немного успокоился и бросил на Мишеля такой ненавидящий взгляд, что толпа отшатнулась. Герцогиня, напротив, казалось, была абсолютно равнодушна ко всему. Только ее грудь чуть вздрагивала, выдавая страх.

Как только миновали несколько минут видимого спокойствия, д'Оппед подозвал к себе офицера стражи.

— Капитан, видите повозку, брошенную *alarbres*? Подгоните ее сюда, распрягайте лошадей и велите привязать «серого человека» к колесу. Поняли, что я задумал?

— Думаю, да.

— Выполняйте. — Мейнье намеренно говорил очень громко, чтобы толпа, в нетерпении ожидавшая казни, не стала по собственной инициативе ускорять события. Нельзя было потерять контроль над ситуацией, и магистрат сделал знак солдатам, державшим герцогиню: — Вы слышали мой приказ? Чего ждете?

Послышался отдаленный раскат грома, словно потемневшее небо стремилось подчеркнуть драматизм ситуации. Один из солдат подошел к герцогине сзади и рванул ей платье на спине, другой вцепился в юбку, пытаясь ее стащить. Катерина не реагировала до тех пор, пока не почувствовала, что ее схватили за волосы, запутывая прическу. Она инстинктивно поднесла руки к голове, но то был всего лишь трюк, необходимый для того, чтобы удобнее было разодрать рубашку. По шуточкам и улюлюканью толпы она поняла, что стоит совсем голая. Катерина быстро наклонилась вперед, стараясь прикрыть руками грудь и лобок, но солдаты крепко схватили ее за руки, вынуждая выпрямиться и открыть хохочущей толпе свою наготу.

Мишель подумал про себя, что женщина и вправду необыкновенно хороша. Он заметил, что она не плакала, хотя и была к тому близка. В ледяных голубых глазах читалось безграничное отчаяние, остатки стыдливости и сильнейшая ненависть.

В этот момент внимание Мишеля отвлекла подъехавшая повозка. Молинаса втащили на нее и привязали за руки к спицам колеса. И тут же солдаты опрокинули повозку на противоположный бок. Молинас повис в воздухе, прижатый спиной к ободу колеса, с продетыми в спицы руками. Он слегка покачивался, и колесная ось скрипела в такт.

— Поджигайте повозку, — скомандовал Мейнье. Он взглянул на небо. — Надо торопиться, пока не пошел дождь.

Над площадью взвился новый вопль восторга. Мишель, впавший в странное

лихорадочное состояние, услышал этот крик сквозь звон в ушах. Из муниципалитета вышел солдат со смоляными факелами в каждой руке и бросил их на повозку. Поначалу ничего не происходило, потом заструился тонкий дымок и показались языки пламени.

Только теперь к Молинасу вернулся голос. Он выплюнул сгусток слюны и крикнул:

— Колдун — совсем другой человек! Он здесь, среди вас!

Заметив, что осужденный смотрит прямо на него, Мишель задрожал. Однако этого следовало ожидать.

— Полюбуйтесь на этого порядочного человека! — орал Молинас. — А знаете, что он еврей? Что вся его наука — оскорбление Господа? Но есть одна вещь, которой вы наверняка не знаете! Этот демон убил жену и детей! Разве не так, Мишель?

Никто в толпе не понял смысла его слов. Да никто, по правде сказать, и внимания на них не обратил. Всех занимал огонь, охвативший повозку. Вот уже занялся край серой рясы. По знаку Мейнье солдаты вытолкнули вперед Катерину, чтобы она видела все происходящее. Она оказалась в нескольких ах от костра и не опустила глаз.

Молинас пристально посмотрел на подругу, потом закрыл глаза, и лицо его исказила гримаса боли. Снова открыв глаза, он старался поймать взгляд Мишеля.

— Ты-то уж знаешь, кто из нас двоих на стоящее чудовище! — снова заорал он. — Где твоя жена? Где твои дети? Это ты должен быть на моем месте!

Он резко вскрикнул. Пламя охватило его ноги. Он дернулся и широко раскрыл рот.

— Я вернусь!

Он выгнулся, пламя добралось ему уже до пояса. Мутные, лихорадочно бегающие глаза остановились на Катерине.

— Я вернусь, моя подруга! Вернусь к тебе! — крикнул он во все горло, и голос пропал.

В следующую минуту пламя покрыло его лицо. И Мишелю показалось, что, прежде чем оно превратилось в чудовищную маску из пузырей и лопнувшей кожи, глаза умирающего сверкнули экстазом, а обугленные губы прошептали:

— Благодарю Тебя, Христос. Я заслужил такой конец.

Потом Молинас превратился в уродливую горящую головешку. А еще через несколько секунд его погребла под собой рухнувшая телега. Тут Катерина разрыдалась.

Мишелю было очень скверно, и он, шатаясь, побрел прочь с места казни. Жан бегом догнал его и схватил за руку.

— Вот змеюка! — возмущенно воскликнул он. — И еще намекал на твою жену и детей! Понимаю, как тебе больно. Ну ничего, больше он ни в кого не плюнет ядом. Еще немного, и его прах смешается с грязью.

Жан имел в виду грозу, собиравшуюся над их головами. Мишель отстранился.

— Оставь меня, мне надо побыть одному.

— Как хочешь, — ответил Жан. — Только смотри не уходи далеко: сейчас пойдет дождь.

Мишель зашагал к переулку и услышал, как у него за спиной Мейнье скомандовал:

— А теперь — высечь девку!

Толпа снова радостно заревела. Мишелю не хотелось видеть это зрелище, и он поспешил уйти с площади, наугад пробираясь мимо опустевших домов. По дороге он заметил девушку, которая отчаянно плакала, спрятав лицо в ладонях и привалившись к стене муниципалитета. Ему показалось даже, что он узнал ее: это она в Марселе приносила письма от герцогини Чибо-Варано. Но теперь ему было не до нее.

Долго брел он так со смятенной душой, а в сгустившихся на небе облаках то и дело сверкали молнии. Дождь все не начинался. Он поднял глаза к небу, почти уверенный, что увидит три солнца в ряд. Но увидел только облака и услышал длинные раскаты грома.

Добравшись до окраины города, Мишель вынужден был остановиться. Дорогу ему преградили ряды вооруженных людей во главе с несколькими всадниками. Это не были солдаты короля: на одних болтались обломки лат, на других — ржавая кольчуга, на третьих — неизвестно с какой войны оставшийся жилет. Одни тащили на плечах длинные аркебузы,

другие довольствовались просто палками. Их можно было бы принять за разбойников, если бы не присутствие в их рядах многочисленных монахов и священников. Вместо стягов над лесом копий и вил раскачивались длинные кресты.

Мишель непонимающе глядел на эту процессию, пока от авангарда не отделился и не подъехал к нему всадник. Когда он приподнял забрало, грубое улыбающееся лицо показалось Мишелю знакомым.

Всадник наклонился к нему.

— Вы, наверное, меня не помните, а я вас запомнил хорошо. Я барон де ла Гард. Мы встречались на дороге в Валенсию.

— Да, припоминаю, — поколебавшись, ответил Мишель. — Куда направляетесь?

— На гору Люберон, чтобы покончить наконец с еретиками вальденсами. Каждый добрый христианин должен отправиться с нами. Отчего бы и вам не присоединиться к моему войску?

Мишель покачал головой.

— Желаю удачи, но у меня теперь другие заботы.

— Это видно. Но учтите: если у вас есть что забыть или какие-нибудь счета с Богом, лучшего случая, чем этот Крестовый поход, не подвернется. Тому, кто пойдет с нами, обеспечена не только слава, но и полное отпущение грехов. Понимаете? Полная ликвидация всех грехов и воссоединение со святой матерью церковью.

Мишель собирался уже снова отказаться, но удержался, повинуясь какому-то внутреннему толчку.

— У меня нет оружия... — пробормотал он.

Барон де ла Гард сердечно улыбнулся.

— Не тревожьтесь об экипировке, мы ее добудем. Врачи нужны нам больше, чем бойцы, а ваша шапочка говорит о том, что вы продолжаете практиковать.

Мишель колебался недолго. Служба безусловно христианскому делу наверняка отвлечет его от угрызений совести и заставит навсегда забыть свое происхождение. И тогда уж до почета и уважения рукой подать.

— Хорошо, я еду с вами, — сказал он решительно.

Лицо барона расплылось в дружеской улыбке.

— Я знал, что на вас можно рассчитывать, и был уверен в этом с первой же встречи. Становитесь в наши ряды. Я же поеду поприветствовать господина Мейнье. А потом — в путь, прежде чем начнется гроза.

Мишель машинально занял место в ряду оборванцев, в его голове громоздились противоречивые мысли. Стараясь попадать в ногу, он снова поднял глаза к небу. Там грохотало и сверкало, но гроза явно медлила. Темные облака двигались к северу, в направлении горы Люберон.